

Тайна теневого следа

Эрнисов Алмаз

Алмаз Эрнисович

Тайна теневого следа

«Автор»

2026

Эрнисович А. Э.

Тайна теневого следа / А. Э. Эрнисович — «Автор», 2026

В возрасте десяти лет Том Пасмор попал под машину. Он умер и уже проходил сквозь туннель, когда его вернули обратно. Но он возвратился не совсем таким, каким был. Теперь он мог видеть темную суть окружающих его людей. Постепенно это прошло, но прежним мальчиком он так и не стал. Он стал читать книги. Много книг. Но больше всего ему нравились детективы. Может и не удивительно, что когда он вырос и заканчивал учиться в школе, он заинтересовался убийствами, происходящими на их острове. Попытаться их расследовать — что может быть естественно для такого парня, как Том. Парня, который мог видеть темную суть, но забыл об этом.

© Эрнисович А. Э., 2026

© Автор, 2026

Алмаз Эрнисович

Тайна теневого следа

Название книги: Теневой след

Автор: Эрнисов Алмаз

Жанр: Триллер, детектив, приключение

С самого начала необходимо уяснить для себя, что острова Милл Уолк не существует ни на одной карте. В одном из домов на острове Милл Уолк по ступенькам, ведущим в подвал, быстро бежит, спасаясь от истошных криков своей матери, маленький мальчик. Бежит он так быстро, что забывает закрыть за собой дверь, и крики проникают в подвал вслед за ним, заполняя собой воздух, лишая его кислорода. Ему жарко, эти заставляя мальчика чувствовать себя виноватым, хотя и неизвестно, в каком преступлении — может быть, только в том, что он ничего не может сделать, чтобы заставить мать замолчать.

Добежав до нижней ступеньки, мальчик спрыгивает на бетонный пол, закрывает уши руками и бежит между продавленной зеленой кушеткой и деревянным креслом-качалкой к старому, выдавшему виды верстаку, стоящему вплотную к стене. Верстак, так же как и мебель, принадлежит его отцу, и, хотя на нем полно инструментов — отвертки и молотки, рашпили и напильники, жестянки, полные гвоздей, тиски и плоскогубцы, лобзики и пилы, а также ручная дрель, долото, рубанок и стопка наждачной бумаги, — все же на этом верстаке ни разу ничего не смастерили и не починили. На всем лежит толстый слой пыли. Мальчик быстро ныряет под верстак и прислоняется спиной к стенке. Затем он осторожно отнимает руки от ушей. Одна секунда тишины перетекает в другую. Теперь он может дышать. В подвале прохладно и тихо. Мальчик садится прямо на пол и закрывает глаза.

Мир остается таким же — прохладным, темным и беззвучным.

Тогда он снова открывает глаза и видит прямо перед собой картонную коробку, стоящую в тени верстака, так что ее совсем не видно с другой стороны. Коробка также покрыта толстым слоем пыли. Пыли так много, что, пробегая, мальчик оставил на ней следы — они напоминают неровные строчки, кое-где стертые ластиком, здесь можно разглядеть запятые, восклицательные знаки, слова на непонятном языке. Сквозь пляшущую перед ним пыль мальчик тянется к коробке, открывает крышку и видит, что коробка почти пуста, если не считать стопки старых газет, лежащих на самом дне. Мальчик поднимает верхнюю газету и удивленно смотрит на заголовок. Он уже умеет читать, хотя и не пошел еще в первый класс. Он видит в заголовке смутно знакомое имя. «В озере найдено тело Джанин Тилман».

Тилман — фамилия их соседей, но имя Джанин звучит для мальчика так же загадочно, как и слова «в озере найдено тело». Заголовки следующей газеты тоже набраны огромными буквами. «Местного жителя обвиняют в убийстве миссис Тилман». И следующая, последняя газета сообщает, что «тайна оказалась трагедией». Здесь мальчик не понимает уже почти ни слова. Он разворачивает газету и кладет ее перед собой на пол. Время от времени в тексте мелькают знакомые слова — «тень», «жена», «дети». Но никто из людей, изображенных на фотографиях, мальчику не знаком.

Постепенно мальчик разворачивает все газеты и видит в одной из них фотографию женщины, смутно напоминающей его мать. «Наверное, ей понравится эта фотография, — думает мальчик, — надо отнести ей в подарок эти интересные старые газеты и сказать, что я нашел их под верстаком».

Мальчик кое-как собирает газеты с пола, вылезает из-под верстака и идет к выходу, несколько страниц падают и остаются лежать на полу, но он не останавливается, чтобы поднять их. Мальчик карабкается по ступенькам в кухню, затем идет по коридору в комнату матери.

Она стоит перед ним в своей синей ночной рубашке, волосы ее растрепаны, а глаза — где-то, не здесь, словно это только кажется, что она смотрит ими наружу, а на самом деле взгляд обращен внутрь.

— Ты что, не слышал меня?

Мальчик качает головой.

— Ты не слышал, как я звала тебя?

— Я был в подвале, — мальчик подходит к матери. — Посмотри, что я нашел, — это тебе.

Мать медленно подходит к нему.

— Тебе не следовало от меня прятаться.

Она берет из рук мальчика подарок, и он тут же понимает, что это вовсе не подарок, а ужасная, чудовищная ошибка. На пол падают еще несколько страниц. Мать подносит газеты к глазам. Теперь уже не только глаза, но и все лицо матери словно обращено внутрь, словно она одержима каким-то невидимым, но могущественным демоном. Она роняет газету и бежит, пошатываясь, в сторону кухни. Лицо ее смеется, но изо рта вырывается не смех, а чудовищный, нечеловеческий крик. Она опускается на стул и роняет голову на руки.

Часть первая

Смерть Тома Пасмора

1

В середине пятидесятых светлым июньским днем Том Пасмор, десятилетний мальчик с кожей такого цвета, словно он появился на свет с двухнедельным загаром, выпрыгнул из фургона молочника и обнаружил, что находится в совершенно незнакомой части Милл Уолк. С самого утра, когда он проснулся от криков, раздававшихся из спальни матери, в нем жило чувство нависшей опасности. Он проходил с этим чувством весь день, который и без того был довольно беспокойным, а сейчас, помахав на прощанье водителю фургона, вдруг почувствовал, что ощущение тревоги усилилось, оно напоминало яркий свет, бьющий в глаза. Том подумал было, не вскочить ли ему обратно в фургон, но тот уже мчался вниз по Калле Бурле. Том пристально вглядывался сквозь легкую дымку в улицу, по которой двигались в два ряда велосипедисты, конные упряжки и автомобили. Было уже далеко за полдень, и солнечный свет окрашивал все кругом в розоватые тона, вдруг напомнившие мальчику картинки из книжек с комиксами, на которых изображались обычно взрывы и пожары.

В следующую секунду сцена, за которой наблюдал Том, исчезла, почти померкла перед другой, исполненной величайшего смысла и почти невыносимой для глаз красоты. Словно под внешней оболочкой, доступной его глазу, вдруг пришли в движение какие-то неведомые механизмы. На несколько секунд Том застыл, как замороженный, не в силах пошевелиться. Казалось, что сама природа проснулась и проявила свою сущность.

Том стоял, освещенный лучами красного света, в облаке пыли, поднимавшейся от дороги.

Он привык к более спокойным улицам восточной части острова, и, возможно, призрак таинственной силы, разлитой в воздухе, почудился ему благодаря тому, что он попал на Калле Бурле, так не похожую на его родную Истерн Шор-роуд. То, на что смотрел сейчас Том, было для него словно другим миром, который он никогда не видел раньше. Он не имел ни малейшего представления ни о том, как попасть обратно на восток острова, ни о том, почему он, собственно, разыскивает в этой части города засевший у него в голове адрес. Постепенно до него снова стали долетать звуки оживленной улицы — велосипедные звонки, похожие на стрекот кузнечиков, цокот лошадиных копыт. Только теперь Том понял, что стоит, затаив дыхание, а глаза его застилают слезы. В дальнем конце улицы покачивался на козлах водитель фургона, на котором приехал сюда Том. Позвякивание молочных бутылок сливалось с общим гамом. Так что же произошло несколько секунд назад? Где он был? В другом мире? Или за призрачной оболочкой этого мира?

Том пристально вглядывался в оживленную улицу и пытался понять, чего именно он с тревогой ожидал весь день. Может, именно этого? Его словно толкнули — вытолкнули за рамки привычной реальности. На две секунды, которые показались ему вечностью, — ровно настолько, сколько все дрожало и расплывалось у него перед глазами, — он очутился в другом мире, лежащем за пределами того, в котором он жил.

Улыбнувшись, Том подумал, что все это немного напоминает романы Жюль Верна и Роберта Хайнлайна. Он отступил на шаг назад и поглядел на восток. Широкая оживленная улица была забита лошадьми и всевозможным транспортом, большую часть которого составляли велосипеды. Все это двигалось сквозь пелену света и пыли.

Том вдруг понял, что раньше просто не представлял себе, что значат на самом деле слова «час пик». На Истерн Шор-роуд часом пик называли время, когда по улице могут проехать машина-другая и играющим на мостовой детям придется уступать им место. Однажды Том видел, как врезались друг в друга два велосипедиста и по красным кирпичам мостовой разлетелось ослепительно белое белье, которое вез из прачечной один из них. Это и было в представлении Тома часом пик. Конечно, мальчику приходилось бывать в офисе отца в деловой части города, он видел движение на Калле Хоффманн, и еще он ездил с родителями в гавань Милл Ки, и они двигались в ряду небольших автобусов, машин и экипажей по обсаженной пальмами дороге, а в самой гавани он видел множество машин, ожидавших клиентов, которых требовалось отвезти в один из отелей — «Форшеймер» или «Сент Алвин». (Строго говоря, на Милл Уолк не было отелей для туристов. В «Форшеймере» останавливались в основном банкиры и всякие денежные шишки, а «Сент Алвин» давал приют бродячим музыкантам вроде Гленроя Брейкстоуна и неподражаемых «Тагетс», а также игрокам и другой публике подобного рода.) Но все же Том никогда не бывал в деловой части города ближе к концу дня и никогда не видел такого огромного потока транспортных средств, движущихся навстречу друг другу в противоположных направлениях, но в основном на запад — в сторону Шурц-бэй и Бухты Вязов. Это выглядело так, словно все жители острова внезапно решили собраться в одном конце Милл Уолк. На секунду Тома охватила паника, и каким-то странным образом это было тесно связано с тем, что он только что пережил. Он испугался, сумеет ли найти дорогу домой.

Но ему вовсе не хотелось возвращаться, по крайней мере до тех пор, пока не найдет нужный ему дом. Тому казалось, что ему вот-вот попадется какой-нибудь милый общительный человек вроде кучера молочного фургона, который пригласил Тома забраться внутрь, несмотря на то, что на фургоне висел знак «Перевозка пассажиров запрещена», и всю дорогу расспрашивал, есть ли у него девочка — Том был крупным мальчиком и выглядел скорее на тринадцать, чем на десять лет. Чувство тревоги не покидало его весь день, не давало прочесть больше двух страниц подряд, гнало из спальни в гостиную, а затем к входной двери. Наконец ему удалось немного успокоиться, меряя шагами лужайку перед домом и гадая про себя, не случится ли сегодня что-нибудь интересное — может, Сэм Тилман снова налетит на Дженни Лангенхайм или, как два дня назад, на их улицу забредет выживший из ума пьяница, который будет орать и бросаться в окна камнями.

Странно, но хотя чувство торжественной гордости, охватившее его на несколько секунд, уже исчезло, другое чувство, появившееся вместе с ним, было по-прежнему таким же сильным.

Его толкали, его двигали куда-то.

Том решил осмотреться в незнакомом месте и обнаружил, что стоит между двумя массивными деревянными зданиями, за каждым из которых виднелась лужайка, а чуть дальше — ряд домов на другой улице. Та, вторая улица, по обе стороны которой росли раскидистые вязы, казалась такой же тихой и спокойной, как Истерн Шор-роуд. Дома, стоявшие под вязами, были не такого внушительного вида, как на Калле Бурле. Том сразу понял, что вторая улица была для него запретной территорией. Он точно знал это, как если бы вокруг улицы были натянуты

цепи или здесь висел знак, приказывающий держаться подальше, потому что, если он ступит на эту улицу, разверзнутся небеса и его поразит молния.

Воображаемый свет, освещавший его лицо, становился ярче и горячее. Теперь Том не сомневался, что не зря проделал свой путь через весь город. Он шагнул в сторону и увидел на запретной улице двухэтажный деревянный домик, выкрашенный сверху в темно-коричневый цвет, а снизу — в кремово-желтый.

Два дня назад Том сидел в гостиной в полосатом шезлонге и читал Жюль Верна. Он всегда находил успокоение в воображаемой, зато полной безопасности слов, собранных в предложения и абзацы. Слова стояли на месте и в то же время двигались, все время менялись, оставаясь всегда одинаковыми, открытыми для него. Это был выход, это была настоящая безопасность.

Вдруг раздавшийся снаружи звук заставил Тома вскочить с шезлонга — что-то с глухим звуком ударилось о стену дома. Затем он услышал голос, невнятно бормочущий ругательства. — Мерзавец. Дерьмо собачье! — о стену ударился еще один камень.

Том быстро подбежал к окну, непроизвольно держа пальцем в книге то место, на котором закончил читать. На тротуаре напротив дома стоял, пошатываясь, коренастый мужчина с редкими каштановыми волосами. У ног его лежал холщовый мешок, полный камней. Мужчина держал в каждой руке по булыжнику размером с бейсбольный мяч.

— Так поступить со мной! — вопил он. — Думаешь, с Уэнделлом Хазеком можно обращаться как с кучей дерьма?

Он резко повернулся и чуть было не упал. Потом опустил руки и согнул плечи, напоминая при этом обезьяну, и стал буравить глазами два дома, стоявшие напротив, — оба с высокими колоннами, круглыми башенками и двойными парапетами. Один из них, дом Джейкобсов, сейчас пустовал, так как мистер и миссис Джейкобс отправились на лето на континент. Другой дом занимал Леймон фон Хайлиц, загадочный и угрюмый пожилой джентльмен, вокруг которого витали отзвуки какого-то давнего скандала. Мистер фон Хайлиц всегда носил перчатки — светло-серые или лимонно-желтые, менял костюмы пять-шесть раз в день и никогда в жизни не работал ни одного дня. Он всегда быстро выскакивал на крыльцо, когда требовалось прогнать соседских мальчишек, которым пришлось в голову наступить хотя бы на краешек его газона.

Нарушитель спокойствия кинул один из камней в дом фон Хайлица. Камень ударился о стену всего в нескольких дюймах от зарешеченного окна. Тому показалось, что фон Хайлиц вот-вот материализуется из воздуха, размахивая кулаком в серой лайковой перчатке.

Человек, стоявший внизу, мотнул вдруг головой, словно сгоняя муху, попятился назад и нагнулся за новым камнем, то ли забыв о том, который держал в левой руке, то ли посчитав, что одного недостаточно. Он засунул руку в холщовый мешок и стал шарить там, очевидно подыскивая булыжник подходящего размера. На мужчине были застиранные брюки и рубашка цвета хаки, расстегнутая до самого живота. Лицо и шея его были покрыты загаром, а живот — абсолютно белый. Нарушитель спокойствия потерял вдруг равновесие и упал, ударившись лицом о тротуар. Когда он сумел наконец подняться на колени, нижняя часть его лица была залита кровью. Теперь он смотрел на дом Тома. Мальчик испуганно отшатнулся от окна.

Дедушка Тома, Гленденнинг Апшоу, самая внушительная личность из всех, кого ему приходилось когда-либо видеть, одетый в неизменный черный костюм, прошел вниз по лестнице, не замечая внука, и захлопнул за собой входную дверь. Каким-то непонятным образом Том знал, что нарушитель спокойствия пришел именно к его дедушке и только он может разговаривать с этим человеком. Вскоре дедушка появился на улице и, опираясь на зонт, служивший ему тростью, пошел по мостовой туда, где стоял Уэнделл Хазек. Человек что-то прокричал дедушке, но тот ничего не ответил. Нарушитель спокойствия швырнул камень в розы, посаженные Глорией Пасмор, и снова упал как раз в тот самый момент, когда Гленденнинг Апшоу

подошел к тротуару. К великому изумлению Тома, дедушка поднял человека с земли, стараясь не выпачкать костюм его кровью, и встряхнул, точно сломанную игрушку. Из окна наверху донеслись бессвязные крики матери Тома, но вдруг они резко смолкли, словно только сейчас Глория неожиданно поняла, что ее слышно на всю улицу. Отец Тома, Виктор Пасмор, спустился вниз, встал рядом с сыном у окна и стал спокойно смотреть на происходящее, не обращая внимания на сына. Том выскользнул из гостиной, все еще сжимая в руке «Путешествие к центру земли», пробежал по пустому коридору и вышел на улицу. Он боялся, что дедушка убил нарушителя спокойствия ножом дяди Генри, который всегда носил в кармане брюк.

Стояла обычная для этих мест июньская жара, температура достигала, должно быть, девяноста градусов. Том быстро пошел по тропинке к улице, и тут оба — нарушитель спокойствия и Гленденнинг Апшоу — удивленно посмотрели на него. Затем дедушка сделал Тому знак, чтобы он уходил отсюда, и отвернулся, а второй человек, Уэнделл Хазек, снова согнув плечи, продолжал в упор смотреть на мальчика. Дедушка Тома потянул его за собой, но тот вырвался.

— Ты ведь знаешь меня, — сказал он. — Или станешь делать вид, что это не так?

Гленденнинг Апшоу довел незнакомца до конца квартала, и оба они исчезли за поворотом. Том оглянулся на дом и увидел, что отец укоризненно покачивает головой. Из-за угла Истерн Шор-роуд и Ан Дай Блумен снова появился дедушка, задумчиво покусывающий на ходу нижнюю губу. Походка его была такой решительной, словно он только что отправил нарушителя спокойствия за пределы этого мира. Подняв глаза, он увидел Тома и слегка нахмурился.

Войдя в дом, Гленденнинг не произнес ни единого слова. Они с Виктором молча поднялись наверх, и как только за ними закрылась дверь спальни его матери, Том пробрался в кабинет, взял телефонный справочник Милл Уолк и листал его до тех пор, пока не нашел имя Уэнделла Хазека. Сверху слышны были громкие голоса. Тому удалось разобрать только одно слово, произнесенное дедушкой, — «наш». Или «нас»? Или «час»?

2

Том услышал вдруг звук, напоминающий крик животного, и уже через секунду усомнился, слышал ли он его на самом деле. Крик по-прежнему звучал у него в голове, но внутри, а не снаружи, потому что такой тихий звук вряд ли удалось бы расслышать за шумом и грохотом Калле Бурле.

Тому вдруг очень захотелось домой. И в самом деле, что он делает тут, в совершенно незнакомом районе? Уличное движение лишало его возможности попасть на другую сторону улицы. В те годы на Милл Уолк еще не было светофоров, а машины и другой транспорт тянулись в обе стороны, насколько мог видеть глаз. Чтобы перейти через улицу, Тому придется ждать, пока закончится час пик, а к тому времени наверняка уже почти стемнеет.

И тут он услышал настоящий, реальный звук, который окружал, словно мембрана, все звуки улицы. Крик растворился внутри себя самого и постепенно стих. Он напомнил Тому животное, которое, начав с хвоста, пожирает себя целиком.

Затем крик снова вернулся — он висел, словно розовое облако, над кварталом, простиравшимся за Калле Бурле. Облако вдруг рассыпалось на множество мелких точек, а потом превратилось в яркую нить, плывущую над крышами домов.

Засунув руки в карманы белых хлопчатобумажных брюк, Том двинулся в восточном направлении. Рубашка, прилипшая к спине, была вся в серых пятнах, оставшихся от молочных бутылок.

За домами на Калле Бурле проглядывала то здесь, то там запретная улица. Между двумя большими домами из красного кирпича он снова увидел желто-коричневое здание, а рядом — еще одно, поменьше, сложенное из необработанного известняка, между плитами которого виднелись серые полосы раствора. Том обнаружил, что стоит перед деревянным домом, разу-

крашенным подобно часам с кукушкой. Он пошел дальше, все время глядя в просветы между домами на соседнюю улицу. Теперь он разглядел довольно высокое двухэтажное здание с грязными стенами из бледно-желтого кирпича. Разбитое окно на первом этаже было заменено куском грязного картона. На секунду шум улицы затих за его спиной, и Том сумел расслышать клекот гуляющих во дворе здания кур.

Розовое облако плыло над крышами домов, то собираясь в шар, то вытягиваясь в тонкую линию.

За спиной снова загудели автомобили, зацокали по земле подковы, защелкали кнуты.

Том свернул в сторону, чтобы обойти угрюмое готическое здание с башенкой. Занавеска на одном из окон зашевелилась, и ему показалось, что оттуда выглядывает напоминающее череп лицо, обрамленное седыми волосами. Но человек тут же отошел от окна, превратившись в расплывчатое серое пятно.

Тонкие серые пальцы исчезли, и занавеска упала. Том подумал вдруг, хотя мысли не вполне успели сложиться в слова, что существует сейчас не в реальной жизни, а в каком-то ужасном, похожем на ночной кошмар мире, откуда необходимо выбраться как можно скорее, если он не хочет остаться в нем навсегда.

И тут снова раздался крик, и на этот раз у Тома не осталось никаких сомнений: он доносятся с небольшой улочки, видневшейся за домами Калле Бурле.

Дойдя до конца квартала, он понял наконец, что слышит крики раненой собаки. Она выла и скулила одновременно, и над ней поднималось еще одно облако розового пара.

Странно, подумал Том, но крик собаки очень напоминает детский плач.

3

На углу Том остановился, чтобы взглянуть на название перпендикулярной Калле Бурле улицы. «Таунсенд» — было написано на табличке. Том совсем не знал этого района и даже не подозревал о существовании зеленой поляны с небольшой эстрадой, качелями, каруселями, раскидистыми зелеными деревьями и несколькими клетками с измученными животными, находившейся всего в полумиле от Калле Бурле. Водитель молочного фургона очень удивился бы, узнав, что кто-то из жителей Милл Уолк никогда не слышал о Парке Гете.

Том свернул за угол и увидел на противоположной стороне зеленый металлический треугольник с надписью «Сорок четвертая улица», сделанной ослепительно белой краской. В той части Милл Уолк, которую знал Том, улицы имели красивые, звучные имена, а это название вдруг показалось ему каким-то зловеще безликим.

Несчастное существо стонало и всхлипывало, словно задыхаясь.

Том увидел распростертое в пыли волосатое существо, удивительно напоминавшее человека. Вокруг шеи его была обернута толстая цепь, а окровавленные ногти впивались в землю.

Желудок его вдруг больно сжался, и Тома чуть не стошнило прямо на тротуар. Он схватился за живот и сел прямо на траву газона, разбитого перед угловым домом. Тому вдруг показалось, что существом, которое пригрезилось ему, был он сам. Сердце его затрепетало, как испуганная птица, бьющаяся о прутья клетки.

За спиной мальчика хлопнула дверь, и, обернувшись, он увидел толстую пожилую женщину, которая внимательно разглядывала его, стоя на крыльце.

— Убирайся с моего газона. Быстро. Это нарушение границ частного владения. Я этого не потерплю! — у женщины был сильный немецкий акцент, благодаря которому каждое произнесенное ею слово било по барабанным перепонкам Тома, словно брошенный с силой кирпич. Она напомнила Тому Леймона фон Хайлица.

— Мне стало дурно, и я... — начал было Том.

Кровь бросилась старухе в лицо.

— Ты врешь! Ты все врешь! — вопила она. — Убирайся отсюда.

Она начала спускаться по ступеням.

— Убирайся, понял? Я не позволю тебе топтать мою траву, ты, подонок, убирайся, откуда пришел...

Том успел вскочить на ноги и быстро отошел к противоположному краю тротуара.

— Иди, откуда пришел, — орала старуха, надвигаясь на Тома. Синий халат зловеще развевался вокруг ее грузного тела. Том испуганно пятился от нее в сторону запретной улицы.

Теперь женщина стояла на самой границе своих владений, носки ее домашних туфель были уже на тротуаре. Рука с вытянутым указательным пальцем указывала в сторону перекрестка Сорок четвертой улицы и той, другой, куда Тому ни в коем случае нельзя было попасть, хотя он и не мог бы сказать, почему именно.

Том повернулся и побежал. Он хотел добежать до Калле Бурле, но как только свернул, на ведущую туда улицу, сзади раздался истошный вопль:

— Тебе не удастся проникнуть в мой двор с другой стороны! Хочешь, чтобы я позвала полицию?

Том оглянулся и увидел, что старуха бежит за ним. Пришлось отказаться от мысли свернуть на улицу, ведущую к Калле Бурле, и бежать дальше по Сорок четвертой.

Тут старуха выкрикнула фразу, смысла которой Том не понял. Впрочем, он не был уверен, что правильно расслышал слова.

— Уличный мальчишка! — кричала она. — Глупый уличный мальчишка.

На углу Сорок четвертой и улицы Таунсенд Том снова оглянулся. Старуха стояла на углу. Она тяжело дышала и продолжала вопить:

— Подонок. Все вы такие — уличные мальчишки.

— Да, да, — покорно произнес Том. Сердце его по-прежнему сильно билось.

— Вот погоди, узнаю, где ты живешь — не унималась старуха.

Том свернул направо, в следующий квартал, и старуха скрылась за углом дома.

Безоблачное, словно покрытое голубой эмалью небо, начинало постепенно желтеть. Вскоре оно станет совсем желтым, потом — на несколько секунд — пурпурно-алым, и только после этого наступит наконец темнота.

Том заставил себя бежать быстрее. И тут впереди снова раздался вой несчастной собаки. Том застыл на месте. Том оглянулся. Окна домов, стоящих по обе стороны улицы, были наглухо зашторены и смотрели на него равнодушным, невидящим взглядом. В это время года почти все обитатели Милл Уолк держали окна открытыми целый день, чтобы в них беспрепятственно проникал свежий морской ветерок. Только мистер фон Хайлиц всегда держал окна закрытыми и зашторенными. Даже те, кто жил в «местных» домах, куда более прохладных, чем здания, построенные по европейскому или американскому образцу, летом никогда не закрывали окна.

«Ну конечно, — подумал Том, — они закрыли окна, чтобы не слышать криков несчастного создания».

Том снова сделал шаг вперед, но собака вдруг завывала так пронзительно, что куры по дворе одного из домов захлопали крыльями и испуганно закричали. Том подумал, что сейчас растает от страха и превратится в мокрое пятно на тротуаре. Он не мог двигаться дальше. Оставалось только надеяться на то, что старуха, решив, что он убежал, успела вернуться в свой дом. Том повернул назад.

И чуть не подпрыгнул от неожиданности, потому что в пяти-шести футах от него стоял подросток, примерно одного с ним роста, застывший с поднятой в воздух ногой. Мальчишка, который явно следил за Томом, выглядел таким же обескураженным, как и его добыча. Он удивленно смотрел на Тома.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Стой, где стоишь.

4

— Что? — переспросил Том, делая шаг назад.

Мальчишка смотрел на него безо всякого выражения на болезненно желтоватом лице, которое было абсолютно неподвижно, если не считать глаз. На лбу его, под шапкой черных волос, виднелась целая россыпь прыщей. Еще один огромный прыщ украшал его щеку между левым уголком рта и подбородком. Парню было на вид лет тринадцать, но у него уже было лицо взрослого человека, с которым он проживет всю свою жизнь. Но больше всего Тома поразили его бегающие черные глазки.

— Эй, не рыпайся, — облизывая губы, мальчишка изучал белые брюки и застегнутую на все пуговицы белую рубашку Тома.

Тот отступил на несколько шагов.

— Почему ты крался за мной? — спросил он.

— А ты не знаешь, да? Ну конечно, ты понятия не имеешь, в чем дело. — Он снова облизал губы.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — сказал Том. — Единственное, чего мне хочется сейчас, это вернуться домой.

— Хм, — парень недоверчиво покачал головой. Взгляд его упал на что-то за спиной Тома, и черты лица вдруг смягчились.

— Хорошо, — сказал он.

Том оглянулся и увидел за спиной девочку, которая, судя по всему, шла к ним с того места, откуда раздавались душераздирающие звуки. Прямые черные волосы, свободно падавшие на ключицы, вздрагивали при каждом ее шаге. На девочке были черные велосипедные шорты и черная футболка без рукавов, на лице — темные очки, а на ногах — что-то вроде балетных тапочек. Она была лет на пять старше мальчишки и казалась Тому совсем взрослой. Он вдруг понял, что девочке нет никакого дела до брата и еще меньше — до него. Она шла к ним через улицу, от угла желто-коричневого здания. У окна на втором этаже стоял, облокотившись о подоконник, полный мужчина с короткой стрижкой.

Губы девушки, накрашенные очень темной помадой, скривились в издевательской усмешке.

— Ну-ну, — сказала она. — И что же ты собираешься делать теперь, Джерри Фэари?

— Заткнись, — сказал в ответ мальчишка.

— Бедный Джерри Фэари.

Девочка подошла достаточно близко и теперь рассматривала Тома с таким видом, словно он был комочком грязи на стекле под микроскопом.

— Так вот как, значит, выглядят мальчики с Истерн Шор-роуд.

— Заткнись, Робин, — снова потребовал мальчишка.

Робин слегка приспустила очки и теперь смотрела на Тома смеющимися темными глазами. На секунду Тому показалось, что она хочет залепить ему пощечину. Но вместо этого она поправила очки и спросила брата:

— Что ты собираешься с ним делать?

— Я не знаю, — сказал Джерри.

— О, а вот и тяжелая кавалерия, — сказала Робин, глядя через плечо брата. Джерри сделал шаг в сторону, и Том увидел, что из-за угла дома вышел толстый угрюмого вида парень в полосатой футболке и новых джинсах, закатанных почти до колена, а вслед за ним другой — чуть пониже и тощий, как скелет. На нем была рубашка на несколько размеров больше, так что плечи ее были почти у локтей мальчика, а тонкая шея торчала из непомерно широкого воротника.

Тощий мальчишка улыбался во весь рот.

— От них, похоже, будет толк, — заметила Робин.

— Уж побольше, чем от тебя, — огрызнулся Джерри.

— Но скажите же мне, что происходит, — потребовал Том.

— И ты тоже заткнись, — прикрикнул на него Джерри. Он быстро заморгал. — Так ты хочешь знать, что происходит? А почему бы тебе не рассказать мне об этом, а? Что ты здесь делаешь?

Том открыл было рот, но тут вдруг понял, что у него нет ответа на этот вопрос.

— А? А? Так что же? — Джерри снова облизал губы. — Так скажи мне, хорошо?

— Я просто...

Джерри бросил на него взгляд, полный такой ярости, что слова застыли у него в горле.

Робин с отвращением поморщилась и сделала шаг назад.

— Я иду домой, — сказал Том, делая шаг назад. Джерри снова сверкнул на него глазами, рука его мелькнула в воздухе, и, прежде чем Том успел сообразить, что происходит, он получил сильный удар в грудь, который чуть не сбил его с ног. И, прежде чем Том успел опомниться, Джерри размахнулся еще раз и ударил его по уху.

Том быстро повернулся на одной ноге и изо всех сил ударил Джерри в лицо. Кулак его угодил прямо в нос, который хрустнул, ломаясь, и по лицу парня побежала кровь.

— Ты, дерьмо! — закричала его сестра.

Джерри отнял руку от лица и двинулся на Тома. Кровь из разбитого носа стекала на его футболку.

— Нэппи! Робби! Хватайте его! — кричал Джерри.

Том перестал вдруг пятиться назад. Он разозлился настолько, что готов был сразиться со всей компанией. Он сжал руки в кулаки и тут увидел, что в глазах Джерри забрезжило сомнение. Он снова ударил, почти не целясь, и на этот раз удар пришелся на адамово яблоко Джерри. Тот упал на колени.

Толстый парень с закатанными джинсами, быстро бежал к ним через улицу, доставая на ходу нож. У худого мальчишки тоже был нож с длинным узким лезвием, в котором отражалось низкое предзакатное солнце. Том отпрыгнул назад, повернувшись в воздухе, и побежал.

Сзади слышались удивленные вопли. Когда Том поравнялся с желто-коричневым домом, дверь его открылась, и на пороге появился мужчина, стоявший до этого у окна. Лицо его было таким же плоским, как у Джерри. Он знаками показывал преследователям Тома, что следует поторопиться, схватить его, разделаться с ним.

Мир по ту сторону этого...

Тому удалось набрать скорость. Парни за его спиной кричали, чтобы он остановился: они, мол, не причинят ему вреда, только поговорят с ним, пусть посмотрит, они уже убрали ножи, и можно поговорить спокойно.

Так в чем же дело, почему он не останавливается? Или он слишком испуган, чтобы поговорить с ними?

Оглянувшись, Том с удивлением обнаружил, что тощий парень стоит посреди улицы и злорадно ухмыляется. Но толстый мальчишка в закатанных джинсах продолжал преследовать его. Человек, в котором Том без труда узнал нарушителя спокойствия, кидавшего камнями в их дом, сошел со ступенек и направился к своему сыну, которого Том не мог видеть за фигурой бегущего парня. Толстый парень бежал в его сторону, по-прежнему размахивая ножом, и вид у него был не слишком дружелюбный. Огромный живот мальчишки колыхался при каждом шаге, глаза превратились в две узкие щели, и он так сильно вспотел, что капли пота разлетались вокруг его разгоряченного лба. Тут тощий мальчишка тоже бросился бежать, быстро догоняя своего приятеля и приближаясь к Тому.

Солнце садилось, и воздух успел окраситься в пурпурно-алый цвет. Добежав до следующего угла, Том вдруг со всей ясностью увидел белую надпись на табличке с названием — «улица Ауэр». Слово поразило его полным отсутствием значения.

Ауэр.

Наш.

Час[1].

5

Том свернул за угол и увидел впереди движущийся поток на Калле Бурле. Облако пыли над дорогой было теперь темно-бордовым. Фары машин, фонари на велосипедах и повозках плыли в воздухе, подобно стайке светлячков. Вдруг послышалось жалобное конское ржание.

Один из преследователей Тома уже завернул за угол, а за ним, гораздо быстрее, чем ожидал Том, показался второй. Тощий мальчишка обогнал толстого и был теперь всего в пятнадцати ярдах сзади. Он бежал, высоко поднимая ноги и руки, в одной из которых сверкал нож. Расстояние между ними быстро сокращалось. Мальчишка был настолько уверен, что догонит Тома, что позволил себе притвориться, будто его сбивает с ног ветер и на несколько секунд остановиться. Высокомерие его пугало Тома даже больше, чем блестящее лезвие ножа — казалось, парень считает себя абсолютно непобедимым. Он вот-вот догонит Тома, и к тому времени успеет стемнеть уже ровно настолько, что люди, выглядывающие из окон, чтобы понять, что означает вся эта беготня, не смогут разглядеть, что произойдет дальше.

У Тома закололо в боку.

На Углу улицы Ауэр и Калле Бурле ему придется выбирать, куда повернуть, но в любом случае тощий мальчишка обязательно его догонит. Звук его шагов раздавался так близко, что Тому страшно было оглянуться. Он не успел решить, куда лучше свернуть, и, добежав до угла, побежал дальше, вперед.

Вытянув вперед руки, он полетел с тротуара в самую гущу движущегося потока. Вокруг гудели машины, какой-то мужчина кричал что-то неразборчивое. Преследователь Тома, успевший выбежать на перекресток, тоже закричал. Том увернулся от заднего колеса велосипеда и успел увидеть, что сзади на него надвигается лошадь. Еще один велосипедист, ехавший прямо на него, сумел отклонить свой велосипед, словно циркач во время представления, но не успел выровнять его, и упал, ударившись плечом о землю. Лицо велосипедиста выражало при этом крайнюю сосредоточенность, словно он просто пытается решить интересную трудную задачу. Велосипед отлетел в другую сторону, и прямо перед Томом выросла лошадь, размером с гору, состоящая из кожи и волос. Том кинулся влево. Лошадь в панике рванула вперед, и колеса экипажа, который она тащила, переехали несчастного велосипедиста. Том слышал кругом визг резины и грохот металла, потом перед ним неожиданно открылось ярко освещенное пустое пространство, и он тут же кинулся туда. Дважды прогудел автомобильный гудок, и, повернув голову, Том увидел надвигающиеся на него, как в замедленной съемке, фары. Том вдруг понял, что не в силах больше пошевелиться. Он ясно видел между фарами металлическую решетку, а под ней полированную полосу бампера. Над бампером и решеткой едва проступало за ветровым стеклом лицо водителя.

Том знал, что машина вот-вот собьет его, но все равно не мог двигаться. Он не мог даже дышать. Фары становились все больше, расстояние между Томом и машиной сокращалось. По телу его словно пропустили холодную волну электрического тока. Он мог только стоять и смотреть, как машина подъезжает все ближе и ближе, пока она наконец не ударила его.

И когда машина ударила его, с Томом начали происходить события, которых невозможно было избежать.

Волна тупой боли захлестнула его в тот самый момент, когда колесо машины врезалось в его ногу, сломав головку бедра и тазовые кости. Голова его разбилась о решетку, и глаза стала заливать кровь. Он тут же потерял сознание, тело его повисло на секунду на решетке и начало медленно сползать вниз. Еще две-три минуты оно висело на колесе, пока машина крутилась среди падающих велосипедов и шарахающихся лошадей. Плечо его треснуло, а сломанная кость правой ноги вылезла наружу, прорезав мышцы и кожу, словно острый поварской нож. Только через пятьдесят футов машина смогла наконец остановиться, а испуганные кони успели либо успокоиться, либо убежать. Тело Тома сползло с бампера на землю.

Содержимое его желудка и мочевого пузыря непроизвольно вылилось наружу.

Водитель открыл дверцу и выпрыгнул из машины. И в какую-то долю секунды, пока водитель с перекошенным от ужаса лицом добежал до передней части машины, с Томом Пасмором произошло еще одно событие, самое неизбежное из всего, что случилось за последние шестьдесят секунд. Сердце его остановилось, не выдержав волны боли и шока, и Том умер.

Часть вторая

Ранняя скорбь

6

Том почувствовал небывалую легкость и ощущение полной гармонии и понял, что не испытывает больше боли. Какая-то сила давила его к земле, эта сила безнадежно пыталась вернуть его в тесную оболочку. Но чувство легкости и свободы от земного притяжения мягко, но неумолимо тянуло его вверх. Крючки, глаза и липкие пальцы, пытавшиеся удержать его, один за другим повисали в воздухе, словно нити. Они натягивались все туже и туже, и Том вдруг испугался, что поддастся им — на него накатила вдруг волна жгучей любви ко всему, что он покидал. Пути вдруг отпустили его с тихим, едва слышным звуком, и любовь ко всему земному охватила его с новой, небывалой силой. И, потеряв земную сущность, Том понял, что любовь — по сути то же самое, что горе и потеря.

Слезы омыли его глаза, и Том увидел, как где-то внизу люди склоняются один за другим над тем, что было когда-то его телом. Вокруг собравшихся у тела людей царил атмосфера хаоса. Покореженные велосипеды валялись на земле, точно раздавленные насекомые. Перевернутые экипажи лежали среди разорванных мешков с зерном и цементом. Лошадь пыталась подняться на ноги посреди белого облака рассыпанной муки, еще одна пыталась пробраться к свободному участку дороги. Машины с покореженными капотами, оторванными глушителями, машины с сияющими хромированными деталями, с изящными металлическими фигурками танцующих женщин на капотах стояли в беспорядке, светя фарами во все стороны. Фары освещали новых и новых людей, спешащих к месту, где лежал раздавленный мальчик, тело которого он только что покинул, и к телу того, другого человека, погибшего под колесами экипажа.

А потом мир стал постепенно невидимым, и Том понял, что это — именно то состояние, к которому приходит в конечном итоге все живое.

Он увидел в толпе, стоявшей на тротуаре, двух подростков. Только что он бежал от них, испытывая смертельный страх, — как странно было вспоминать об этом сейчас! Они ведь не были злыми, вовсе нет. Том не мог читать их мысли, но он точно знал, что эти двое, Нэппи и Робби, один из которых был настолько полным, что грудь его висела, почти как у женщины, а другой худой, как голодная собака, жили на самом краю большого облака ошибок и замешательства и с каждым днем погружались в это облако все сильнее и сильнее. И вдруг Том понял, что они сами создавали это облако, принимая неправильные решения, подобно тому, как осьминог выплевывает чернильную жидкость.

Если бы они догнали Тома, их ножи проткнули бы его грудь, горло, а парни наслаждались бы его страхом, но даже тогда где-то в глубине души им было бы стыдно, и из этого стыда появился бы еще один из тысячи слоев, составлявших чернильное облако... и тут Том почувствовал — или увидел — что-то настолько ужасное, что поспешил отвернуться...

...и увидел, что кто-то накрыл его тело старым солдатским одеялом, а несколько мужчин повернули головы туда, откуда должна была появиться машина скорой помощи, за рулем которой — Том точно знал это — будет сидеть заядлый курильщик по имени Эсмонд Уолкер. Сейчас скорая помощь была в двух с половиной милях отсюда, на Калле Бавария, она мчалась сквозь поток уличного движения с включенной сиреной, и Том слышал эту сирену и знал, что мужчины, стоящие над его телом, тоже услышат ее ровно через восемь минут...

...восемь минут...

Том смотрел на тело, которое принадлежало ему еще недавно, со смешанным чувством удивления, любви и жалости. Его земная оболочка была такой юной и невинной. Он так серьезно относился к своей жизни, и его домашние наверняка будут тосковать по нему, друзьям будет не хватать его, и какое-то время в мире будет существовать дыра на том месте, где раньше был он.

Но чувство небывалой легкости и гармонии уносило его все дальше от земли. Ему по-прежнему отчетливо видна была вся картина происходящего. В центре ее лежали два трупа — его и человека, раздавленного экипажем. К месту аварии постепенно съезжались полицейские — некоторые в машинах, другие на велосипедах. Они пытались оттеснить толпу и кричали:

— Отойдите. Ему не хватает воздуха. К Тому по-прежнему тянулась от земли едва различимая нить. То была нить поступков, которые он успел совершить и которые совершил бы, если бы остался жив. И нить эта постепенно растворялась, исчезала из мира реальности.

Том видел себя лежащим среди толпы и света фар и одновременно бегущим дальше на восток, как он бежал бы, вероятно, если бы удалось благополучно пересечь Калле Бурле. Том видел, как прибегает домой к разгневанным родителям... а потом видел другого, повзрослевшего Тома Пасмора, стоящего на ступеньках школы танцев мисс Эллингхаузен рядом с красивой девушкой по имени Сара Спенс, — тот, взрослый Том поднимает голову, и на лице его написаны чувства, которых не в силах понять сегодняшний Том. Спускаясь со ступенек, он исчезает, и на смену ему появляется другая картина. Теперь Том, успевший стать еще старше, сидит в обшарпанном номере отеля «Сент Алвин» и читает книгу под названием «Попытки стать невидимым» — какое забавное название. Но почему он сидит в отеле, а не в доме на Истерн Шор-роуд? И вообще, что все это такое — что-то вроде фантомных болей? Тоски по непрожитому будущему?

С момента его смерти прошло всего три минуты — не больше, чем длится песня, передаваемая по радио, которое обычно слушает его мать — чуть склонив голову, прикрыв глаза, овеваемая сигаретным дымом.

Толпа, собравшаяся на Калле Бурле, обсуждает причины аварии.

— Велосипед опрокинулся. Я видел, как это произошло. Лошадь прошлась копытами прямо по его голове. А мальчик выбежал вон оттуда — кто-то толкнул его.

«Нет, — мысленно возмутился Том, — все было совсем не так».

Музыка начала играть несколько минут назад, но Том услышал ее только сейчас: это была какая-то песня — он не знал ее названия, которую исполнял оркестр, состоящий в основном из саксофонов и труб, а потом на сцену вышел певец в черном галстуке-бабочке, он встал перед микрофоном и все им объяснил.

В конечном итоге музыка объяснила все.

Двери домов, выходящих на Калле Бурле, были открыты, и их обитатели наблюдали за происходящим стоя на крыльце или на дорожках, пересекающих их лужайки. Толстая старуха в синем халате показывала пальцем в сторону газона сбоку от своего дома.

— От этих уличных мальчишек всегда одни беды. Я напугала его, заставила убежать. А другие мальчишки? Кто знает что-нибудь о них?

Том посмотрел в ту сторону, куда она указывала, — на Сорок четвертую улицу. На Сорок четвертой улице двери домов были закрыты, и только на крыльце одного из них — желто-коричневого — сидел пьяный толстяк, который курил трубку и думал, что ему делать дальше.

Скорая помощь Эсмонда Уолкера свернула с Калле Бавария возле Парка Гете и теперь ехала мимо застрявших машин по периметру пробки, возникшей в результате аварии. Мистер Уолкер проехал мимо фургона, набитого консервами, слегка задел машину, доставляющую продукты из «Остенд-маркет», и переключил сирену в другой режим — теперь вместо протяжного воя она издавала отдельные визгливые звуки: «бип-бип-бип». Затем он объехал двух велосипедистов, которые смотрели на его машину так, словно он был виноват, что не может дви-

гаться быстрее, выбросил докуренную сигарету и продолжал медленно двигаться мимо машин и фургонов, берущих в сторону, чтобы дать ему дорогу.

Со своего места над всем этим хаосом Том слышал, как изменился сигнал сирены, и звук этот словно задел его, потому что звучащая вокруг музыка стала громче, заполнила собой все окружающее его пространство. Трубы звали его, а картинка внизу постепенно гасла, пока не исчезла вообще.

«Так вот как это бывает», — подумал Том, устремляясь вниз по темному тоннелю к маячившему впереди яркому свету. Он не шевелил ни руками, ни ногами, и в то же время не мог сказать, что его несет какая-то сила. Том просто летел, стоя в полный рост, словно под ногами у него была невидимая дорога. Музыка окружала его, подобно тихому жужжанию или едва различимому щебетанию птиц, а воздух нес его и музыку вперед, к мерцающему в отдалении свету.

Тоннель незаметно расширился, и теперь Том двигался вперед среди скопища теней, излучавших участие и обещающих защиту — он знал, что уже видел когда-то всех этих людей, там, в прошлой жизни, и хотя не мог узнать их сейчас, был рад повстречаться с ними вновь.

Все тело его было полно света, и Томом владело сейчас то же чувство, которое он испытывал впервые, выпрыгнув из молочного фургона, — сладкое чувство абсолютной правильности всего происходящего. Все тревоги были отброшены прочь, и он никогда больше не встретится с ними вновь. Наслаждаясь этим чувством, он двигался в толпе теней к яркому свету и думал о том, что внутри его всегда жили в той или иной форме те же ощущения, просто он не замечал их раньше. Они были самой сокровенной частью его жизни, самой значительной, и в то же время незамеченной и непонятой. Он доверял этим чувствам, но никогда не полагался на них. Чувства эти порождались неясным светом, исходившим из самого центра его существования, и только теперь он узнал наконец, что этот свет действительно существует, потому что сейчас он двигался к этому свету вместе с людьми, которые любили его и желали ему мира и покоя в его новом состоянии, к которому он стремился все сильнее и сильнее. С каждым дюймом на пути к свету понимание становилось все более полным, и теперь он стремился туда, как голодный человек к накрытому столу.

Но тут длинная нить, простиравшаяся из прошлой жизни, снова захватила его, подобно крючку, и Том перестал двигаться. Его обвила еще одна нить. Люди, желающие ему добра, постепенно удалялись. Том почувствовал, что не попадет к накрытому столу чистоты чувств и понимания, который ждал его вдали. Теперь его тащили назад по тоннелю, как упирающуюся собаку, и свет постепенно мерк вдали.

Потом, когда Тома быстро протащило мимо места, с которого он наблюдал за происходящим на земле, он увидел человека в белом халате, убирающего лесенку в машину скорой помощи. Дорожную пробку почти ликвидировали, повозки и велосипеды снова двинулись мимо машины скорой помощи на запад, в направлении Бухты Вязов, но на тротуаре у места аварии по-прежнему толпились люди.

Руки, глаза, крепкие нити так властно тащили Тома назад, в его покалеченное тело, что он едва мог дышать, не то что сопротивляться. Он почувствовал себя так, словно ударился головой о бетонную плиту. Все, что произошло с Томом с того момента, когда он выпрыгнул из молочного фургона, начисто стерлось из его памяти. Несколько секунд ему еще казалось, что он слышит тихую музыку. В глаза ему бил свет мигалки, вращающейся на крыше скорой помощи.

Тома захлестнула новая волна боли, и он потерял сознание.

7

Том проснулся в комнате с белыми стенами и посмотрел сквозь спутанные провода и резиновые трубки на лица склонившихся над ним людей. Родители Тома смотрели на него так,

словно впервые видели. В воздухе стоял странный едкий запах, и каждая часть его тела была полна нестерпимой боли. Том снова потерял сознание.

* * *Когда он очнулся в следующий раз, боль, притаившаяся в самом центре его тела, снова набросилась на него. Все тело его казалось изломанным, правая нога просто вопила от боли, правая рука и плечо тихо ныли. Он снова смотрел на незнакомый потолок сквозь переплетение трубок и проводов и думал о том, что он, кажется, шел куда-то — куда? — когда новая волна боли захлестнула его. Том услышал, как кто-то стонет. Ведь он почти нашел то самое место, и вся эта боль просто не могла принадлежать ему. Затем Том с ужасом подумал о том, как сильно должно быть покалечено его тело, если он чувствует такую боль, и только тут смутно вспомнил, что с ним произошло что-то ужасное. Он увидел свое тело, распростертое посреди мостовой, и, словно из какой-то неведомой пещеры, на него обрушилась темнота. Том попытался поднять голову. Темнота висела над ним несколько секунд, но, открыв глаза, он увидел все тот же потолок, те же трубки и провода. Тогда Том решился опустить глаза и посмотреть на собственное тело.

На кровати лежало что-то большое и белое. Тома снова охватил ужас. Значит, нижнюю часть его тела отрезали и заменили на какой-то посторонний предмет! Но тут он увидел, что из этого предмета торчит его левая нога. А рядом возвышался гладкий белый холм — Том понял, что это гипс, доходивший до середины его груди. Он был в больнице. У Тома возникло вдруг ужасное предчувствие, и он попытался нащупать рукой половые органы.

От резкого движения плечо его обожгло новым приливом боли. Правая рука, тоже закатанная в гипс, лежала на груди Тома. Том заплакал. Словно сама собой его левая рука, каким-то чудесным образом оказавшаяся не в гипсе, поползла по холодной белой корке, покрывавшей большую часть его тела, и остановилась между ног. Под пальцами была гладкая поверхность, словно у пластмассовой куклы. Из отверстия, проделанного в гипсе чуть выше его ног, торчала пластиковая трубка. Значит, он лишился половых органов. Чувство облегчения, которое он испытал только что, поняв, что находится в больнице, сменилось горькой иронией — он был в больнице, потому что только здесь могло находиться то бесформенное, бесполое существо, в которое он превратился. Он будет лежать здесь всю жизнь.

Под охватившей его болью, пронзавшей бедра, мошонку и правую ногу, существовал еще один уровень боли, притаившейся, подобно акуле, выжидающей момент для нападения. Боль эта, напав, способна была заслонить собой окружающий мир. Испытав ее однажды, он никогда уже не сможет стать прежним. Боль отрежет его от самого себя и от всего, что он знал раньше. Том ждал, когда притаившаяся в самом центре его тела боль поднимется выше и захватит его целиком, но она все не подступала, словно ленилась двигаться и предпочитая оставаться молчаливой угрозой.

Том повернул голову и попытался оглядеться по сторонам, плечо его снова заняло в ответ. Он опустил левую руку, по-прежнему зажатую между ног, чуть ниже, туда, где должен был находиться его пенис, и нащупал там нечто, испускающее мочу, — Том не мог даже представить себе, как это выглядит. На уровне его головы на другом конце простыни виднелись три ряда металлических трубок в том месте, где кончалась кровать. А рядом с кроватью, на белом столике стоял стакан воды, из которого торчала странного вида трубочка. В стоявшем рядом кресле лежала соломенная сумка его матери. Дальше, за открытой дверью, виднелись белые стены коридора. Тому захотелось вдруг крикнуть: «Я здесь! Я жив!»

Но горло его отказывалось издавать какие-либо звуки. Мимо открытой двери сновали по коридору врачи и медсестры. Том вспомнил, что только что видел стакан воды и снова посмотрел на него. Вода! Он потянулся к стакану левой рукой и в тот самый момент, когда коснулся пальцами столика, вдруг услышал сквозь открытую дверь голос матери:

— Прекрати! — кричала она. — Я не могу больше этого выносить!

Рука Тома дрогнула, и стакан с водой опрокинулся прямо на стопку лежащих рядом книг. Вода стекала со стола и падала на пол серебристыми каплями.

— Я терплю это всю жизнь! — кричал за дверью его отец.

Тут боль, таившаяся в центре его тела, открыла свою огромную пасть, чтобы проглотить его. Едва слышно вскрикнув, Том снова лишился сознания.

* * *Когда он снова открыл глаза, над ним склонилось одутловатое лицо с тяжелым подбородком. В глазах его застыл немой вопрос.

— Что ж, молодой человек, — произнес доктор Бонавентуре Милтон. — Такое ощущение, что ты выныриваешь на поверхность, чтобы набрать воздуха. Тут кое-кто хотел бы поговорить с тобой.

Голова исчезла, а на месте ее возникли лица родителей Тома.

— Привет, сынок, — сказал отец, а мать сказала:

— О, Томми!

Виктор Пасмор быстро взглянул на жену, а потом снова повернулся к сыну.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Тебе необязательно отвечать, — вмешалась Глория. — Теперь ты будешь быстро поправляться, мой мальчик. — Глаза Глории наполнились слезами. — О, Томми, мы были так... ты не вернулся домой, и когда мы узнали... но доктора говорят, что ты поправишься...

— Конечно, он поправится, — сказал отец. — А это что еще за ерунда, — он заметил лужу на полу.

— Вода, — выдавил из себя Том.

— Ты свалил стакан со столика, — сказал отец. — А звук был такой, словно ты вышиб окно бейсбольным мячом. Но тебе удалось привлечь наше внимание.

— Он хочет пить, — сказала Глория.

— Я — его лечащий врач, и сам схожу за другим стаканом, — послышался голос доктора. Том услышал, как он выходит из комнаты.

На секунду в палате воцарилось молчание.

— Перестань бить стаканы, — произнес наконец Виктор. — А то мы разоримся на стекле. Глория залилась слезами.

Виктор Пасмор нагнулся поближе к сыну — от него пахло одеколоном, табаком и алкоголем.

— Тебя здорово потрянуло, Том, но сейчас все под контролем, сынок. — Он пожал плечами.

Том заставил себя выдать несколько слов:

— Мои... я?..

— Ты попал под машину, — сказал отец.

И тут Том вспомнил надвигающиеся на него решетку и бампер.

— С трудом выбил новый стакан, — пожаловался, входя в палату, доктор Милтон. Он встал рядом с Виктором и взглянул на Тома. — Кажется, нашему пациенту пора немного отдохнуть, не так ли? — сказал он, держа стакан около губ Тома и осторожно всовывая ему в рот изогнутую пластиковую трубочку.

Вода, вливаясь в его горло, словно жидкий шелк, наполнила Тома запахами земляники, молока, меда, воздуха, солнца. Он набрал в рот воды и разжал губы, чтобы вздохнуть, но тут доктор вынул соломинку из его рта.

— Пока хватит, сынок, — сказал он.

Прежде чем уйти, Глория погладила левую руку Тома.

* * *Через какое-то время — через час, а может, через день — Том открыл глаза и тут же подумал, что, наверное, еще спит, таким странным показалось ему то, что он увидел. А увидел он тощую фигуру своего эксцентричного соседа по Истерн Шор-роуд — Леймона фон

Хайлица, плавно надвигавшегося на него из дальнего угла комнаты. Мистер фон Хайлиц был одет в один из своих безукоризненных костюмов — светло-серый в тонкую полоску и бледно-желтый жилет с широкими отворотами, а в левой руке держал перчатки того же цвета. Да, наверное, это был ночной кошмар, потому что за спиной пожилого джентльмена стояла крошечная тьма. Мистер фон Хайлиц подошел к кровати и подмигнул Тому, который боялся, что сейчас он начнет размахивать кулаком и кричать.

Но ничего такого не произошло. Мистер фон Хайлиц, за спиной которого по-прежнему маячила тьма, погладил Тома по руке и посмотрел на него с куда большим состраданием, чем доктор Бонавентуре Милтон.

— Я хочу, чтобы ты поправился, Том Пасмор, — прошептал он, склоняясь над Томом, и тот разглядел среди морщин, прорезающих его лоб, те же темные тени, что и за спиной пожилого джентльмена. Седые волосы фон Хайлица тускло поблескивали. — Помни об этом, — прошептал он, и, отступив во тьму, которая, казалось, ждала его, исчез так же неожиданно, как и появился.

* * * Небольшое окошко напротив кровати Тома было просто дырой, проделанной в грязно-белой стене. На стекле, вставленном в окно, виднелись следы старых пятен. Под потолком висела грязная паутина. Иногда она каким-то непонятным образом исчезала, а через несколько дней появлялась снова. Рядом с кроватью стоял столик со стаканом воды и книгами Тома. Под днищем столика был специальный поднос, который выдвигали, когда Тому надо было поесть. Возле двери стояли два зеленых пластиковых стула. Чуть подальше столика стоял специальный кронштейн, к которому крепились всевозможные емкости с растворами, которыми подпитывали Тома. Через открытую дверь Тому виден был больничный коридор, выложенный черными и белыми плитками, по которому сновали туда-сюда врачи, медсестры, нянечки, санитарки, уборщицы, посетители и ходячие пациенты. Даже когда дверь была закрыта, Том всегда чувствовал за стеной движение, кроме тех моментов, когда его особенно сильно одолевала боль.

В больнице было почти так же шумно, как в литейном цехе. Уборщицы целыми днями мели коридоры, переговариваясь друг с другом и слушая на полную громкость радиоприемники. Тележки их грохотали, а металлические детали швабр громко скребли пол. Кто-то все время возил по коридору белье в прачечную, кто-то громко приветствовал посетителей, но чаще всего Том слышал чьи-нибудь крики или стоны. В то время, когда разрешено было посещение больных, целые толпы их родственников переговаривались в коридоре фальшиво бодрыми голосами, а дети бегали с громкими криками из одного конца в другой.

Но Том жил в мире физической боли и постоянной необходимости бороться с этой болью. Каждые три часа в палату заходила медсестра с белым пластиковым подносом, с которого она брала еще у дверей стаканчик, предназначенный Тому, а подойдя к кровати, подносила этот стаканчик к его губам. Затем наступил ужасный период, когда сладкая маслянистая жидкость, налитая в стаканчик, перестала ему помогать. В этот период одна из медсестер — чаще всего это была Нэнси Ветивер или Хэтти Баскомб, садилась рядом, брала его за руку и гладила по волосам.

И крошечные крупички их сочувствия и сострадания немного умирляли его боль.

Через минуту или две боль, поднимавшаяся из самой глубины его существа, начинала сдаваться, подобно огромному зверю, которому захотелось вдруг спать, а потом постепенно притуплялась в отдельных частях его израненного тела.

Однажды, когда Том лежал в больнице уже третью неделю, доктор Милтон зашел в палату, когда он разговаривал с Нэнси Ветивер, одной из своих любимых медсестер. Нэнси была высокой блондинкой двадцати шести лет с близко посаженными карими глазами и глубокими складками в уголках рта. Нэнси держала Тома за руку и рассказывала ему о том, как жила на первом курсе в общежитии Шейди-Маунт и там давали пищу, от которой ее всегда

тошнило. Том надеялся вытянуть у Нэнси какую-нибудь информацию о ночной медсестре, Хэтти Баскомб, которую немножко побаивался, но тут Нэнси взглянула через плечо и увидела входящего в палату доктора. Она крепко сжала руку Тома.

Взгляд доктора Милтона упал на их сплетенные руки, и Том увидел, как он нахмурился. Нэнси осторожно отпустила руку Тома и медленно встала.

Доктор Милтон потер ладонью двойной подбородок и неприязненно взглянул на Нэнси, прежде чем повернуться к Тому.

— Сестра Ветивер, не так ли? — уточнил он.

На груди Нэнси висела табличка с именем, и Том не сомневался, что доктор наверняка встречался с ней раньше.

— Да, — сказала девушка.

— Разве в ваши обязанности не входят более важные вещи?

— То, что я делаю сейчас, — очень важная вещь, доктор Милтон, — сказала Нэнси.

— Так вы считаете — как бы это лучше сформулировать, — что полезно в медицинском отношении жаловаться этому мальчику из хорошей — из очень хорошей семьи — на баранину, которую вам давали в общежитии для медсестер?

— Именно так я и считаю, доктор, — Нэнси не собиралась сдаваться.

Несколько секунд врач и медсестра молча смотрели друг на друга. Потом доктор Милтон, видимо, решил, что не стоит тратить время на обсуждение вопросов медицинской этики с подчиненными. Он тихо вздохнул.

— Я попросил бы вас подумать о том, скольким вы обязаны этому заведению, — сказал он усталым голосом, словно произносил эту фразу несколько раз в день. — В этой палате лежит очень важный пациент, — он дружелюбно улыбнулся Тому. — И мне надо сейчас им заняться, сестра Ветивер. Дедушка этого мальчика, мой друг Глен Апшоу, по-прежнему один из членов больничного совета. Может быть, вы будете настолько добры и позволите мне приступить к осмотру?

Нэнси отошла от постели Тома, и доктор Милтон склонился над ним.

— Сегодня мы чувствуем себя лучше, правда? — спросил он.

— Думаю, да, — сказал Том.

— Как твои боли?

— Иногда они очень сильные.

— Ты очень скоро встанешь на ноги, — заверил его доктор. — Природа — великий доктор. Думаю, надо увеличить тебе дозу лекарств. — Он выпрямился и снова посмотрел на Нэнси. — Может быть, нам стоит увеличить дозу лекарств, как вы считаете?

— Над этим стоит подумать, сэр, — сказала Нэнси.

— Что ж, очень хорошо, — он похлопал ладонью гипс на ноге Тома. — Так и знал, что мне полезно будет зайти сюда и поболтать с мальчиком. Да, очень полезно. Все идет как надо, сестра?

Нэнси улыбнулась доктору, лицо ее едва уловимо изменилось — стало старше и чуть грубее, циничнее. Теперь оно казалось Тому менее красивым, но более внушительным.

— Конечно, — произнесла Нэнси и взглянула на Тома. И глядя в ее глаза, он вдруг понял: все, что говорил сейчас доктор Милтон, не имеет ровно никакого значения.

— Сейчас запишу новые назначения в его карточку, — сказал доктор, доставая ручку.

Затем он положил карточку в ногах кровати Тома, бросил на Нэнси взгляд, полный значения, непонятного Тому, и сказал. — Можешь сказать своему дедушке, что лечение протекает нормально, восстанавливаются мозговые рефлексы и все такое. Ему это будет приятно. — Милтон поглядел на часы. — Надеюсь, ты хорошо ешь. Здесь ведь не дают баранину, правда, сестра? Ты должен есть, понимаешь? Должен помогать матери-природе. Хорошая сытная пища — лучшее лекарство в твоём теперешнем состоянии, — снова взгляд на часы. — Боюсь, мне

пора идти — у меня важная встреча. Я рад, что мы уладили это маленькое недоразумение, сестра Ветивер.

— Мы все этому рады, — сказала Нэнси.

Доктор Бонавентуре Милтон лениво поглядел на медсестру, чуть улыбнулся, словно и это было ему в тягость, и, кивнув Тому, вышел из палаты.

— Да, сэр, — задумчиво произнесла Нэнси себе под нос.

И Том окончательно понял, что представляет собой доктор Милтон.

* * *Потом были осложнения с ногой Тома, которая стала вдруг такой легкой, почти невесомой, словно в нее накачали гелий, и казалось, что она вот-вот разорвет гипс и поднимется в воздух. Том старался не обращать внимания на эти новые ощущения, но в течение недели они стали частью невыносимой боли, которая угрожала затопить весь мир, и он почувствовал потребность рассказать об этом кому-нибудь. Нэнси Ветивер посоветовала ему сказать все доктору Милтону, действительно сказать ему, так, чтобы он не мог не обратить внимания на его жалобы. Хэтти Баскомб выразилась решительнее:

— За ужином постарайся припрятать нож и, когда старина Бонни начнет хлопать тебя по гипсу и говорить, что тебе только кажется, будто нога болит, достань этот нож и воткни в его жирную лапу.

Тому давно казалось, что Хэтти Баскомб — второе я Нэнси Ветивер, он давно уже понял, что у каждого человека есть обратная сторона, принадлежащая ночи.

Как и предполагала Хэтти, доктор Милтон только посмеялся над рассказами Тома про «легкую боль» и про «легкость» в ноге. Даже родители не поверили ему, они просто не могли поверить, что их глубоко уважаемый Бонавентуре Милтон может ошибаться (не говоря уже о хирурге — докторе Ботсуике — еще одной непогрешимой личности), и, кроме того, не хотелось верить, что Тому может понадобиться еще одна операция. Тому тоже не хотелось снова попасть на операционный стол — он хотел только, чтобы врачи разрежали гипс и выпустили воздух. Поэтому воспалительный процесс под гипсом продолжался и продолжался, и когда Нэнси и Хэтти привели наконец доктора Ботсуика осмотреть его ногу, тот сказал, что Тому требуется новая операция, и не только, чтобы вылечить воспаление, но и чтобы заново сложить неправильно сросшиеся кости ноги. Это означало, что сначала они должны снова сломать ее — для Тома это было все равно, что снова оказаться на Калле Бурле.

Хэтти Баскомб склонилась к нему из ночной тьмы и тихо сказала:

— Ты — ученик, а здесь твоя школа. Уроки даются тебе тяжело, очень тяжело, но ты должен их выучить. Многим людям не удается узнать то, что узнаешь ты, пока они не станут старше. Ты запомнишь на всю жизнь, что никогда нельзя чувствовать себя в безопасности. Ничто хорошее не длится долго. Мир наполовину состоит из ночи. Независимо от того, чей ты внук.

Мир наполовину состоит из ночи — это Том уже знал.

* * *Том провел в больнице Шейди-Маунт все лето. Родители навещали его нерегулярно, и постепенно Том привык к этому и не ждал от них ничего другого. Они считали, что их визиты только расстраивают сына и не способствуют его выздоровлению. Поэтому они предпочитали присылать ему книги и игрушки, и если игрушки либо ломались у него в руках, либо были абсолютно бесполезны для ребенка, прикованного к постели, то книги, все как одна, доставляли ему массу удовольствия. Когда родители все же появлялись в палате Тома, они казались ему немного постаревшими и успокоившимися — пришельцами из прошлой жизни. Говорили они обычно только о том, что пережили в день аварии.

Один раз его пришел навестить дедушка. Он стоял возле кровати Тома, опираясь на зонт и смотрел на внука угрюмо и недоверчиво. Том вспомнил, что ему знакомо это неприязненное выражение лица — он давно знал, что дедушка недолюбливает его.

Том, что — убегал от кого-то?

Нет, конечно, нет, с чего бы ему убежать?

У него ведь нет друзей на той улице, правда? Может быть, он хотел добраться до Бухты Вязов? Двое мальчиков из его класса жили в Бухте Вязов, так, может быть, Тому пришло в голову пойти туда пешком, чтобы повидать их?

Том вспомнил, что не вернется больше в свой класс, потому что ему придется пропустить начинающийся учебный год.

— Может быть, — сказал он. — Я не помню, я просто не помню.

Хотя на самом деле он смутно помнил день аварии, помнил молочный фургон с надписью «Перевозка пассажиров запрещена» и водителя, который всю дорогу расспрашивал его о девочках.

Итак, кого же он все-таки собирался повидать? Память Тома отчаянно сопротивлялась, настойчивые вопросы бабушки были подобны сыплющимся на него ударам.

Но почему авария произошла на Калле Бурле, в восьми милях от Бухты Вязов? Он что, ехал автостопом?

— Почему ты задаешь мне все эти вопросы? — пробормотал Том и залился слезами.

За дверью слышались шорохи и вздохи — персонал больницы собрался посмотреть на его знаменитого дедушку.

— Ты должен держаться своей части города, — сказал дедушка, и за дверью раздались одобрительные возгласы.

В конце августа Тома пришла навестить девочка по имени Сара Спенс. Он отложил книгу, которую читал перед ее приходом, и удивленно посмотрел на Сару. Сара, похоже, тоже была немного удивлена тем, что оказалась в больничной палате и, прежде чем подойти к кровати Тома, она с интересом осмотрела все вокруг. Том подумал, что действительно очень странно, что он находится сейчас здесь в таком состоянии — на несколько секунд он стал вдруг прежним Томом Пасмором, и, когда увидел, как Сара с несчастным видом осматривает его гипс, ему показалось вдруг смешным, что девочка так расстроилась.

Сара Спенс была его подругой с самых первых школьных дней, и, встретившись с ней глазами, Том почувствовал, что возвращается к жизни. Сара поборола наконец охватившее ее смущение, и Том понял, что, в отличие от мальчиков, которые приходили его навестить, ей не страшно смотреть на следы его травм. Рана на голове Тома успела зажить, с правой руки сняли гипс, и сейчас он выглядел почти как раньше.

Прежде чем заговорить, они внимательно рассматривали друг друга, и Том увидел, что Сара очень повзрослела за лето — перед ним стояла уже не девочка, а маленькая женщина, которая прекрасно понимала, что лицо и тело ее сильно изменились за последние месяцы.

— О, Боже, — произнесла наконец Сара. — Вы только посмотрите на этот гипс!

— Я и так смотрю на него целыми днями, — ответил Том.

Улыбнувшись, Сара подняла глаза.

— О, Том, — сказала она, и на мгновение Тому показалось, что сейчас она возьмет его за руку или погладит по щеке, или поцелует, или разразится слезами — или сделает все это одновременно. И Тому так сильно захотелось, чтобы Сара коснулась его, что у него закружилась голова. А Сара никак не могла понять, что же ей хочется сейчас сделать, как лучше выразить охватившую ее нежность и скорбь. Сара подошла поближе и уже почти что протянула руку, чтобы коснуться его, но тут увидела, какой бледной стала его кожа, она казалась просто серой под золотистым налетом привычного загара. И Том Пасмор, ее старый школьный друг, вдруг показался Саре совсем чужим, словно она видела его впервые. Том похудел, лицо его стало костлявым, и, хотя Сара понимала, что перед ней маленький мальчик, под глазами его были безобразные темные круги, совсем как у старика. Но через несколько секунд лицо Тома снова обрело привычные очертания, и теперь перед Сарой лежал уже не маленький мальчик с глазами старика, а симпатичный подросток, парень, который нравился ей больше всех в классе,

друг, с которым они провели вместе столько времени, разговаривая и играя — но все же Сара успела непроизвольно сделать несколько шажков назад и сложить руки на груди.

Им вдруг стало неловко в присутствии друг друга. Том почувствовал, что должен немедленно сказать что-то, все равно что, чтобы Сара не выбежала из комнаты.

— Ты знаешь, сколько я уже лежу здесь? — спросил он, и тут же пожалел об этом, потому что фраза прозвучала так, словно он обвиняет Сару в том, что она так долго не приходила. — Я лежу здесь вечно, — он словно пытался одним предложением рассказать Саре обо всех изменениях, происшедших внутри него.

— Я узнала об аварии только вчера, когда мы вернулись с севера, — сказала Сара.

— С севера, — Том прекрасно понимал, что Сара имеет в виду не северную часть Милл Уолк, а северные американские штаты. Родители Сары, как и многие другие обитатели восточной части острова (Пасморы были исключением из правила), владели собственностью в Северном Висконсине и обычно проводили лето в деревянном домике на берегу живописного озера. В конце июня семейство Редвингов — один из самых влиятельных кланов Милл Уолк — первым перебиралось на озеро Игл-лейк.

— Мама встретила в Остенд-маркет миссис Джейкобс, и та рассказала ей, что с тобой случилось. Тебя ведь сбила машина?

Том кивнул. Он знал, что на языке у Сары вертится множество вопросов, которые она не решается задать.

Что ты чувствовал при этом?

Помнишь ли ты что-нибудь?

Тебе было очень больно?

— Как это произошло? — спросила вместо этого Сара. — Ты перебежал улицу перед машиной?

— Кажется, я выбежал на Калле Бурле. Был час пик и... — Том пожал плечами: он не помнил ничего из событий того дня, кроме надвигающейся на него машины.

— Как ты мог так глупо попасть в аварию? Что же ты собираешься делать дальше? Нырять в пустой бассейн?

— Думаю, теперь самым отчаянным моим поступком будет попытка встать с этой кровати.

— И когда это произойдет? Когда ты будешь дома?

— Не знаю.

На лице Сары отразилось почти взрослое беспокойство и отчаяние.

— Но как же ты пойдешь в школу, если тебя не выпишут? — Том ничего не ответил, и отчаяние, написанное на лице Сары, сменилось сначала смущением, а затем недоверием. — Так значит ты не пойдешь в школу?

— Я не могу, — сказал Том. — Мне придется пропустить целый год. — Он снова чувствовал себя подавленным. — Врачи говорят, что ближайшие восемь недель я не смогу даже встать с кровати. А когда я наконец попаду домой, то буду лежать на той же больничной койке, только у нас в гостиной. Так как же я могу пойти в школу, Сара? Ведь я не могу даже встать с кровати. — Боль постепенно возвращалась, и теперь Том почти кричал. Он ненавидел себя за то, что издает в присутствии Сары подобные звуки. У Сары Спенс был такой вид, словно она жалела о своем приходе в больницу, и она была права — ей не было места в этих стенах. Сара была лучшим другом Тома, хотя он понял это только сейчас, но теперь между ними лежала пропасть.

Сара не выбежала из комнаты, но для Тома было только мучительнее сознавать, что она смотрит, как он вытирает глаза и нос. Сара невнятно бормотала, что все будет в порядке. Том смотрел, как она постепенно удаляется в царство равнодушного дневного света, вежливо пытаясь спрятать ужас, который испытывает при виде его боли и гнева. Сара не знала самого глав-

ного — она не знала, что между ног Тома не осталось ничего, кроме трубочки для вывода мочи, — это было настолько ужасно, что сам Том не мог думать об этом больше нескольких секунд. Левая рука Тома непроизвольно нащупала гладкую, поверхность гипса между ног. У тебя, наверное, все чешется под гипсом, — сказала Сара, и Том отдернул руку, словно гипс был раскален докрасна.

Сара сидела в палате, пока не закончилось время, отведенное для посетителей. Она рассказывала Тому о своем новом щенке по имени Бинго, о том, чем занималась «на севере», как кузен Фрица Редвинга по имени Бадди взял моторную лодку и выехал на середину реки, чтобы попробовать глушить рыбу динамитом. В голосе ее звучали доброта и смущение, сочувствие и симпатия и множество других чувств, которые Том не мог — или не хотел — назвать словами. Через полчаса в палату зашла Нэнси Ветивер и сообщила Саре, что ей пора уходить.

— Я и не знала, что у тебя такая хорошенькая подружка, — сказала Нэнси. — Я, кажется, ревную.

Сара густо покраснела и потянулась за сумочкой. Уходя, она пообещала, что скоро придет снова, и улыбнулась Тому одними глазами, стараясь не замечать стоящую рядом Нэнси. Но больше Сара ни разу не приходила к нему больницу.

* * * Через два дня дверь его палаты открылась, и Том поднял глаза от книги в надежде увидеть Сару Спенс. Но с порога ему улыбался Леймон фон Хайлиц. Пожилой джентльмен без слов понял, в чем дело.

— Ты, кажется, ждал кого-то другого, — сказал он. — Но это всего-навсего твой капризный старый сосед. Мне уйти? Ты хочешь побыть один?

— Нет, нет, пожалуйста, заходите, — как ни странно. Тому приятен был его визит. Мистер фон Хайлиц был одет в синий костюм и двубортный жилет, в петлице торчала ярко-красная роза, а на руках красовались перчатки того же цвета. Он выглядел немного глупо, но вместе с тем очень элегантно. И Тому вдруг захотелось выглядеть точно так же, когда он достигнет того же возраста. Тут в памяти его всплыло вдруг смутное воспоминание, и Том удивленно посмотрел на мистера фон Хайлица, который ответил на его взгляд дружелюбной улыбкой, словно снова понял состояние Тома без единого слова.

— Вы уже приходили навестить меня, — сказал Том. — Это было давно.

— Да, — подтвердил фон Хайлиц.

— Вы сказали... вы сказали, чтобы я запомнил ваш визит.

— И ты его запомнил. А теперь я пришел опять. Насколько я понимаю, тебя скоро перевезут домой, но я подумал, что ты с удовольствием прочтешь пару книг, которые я захватил для тебя из дому. Я не обижусь, если они тебе не понравятся. Но ты должен попробовать.

И в руках его появились, словно сами собой, две книги — «Пестрая лента» и «Убийства на улице Морг». Фон Хайлиц протянул книги Тому: «Я надеюсь, ты будешь настолько любезен нанести мне визит, когда окончательно поправишься».

Том растерянно кивнул, и фон Хайлиц тихо выскользнул из комнаты.

— Кто это, черт возьми, был? — спросила его Нэнси Ветивер. — Дракула?

* * * Тома выписали из больницы тридцать первого августа. В гостиной для него поставили больничную койку. Гипсовый панцирь заменили другим, поменьше, который покрывал его ногу от колена до бедра. Оказалось, что он вовсе не лишился половых органов. Через несколько дней после выписки Тома пришла навестить Нэнси Ветивер. Сначала Тому показалось, что она принесла с собой всю суету покинутой им больницы. Нэнси рассказывала ему истории про других медсестер и больных, которых знал Том, и истории эти увлекали его гораздо больше, чем рассказы Сары Спенс о каникулах в Висконсине. Хэтти Баскомб обещала наслать на Тома проклятие, если он не придет ее навестить.

Вскоре вернулась из «Остенд-маркет» Глория Пасмор, которая чувствовала себя сегодня лучше, и поэтому отправилась заказать продукты, пока Нэнси сидела с Томом. Глория была

так убийственно вежлива с Нэнси, что той сразу сделалось неловко, особенно когда ее стали спрашивать о происхождении и образовании. Том впервые заметил, что Нэнси не очень грамотно разговаривает и иногда смеется над вещами, которые вовсе не кажутся такими уж смешными. Спустя несколько минут мать Тома почти что указала Нэнси на дверь, весьма неискренне поблагодарив ее за все, что та сделала для ее сына.

Закрыв за Нэнси дверь и вернувшись в гостиную, Глория сказала:

— Медсестрам ведь не надо давать на чай? Мне кажется нет.

— О, мама, — только и смог произнести Том, прекрасно понимая, что Нэнси Ветивер вынесен приговор.

— Эта девушка показалась мне очень тяжелым человеком, — сказала Глория. — А я всегда немного побаивалась тяжелых людей.

Часть третья

Ненависть и спасение

8

Когда позже, став взрослым, Том Пасмор вспоминал тот год, который провел один дома, он не мог четко представить себе лица всех сиделок, которых нанимали, потом увольняли и прогоняли вон. Он не мог также вспомнить всех учителей, которые пытались заставить его прервать чтение и выучить уроки. Родители проводили с ним не слишком много времени, и единственное, что Том помнил четко, это как он лежал один в пустой гостиной и читал. Год этот можно было условно поделить на три части: когда он лежал в постели, когда ездил в инвалидном кресле и когда начал передвигаться на костылях. За этот год Том перечитал все книги в доме и все книги, которые приносил его отец из городской библиотеки. Том читал все без разбора, не пытаясь оценивать прочитанное, а иногда даже не понимая смысла. Он перечитал старые детские книжки, прочел любимых авторов отца — Зейна Грея, Эрика Амбера и Эдгара Райса Берроуза, потом книги Глории Пасмор — С.С.Вандайна, Е.Филлипса Оппенгейма, Майкла Арлена, Эдгара Уоллеса и «В поисках Брайди Мерфи». Он прочитал Сакса Ромера, Х.Ф.Лавкрафта и «Мифологию Булфинча». Потом пошли романы про собак Алберта Пейзона Терхуна и про лошадей — Уилла Джеймса, «Зов свободы», «Черная красота» и «Лягушка» полковника С.П.Микера и роман о Галилее какого-то венгерского писателя. Потом Том стал читать романы о гонщиках, особенно ему понравились «Уличные гонки», где мальчик погибал в автомобильной катастрофе. А когда отец стал приносить книги из библиотеки, Том жадно глотал все — Агату Кристи, Найо Марша, Дэшила Хэммета и Раймонда Чандлера. Он прочел книгу «Корпорация убийц» о карьере Луиса «Лепке» Бучалтера и Эйба Рилза. А однажды раздраженный до предела Виктор Пасмор появился в гостиной с полной сумкой книг, которую вручил ему во дворе и велел передать Тому Леймон фон Хайлиц. Это были романы Рекса Стаута о Ниро Вульфе, и Том прочел их, не отрываясь, один за другим. Он прочитал примерно треть Библии и половину пьес Шекспира, потом увлекся приключениями Шерлока Холмса, Ричарда Хэнни и лорда Питера Уимси. Затем были «Юрген», «Первый» и «Слан», а потом, — бесчисленное количество романов, в которых молоденькие гувернантки приезжали в старинные французские поместья и влюблялись там в молодых дворян, которые вполне могли оказаться контрабандистами, но почему-то не оказывались.

Том прочитал «Дракулу», «Высоты Вазеринга» и «Холодный дом», после чего пристратился к Диккенсу и стал читать подряд все его романы — «Большие ожидания», «Записки Пикквикского клуба», «Мартин Чаззлвуд», «Домби и сын», «Тайна Эдвина Друда», «Наш общий друг», «Повесть о двух городах». Потом по совету озадаченного библиотекаря Том перешел от Диккенса к Уилки Коллинзу и буквально проглотил в один присест «Лунный камень», «Без имени», «Армадейл» и «Женщину в белом». Потом, тоже по рекомендации библиотекаря, он увлекся произведениями Эдит Уортон, но быстро переключился на Марка Твена, Ричарда Генри Дана и Эдгара Алана По. Затем Том прочитал, хотя уже и не так быстро, «Замок

Отранто», «Монаха» и «Великую книгу ужасного и сверхъестественного». Мистер фон Хайлиц снова остановил на улице его отца и передал Тому еще несколько книг — «Дом стрелы», «Последнее дело Трента» и «Несносный Фэррар».

До того, как Том попал в аварию, книги были для него возможностью ускользнуть из мира обыденности, теперь же в них была вся его жизнь. Иногда — очень редко — к Тому заходили бывшие одноклассники, и во время этих визитов Том узнавал, что время за стенами его дома вовсе не остановилось — Бадди Редвингу подарили на день рождения «корвет», а Джеми Тилмана исключили из Брукс-Лоувуд за то, что он курил за школьной сценой, футбольная команда выиграла восемь игр подряд, а баскетбольную преследовала полоса неудач. Но друзья заходили редко и уходили довольно быстро, и Том, которого гораздо больше, чем школьные сплетни, интересовал огромный мир за пределами Истерн Шор-роуд и Милл Уолк, читая книги, забывал о своих увечьях и о своем одиночестве. Погружаясь в книги, он оставлял позади свое немоющее тело и бесполезный гнев и бродил по лесам и городам в компании героев и героинь, которые жили ради денег, ради любви, ради мести, которые убивали, воровали, спасали Англию от заговоров, пускались в опасные путешествия и преследовали, словно тени, своих двойников по туманным улицам Лондона прошлого века. Он ненавидел свое тело и инвалидную коляску, хотя плечи и руки его стали мускулистыми, как у штангиста, а когда встал наконец на костыли, молча проклинал неуклюжую имитацию ходьбы, в которой вынужден был участвовать: настоящая жизнь — его настоящая жизнь — проходила на страницах сотен романов, прочитанных за этот год. Все остальное было сплошным ужасом — бесконечные падения, ползание на четырех точках, крики раздраженных учителей, а главное, сны — по ночам ему снились лужи крови, расплюснутые или расчлененные тела.

Через год после аварии Том отбросил костыли и стал снова учиться ходить самостоятельно. К тому времени Том Пасмор очень сильно отличался от мальчика, который выпрыгнул год назад из молочного фургона.

И Том, и его родители объясняли изменения, происшедшие в его характере, чтением книг. Родителям Тома казалось, что странноватый, почти незнакомый мальчик, который бродит по дому, держась за столы и стулья, подобно полугодовалому ребенку, сознательно отделился от реальной жизни, выбрал для себя мир теней, мир таинственного и непознанного.

Сам Том считал совсем иначе — он был уверен, что только за этот год понял, что такое настоящая жизнь, чтение не только спасло его от безумия, вызванного гневом и скукой, оно помогло ему бросить взгляд на взрослую жизнь — он словно был невидимым участником сотен драм и, что гораздо более важно, слышал тысячи разговоров, узнал множество оценок тех или иных событий, наблюдал человеческую глупость, жестокость, хитрость, дурные манеры и двуличие, которые почти всегда осуждались. К тому же он проникся красотой английского языка, ощущением его корней, и в голове Тома навсегда засела мысль, что красноречие само по себе является благом и добродетелью. И еще — он стал лучше понимать мотивы, двигавшие поступками людей. Книги, которые читал Том, и были для него настоящим образованием, гораздо в большей степени, чем уроки приходящих учителей. Иногда во время чтения Тому становилось вдруг жарко, ему казалось, что герои, действующие в книге, вот-вот сделают великое открытие, которое будет принадлежать и ему, — откроют царство скрытого смысла, таящегося за оболочкой видимого мира.

Поступив в высшую школу Брукс-Лоувуд, Том способен был заставить половину класса содрогаться от смеха репликой, которую вторая половина обычно не понимала или не хотела понимать. Том вскакивал с места, слыша громкие звуки, и надолго уходил в себя — окружающие называли такие периоды «трансами». У него была репутация «нервного» мальчика, потому что он никогда не сидел спокойно более нескольких секунд — тут же начинал дергаться, потирать подбородок или болтать с кем-нибудь, кого угораздило оказаться рядом. Тома мучили кошмары, и иногда он ходил во сне. Если бы Том действительно учился в школе так

хорошо, как должен был, судя по показателям его тестов, его эксцентричное поведение списали бы на причуды интеллектуально одаренной личности, и совет попечителей школы наверняка предложил бы ему поступить в медицинский колледж — на Милл Уолк вечно не хватало врачей. Но Том не хотел учиться, поэтому его считали странным мальчиком, и поэтому он получал от опекунского совета лишь брошюры с предложением третьесортных колледжей в южных штатах.

Девять месяцев, проведенных в инвалидной коляске, не прошли даром — у Тома были широкие плечи и развитые бицепсы, которые не исчезли даже тогда, когда тело его выросло до шести футов четырех дюймов. Баскетбольный тренер, пребывавший в отчаянии после нескольких неудачных сезонов, организовал встречу с Томом и его отцом в присутствии директора школы, который давно втайне считал Тома Пасмора симулянтом. Том вежливо отказался иметь что-либо общее со спортивными командами школы.

— Я вырос таким высоким по чистой случайности, — заявил Том в кабинете директора троим мужчинам с непроницаемыми каменными лицами. — Почему бы вам не представить себе, что я ровно на фут короче?

Том не имел в виду ничего плохого, но тренеру показалось, что Том издевается над ним, директор тоже почувствовал себя оскорбленным, а Виктор Пасмор пришел в ярость.

— Будь любезен разговаривать по-человечески! — пророкотал он. — Ты должен участвовать в жизни школы! Ты не можешь больше целыми днями сидеть в своей берлоге!

— Звучит так, словно баскетбол стал обязательным школьным предметом, — тихо, словно самому себе, сказал Том.

— Для тебя — да! — не унимался отец.

И тогда Том бросил реплику, которая привела в ярость всех присутствовавших в кабинете директора.

— Я ничего не знаю о баскетболе, кроме того, что прочитал у Джона Апдайка. Кто-нибудь из вас читал «Кролик, беги!»

Конечно, никто из них не читал Апдайка — тренер вообще подумал, что речь идет о какой-нибудь книге про животных.

Том прозанимался баскетболом примерно месяц. Тренер быстро обнаружил, что его новый игрок просто не способен удержать мяч или отдать пас, не говоря уже о том, чтобы забросить мяч в корзину. Он не смог запомнить даже названия баскетбольных позиций. Тому удалось заинтересовать одного из своих друзей, Фрица Редвинга, романом «Кролик, беги!», описав ему сцену орального секса, встречающуюся на страницах книги. Книга, взятая в аптеке Ан Дай Блумен (ни один Редвинг никогда не заплатил бы деньги за такую смешную вещь, как книга), так поглотила Фрица, что это вызвало беспокойство у его родителей, и через три дня, взяв из рук сына книжку, они с ужасом и удивлением обнаружили, что она открыта именно на том абзаце, который описал Фрицу Том Пасмор.

Редвингам было бы намного легче, если бы они застали сына за занятием теми самыми вещами, которые описывались в книге. Но то, что Фриц читал об этом, было просто ужасно. Сексуальные эксперименты можно было бы отнести за счет переходного возраста, но читать о таком — это уже попахивало извращением. Фриц тут же признался, что узнал об этой книге от Тома Пасмора. И поскольку Редвинга были самой богатой, влиятельной и уважаемой семьей на Милл Уолк, репутация Тома были серьезно запятнана. Его считали теперь не вполне благонадежным.

Том предпочитал быть именно таким, каким его считали. Его вовсе не прельщала перспектива стать жалким подобием одного из Редвингов, хотя именно такой была заветная мечта почти всех членов высшего общества Милл Уолк. Благонадежность Редвингов состояла в отсутствии мыслей и приверженности привычкам, которые выдавались почему-то за един-

ственно возможную манеру поведения, хотя на самом деле это были просто хорошие манеры и не более того.

Настоящий представитель их круга обязательно опаздывал на пять минут на деловые встречи и на полчаса — на вечеринки, старался как можно лучше играть в теннис, поло и гольф. Пил виски, джин, пиво и шампанское — поскольку мало что знал о других спиртных напитках; носил шерсть зимой и хлопок летом. (Признавая при этом одежду определенных фирм) Они улыбались и обменивались последними шутками, никогда не высказывали прилюдно своего неодобрения по тому или иному поводу и никогда ничего не хвалили. Они делали деньги (или жили на проценты, как в случае с Редвингами), но считали дурным тоном обсуждать это. Они скупали произведения искусства, но не носились с ними, как с писаной торбой, — картины, в основном пейзажи и портреты, предназначались для того, чтобы украшать стены, подниматься в цене и свидетельствовать о хорошем вкусе своих владельцев. (Когда Редвинги или другие члены их кружка решали подарить «что-нибудь из искусства» музею Милл Уолк, они обычно требовали, чтобы зал, где повесят картины, сделали точной копией с их гостиной, иначе картины не будут смотреться). Они читали романы, предназначенные для удовольствия женщин во время летнего отдыха, поэзия существовала в их жизни либо в виде безукоризненно зарифмованных детских стихов, либо в виде длинных произведений, содержание которых было многозначительно и туманно. «Классической» музыкой считались хорошо знакомые всем мелодии, под которые они обычно веселились и появлялись на людях в своих лучших костюмах и платьях. Они старались, пока было возможно, закрывать глаза на любые неудобства, которые приходилось иногда испытывать. Эти люди проводили лето в Европе, где в основном ходили по магазинам, на курортах Южной Америки, где ходили по другим магазинам, или «на севере», лучше всего на озере Игл-лейк, где пили пиво, ходили на рыбалку, устраивали роскошные пиршества и заводили интрижки с чужими женами и мужьями. Никто из них не знал иностранных языков — сама идея казалась им просто смешной, однако здесь вполне допускались зачаточные знания немецкого языка, на котором говорил дедушка, владевший когда-то собственностью на востоке острова и сумевший нажить на ней состояние. Дети их посещали школу Брукс-Лоувуд, участвовали по возможности во всех спортивных состязаниях, игнорировали или высмеивали некрасивых и непопулярных учеников, презирали бедных и коренное население острова, считали все части Восточного полушария кроме Игл-лейк и его окрестностей глухой провинцией. После школы они отправлялись в колледж, где шлифовались их хорошие манеры, при этом они не позволяли испортить себя интересными, но не имеющими значения для жизни на Милл Уолк идеями и воззрениями, а потом возвращались на остров, чтобы жениться и продолжить свой род, а также наживать и проживать богатство. Никто из них не выказывал на людях беспокойства и ни разу не произносил ничего такого, чего окружающие не слышали бы раньше. Они становились членами клуба основателей, яхт-клуба, одного или обоих существующих на острове кантри-клубов, оставаясь при этом членами клуба выпускников своего колледжа и, если речь шла о молодых бизнесменах, вступали в клуб организации Кивание, чтобы не показаться снобами. И, конечно же, все они принадлежали к англиканской церкви.

Что касается внешности, это были обычно молодые люди выше среднего роста с белокурыми волосами, голубыми глазами и безукоризненными зубами. (Хотя сами Редвинги были низенькими, коренастыми, темноволосыми и с большими щелями между зубов).

Один из многочисленных членов семейства Редвингов попытался когда-то ввести на острове новое развлечение — псовую охоту на лис, но у него ничего не получилось. На острове не было лисиц, а местные хорьки и дикие кошки быстро научились убегать от завезенных на Милл Уолк борзых, изнывающих от жары в непривычном климате. Поэтому увлечение охотой свелось постепенно к посещению Охотничьего бала, на который мужчины являлись в кожаных сапогах и розовых охотничьих куртках. Попытка внедрить этот обычай ясно показывает, что

члены высшего общества Милл Уолк были преимущественно англофилами, хотя выражалось это в основном в пристрастии к пышным драпировкам, тканям в цветочек, консервативной манере одеваться, кожаной мебели, стенам, отделанным деревянными панелями, маленьким собачкам, званым обедам, на которых обязательно подавали дичь, «красноречивым» портретам любимых зверюшек, а также в полном равнодушии ко всему, что касалось интеллектуальной жизни, жизнерадостном бескультуре, врожденном чувстве собственного превосходства над окружающими и прочих подобных вещах. И конечно, они считали, что все части Милл Уолк, кроме восточной, где жили Редвинги, их родственники, друзья и знакомые, и, пожалуй, Бухты вязов, хотя она и находилась к западу от гольф-клуба Глен Холлоу, не принадлежат к цивилизованному миру. Частью этого мира признавались также Бермуды, Мاستик, Чарльстон, определенные части Бразилии и Венесуэлы — особенно те, где отдыхали обычно Редвинги, — некоторые районы Ричмонда, Бостона, Филадельфии, Нью-Йорка и Лондона, Игл-лейк, горы Шотландии и Аляска, где находился охотничий дом Редвингов. Представители их круга имели право доехать в любое из этих мест, но считалось опасным вольнодумством оказаться в каком-нибудь из мест, не включенных в этот список, олицетворявших для любого здравомыслящего человека все, к чему стоит стремиться в этой жизни.

Все, к чему должен стремиться благонадежный юноша.

9

Том стал интересоваться убийствами, которые случались иногда на Милл Уолк, он вырезал и хранил вырезки из журнала «Свидетель», в которых сообщалось об этих убийствах. Он не мог бы сказать, почему так интересуется этим, но после каждого убийства, совершенного на природе или в помещении, оставалось тело, безвременно оставленное душой, тело, которое при других обстоятельствах осталось бы полным жизни.

Глория была очень удручена, когда нашла альбом с этими вырезками, который выглядел вполне обычно — обложка из коричневого картона, толстые желтые страницы, — и это покорило Глорию еще больше: в таком альбоме должны были храниться этикетки от спичечных коробков или фотографии из летнего лагеря, а вместо этого она увидела там вырезки с чудовищными заголовками: «Тело найдено в грузовике», «Сестра министра финансов убита при попытке ограбления». Она хотела унести альбом из комнаты Тома и отругать его за пристрастие к подобным вещам, но потом решила притвориться, что не видела его, и оставить все как есть. В конце концов альбом Тома был всего лишь, одной из многих вещей, которые угнетали, тревожили или расстраивали Глорию Пасмор.

Большая часть убийств, случавшихся на Милл Уолк, были такими же обыденными, как альбом, в который Том складывал вырезки с сообщениями о них. Фермера, разводящего свиней, ударили кирпичом по голове и бросили в загон для скота, где он был затоптан и наполовину съеден собственными домашними животными. «Свидетель» назвал это: «Жестокое убийство фермера с Центральных равнин». Спустя два дня в газете появилось сообщение о том, что сестра фермера созналась в убийстве: «Он сказал, что собирается жениться и я должна покинуть ферму, где родилась и выросла».

В старой части города убит при попытке ограбления местный бармен. Один брат убил другого в канун Рождества — «Спор из-за Деда Мороза привел к смерти». Темнокожая женщина заколота в своей хижине на Могром-стрит — «Сын убивает мать из-за денег, спрятанных в матрасе, — более трехсот тысяч долларов!»

Глория решила исповедаться в своих бедах человеку, готовому к сочувствию.

Учитель английского языка Брукс-Лоувуд Деннис Хэндли, мистер Хэндли, или просто «старик Хэнд», как звали его между собой ученики, приехал на Милл Уолк после университета, прельстившись солнечным пейзажем, жалованьем, способным обеспечить вполне приличное существование, квартирой с видом на океан и относительно спокойной жизнью. Поскольку мистер Хэндли любил свою работу, рад был вырваться из школы в Нью-Гемпшире,

где царили чересчур строгие нравы, был человеком спокойным и дружелюбным и практически не знал, что такое сексуальное желание, жизнь на острове была как раз для него. Он считал, что плата за квартиру могла бы быть и поменьше, но во всем остальном жизнь в тропиках устраивала его целиком и полностью.

Когда Глория Пасмор рассказала ему об альбоме с газетными вырезками, Деннис согласился поговорить с мальчиком. Он не мог бы объяснить, почему, но пристрастие Тома к подобным вещам казалось ему нездоровым. Конечно, вырезки могли быть материалом для будущих рассказов, но от всего этого веяло какой-то извращенной, болезненной одержимостью. Ведь Том Пасмор не собирается писать криминальные романы или детективы? И Деннис пообещал Глории, которая выпила в тот день на два коктейля больше, чем обычно, что попытается что-нибудь выяснить.

Незадолго до этого Деннис сказал Тому, что еще в университете начал собирать редкие издания книг некоторых авторов — Грэма Грина, Генри Джеймса, Ф.Скотта Фицджеральда — и если Том захочет полистать эти книги, он может прийти в любое время. В пятницу, на следующий день после разговора с Глорией Пасмор, Деннис спросил Тома, не хочет ли он зайти к нему после школы, чтобы ознакомиться с книгами и, если ему захочется, взять что-нибудь почитать. Деннис сказал, что сам отвезет Тома к себе, а потом домой, и Том с удовольствием согласился.

Они встретились перед кабинетом Денниса и спустились, пробираясь сквозь толпу мальчишек, по широкой деревянной лестнице, мимо витража с изображением герба Брукс-Лоувуд. Деннис был очень популярен среди учеников, поэтому многие останавливались, чтобы поговорить с ним, пожелать ему приятного уик-энда, а некоторые даже здоровались с Томом, почти не глядя при этом в его сторону. Если не считать здорового цвета лица, Тома вряд ли можно было назвать красавцем, хотя в нем и было более шести футов роста. У него были такие же шелковистые белокурые волосы, как у матери, и плечи его красиво проступали под помятым твидовым пиджаком (В этот период жизни Тома абсолютно не волновало, что он надел на себя утром — он просто не замечал этого). На первый взгляд он напоминал очень молодого профессора колледжа. Некоторые здоровались с ним, остальные же вели себя так, словно Том был пустым местом. Они стояли посредине лестницы, пока закончившие учиться мальчики спускались вниз, и Деннис объяснял Уиллу Тилману задание на выходные, внимательно разглядывая Тома, на лице которого играли разноцветные блики, отбрасываемые цветными стеклами витража. Деннис видел, что Том старался изо всех сил слиться с толпой — он словно заставлял себя быть одним из учеников. И, несмотря на общительность и чувство юмора, которые всегда отличали Тома, Деннису вдруг стало неприятно стоять с ним рядом.

Вскоре они вышли из школы и оказались на стоянке, где Деннис обычно ставил свой черный «корвет» с откидным верхом, который выглядел немного высокомерно среди потрепанных пикапов, старых велосипедов и напоминавших подводные лодки «седанов», на которых ездили остальные преподаватели. Тому пришлось сложиться пополам, чтобы поместиться в машине, колени его оказались примерно на уровне носа. Он улыбнулся, и улыбка тут же сгладила неприятное впечатление, возникшее у Денниса несколько минут назад. Улыбнувшись в ответ, Деннис сообщил Тому, что он, наверное, самый высокий пассажир, которого ему приходилось возить в своей машине.

Выезжая на Скул-роуд, Деннис прибавил скорость. Ветер трепал волосы и галстук Тома, и у учителя было такое чувство, словно он посадил рядом с собой на сиденье добродушного большого пса.

— Тебе, наверное, тесно, — сказал он. — Можешь подвинуть сиденье назад.

— Я уже подвинул, — улыбнулся Том. Сейчас он был похож на циркового акробата.

— Потерпи, осталось недолго, — успокоил его Деннис, сворачивая на Калле Бергофштрассе.

Они проехали мимо дорогих магазинов и оказались на Калле Дроссельмейер с четырехполосным движением, миновали новый торговый центр «Дос де Майо» и статую Дэвида Редвинга, первого премьер-министра Милл Уолк, оставили позади несколько кузниц, палаток предсказателей судьбы, автомастерских и магазинчиков, где продавали питонов и гремучих змей. Они двигались, как обычно, в потоке велосипедов и конных упряжек. Дорога их вела мимо консервной фабрики и сахарного завода дальше на юг, через район под названием Уизел Холлоу, где была убита собственным сыном женщина, «спавшая на королевских сокровищах» («Свидетель»).

Деннис свернул на Маркет-стрит, умело объехал фургоны с продовольствием, припаркованные перед «Остенд-маркет», вылетел на последних секундах желтого света на Калле Бурле и после этого свернул наконец на запад.

— Где вы живете? — спросил Том.

— Рядом с парком.

Том кивнул, считая, что речь идет о парке на берегу океана, и Деннис, должно быть, решил заехать по дороге домой в какой-нибудь магазин.

— Готов спорить, это мама попросила вас поговорить со мной, — сказал он.

Деннис повернул голову и удивленно посмотрел на своего ученика.

— Почему ты так думаешь?

— Вы знаете почему.

Деннис не знал, что ответить Тому. Он должен был либо признаться, что Глория Пасмор рассказала ему об альбоме с газетными вырезками, и тем самым дать Тому понять, что мать рылась в его вещах, или же отрицать, что Глория как-то причастна к их сегодняшней поездке и предстоящему разговору. Если он станет все отрицать, то вряд ли сможет потом упомянуть об альбоме с вырезками. К тому же Деннис понимал, что, отрицая участие Глории, будет выглядеть глупо, а это было против его правил. И он, безусловно, отстранится от Тома, невольно встав на сторону его родителей, а это тоже не в его правилах.

Следующая фраза Тома только усилила его замешательство.

— Мне жаль, что вы так расстроились из-за моего альбома, — сказал он. — Конечно, это не может вас не волновать.

— Что ж, я... — Деннис замялся, не зная, что сказать дальше. Он вдруг почувствовал себя виноватым, а Том был достаточно смелым мальчиком, чтобы это не заметить.

— Расскажите мне о ваших книгах, — попросил Том. — Мне нравятся редкие издания и все такое.

Облегченно вздохнув, Деннис начал рассказывать о своей главной удаче — о том, как нашел в букинистическом магазине в Блусбери рукопись «Потерь при Пойнтоне».

— Как только я зашел в этот магазин, у меня тут же возникло чувство, что я найду там что-то необычное, — сказал Деннис. — Я не мистик и не очень-то верю в предчувствия, но, войдя в тот магазин, я почувствовал, что мною овладела какая-то неведомая сила. Я сразу вспомнил сцену из «Золотого котла» Генри Джеймса, когда Шарлотта и принц заходят в антикварный магазин, чтобы купить Мэгги свадебный подарок — ты ведь читал эту книгу?

Том кивнул. Он внимательно выслушал перечень книг, выставленных на продажу в антикварном магазине, описание его владельца и мистического чувства Хэндли, которое усиливалось по мере того, как он переходил от полки к полке, о восторге, охватившем его, когда он набрел в задней части магазина на стеллаж со старыми книгами и наконец обнаружил на нижней полке между атласом и словарем ящичек с отпечатанными на машинке листами. Деннис открыл ящик, почти догадываясь, что увидит внутри.

— Страницы начинались с середины книги. Прочтя несколько предложений, я сразу догадался, что передо мной — «Потери при Пойнтоне». Эта книга была самой первой, которую Джеймс диктовал, причем диктовал не всю, а только часть. У него стала болеть рука, и он

нанял секретаря по имени Уильям Макалпин. Я сразу понял, что нашел рукопись, отпечатанную Макалпином позже, в которую он включил также главы, написанные Джеймсом от руки, чтобы послать ее издателям. Я никогда не смогу это доказать, но мне и не хочется это доказывать. Я и так знаю, что именно нашел. Я отнес рукопись владелицу магазина, дрожа, как осиновый лист, и он продал мне ее за пять фунтов, очевидно, решив, что я сумасшедший, которому все равно, что покупать. Он, конечно же, решил, что я покупаю рукопись ради ящичка.

Деннис сделал паузу — отчасти потому, что на этом месте слушатели обычно начинали хохотать, но еще и потому, что давно не пересказывал никому эту историю, и теперь на него снова нахлынули чувства, испытанные в тот день — триумф и бесконечное ликование.

Слова Тома вернули его на землю.

— Вы читали об убийстве Мариты Хасслгард — сестры министра финансов? — Том снова повернул разговор в прежнее русло.

— Конечно, читал, — ответил ему Деннис. — Ведь не думаешь же ты, что я живу, засунув голову в мешок. — Он взглянул на Тома с некоторым раздражением. Мальчик успел положить ноги на приборный щиток и теперь посасывал шариковую ручку, держа ее наподобие сигары. — Но оказалось, тебе неинтересно, о чем я говорю.

— Мне очень интересно все, что вы говорите. Так что же, по-вашему, с ней случилось?

Деннис вздохнул.

— Что случилось с Маритой Хасслгард? Ее убили по ошибке. Нападавший считал, что в машине находится ее брат. Это ведь случилось поздно ночью. Обнаружив ошибку, убийца засунул ее тело в багажник и быстро покинул остров.

— Значит, вы согласны с тем, что написано в газетах?

Большинство жителей Милл Уолк придерживались теории, пересказанной только что Деннисом Хэндли. Та же версия была изложена на страницах «Свидетеля».

— В общем, да. Думаю, да, — сказал Деннис. — Я не помню точно, что написано в газете, но, думаю, они правы. Но не можешь ли ты сказать мне, какое отношение имеет убийство этой женщины к находке рукописи «Потеря при Пойнтоне».

— А как вы думаете, откуда появился этот убийца?

— Наверное, его нанял кто-нибудь из политических противников Хасслгарда — из тех, кто против его политики.

— Каких-то определенных политических действий?

— Это может быть все что угодно.

— А вам не кажется, что теперь ему надо быть бдительнее — нанять охрану и все такое?

— Что ж, попытка убить министра провалилась, убийца скрылся. Полиция ищет его, и, когда найдет, он обязательно расскажет, кто его нанял. Если кому-то и надо чего-то бояться, так это человеку, заплатившему убийце.

Все это, конечно же, были прописные истины.

— Но почему, как вы думаете, он засунул тело сестры министра в багажник?

— О, какая разница, куда он засунул несчастную Мариту. Это ведь не играет роли. Убийца заглянул в машину и увидел, что убил сестру предполагаемой жертвы. Тогда он спрятал тело в чемодан. Но тебе не кажется, что мы обсуждаем слишком уж мрачные вещи?

— А вы не помните, что это была за машина?

— Конечно помню — «корвет», точно такой же, как этот. Надеюсь, мы покончили наконец с этим вопросом.

Наклонившись к Деннису, Том вынул изо рта ручку.

— Почти покончили. Марита была крупной женщиной, не так ли?

— Я не вижу смысла продолжать...

— У меня осталось всего два вопроса.

— Честное слово?

— Вот первый. Откуда, по-вашему, женщина, убитая в Уизел Холлоу, взяла деньги, которые она спрятала под матрац?

— А второй?

— Откуда, по-вашему, взялось то, чувство, которое охватило вас на пороге антикварного магазина, — чувство, что вы обязательно найдете что-то важное.

— Мы ведем разговор или просто фантазируем на свободную тему?

— Вы хотите сказать, что не знаете, откуда взялось это чувство?

Деннис только покачал в ответ головой.

Впервые с тех пор, как они свернули на Калле Бурле, Том обратил внимание на окружающие их высокие дома.

— По-моему, мы едем вовсе не к парку на берегу.

— Я живу вовсе не у парка на берегу — с чего ты взял? А, — Деннис улыбнулся Тому. — Я живу возле другого парка — Парка Гете. Рядом с кварталами, где раньше торговали рабами. Девяносто процентов домов в этом районе построены в двадцатые или тридцатые годы. Это добротные солидные дома с крылечками, арками и другими интересными деталями. Люди напрасно недооценивают этот район. — К Деннису вновь вернулось хорошее расположение духа. — Не знаю, почему бы школе Брукс-Лоувуд не открыть здесь свой филиал.

Том медленно повернул голову и заглянул в лицо Деннису.

— Хасслгард не учился в Брукс-Лоувуд.

— Знаешь, я никак не могу понять, какое это имеет отношение к убийству его сестры, — выражение лица Тома почему-то вызвало у Денниса смутную тревогу. Взгляд мальчика словно обратился вдруг внутрь, а кожа стала бледной, почти серой, под покрывавшим ее загаром.

— Не хочешь отдохнуть немного? — спросил Деннис. — Я могу остановиться у парка — посмотрим на зигураты.

— Мне нельзя дальше, — сказал вдруг Том.

— Что?

— Сверните к тротуару и высадите меня здесь. Меня немного тошнит. Не беспокойтесь обо мне. Пожалуйста.

Деннис остановил машину. Том наклонился вперед и положил голову на приборную панель.

— Ты что, действительно думаешь, что я брошу тебя здесь одного? — удивился Деннис.

Том потерся лбом о панель. Жест этот был таким детским, что Деннису тут же захотелось погладить мальчика по волосам.

— Ну, конечно же, нет, Том. Я довезу тебя до своего дома, и ты лежишь немного.

Он помог Тому откинуться назад и положить голову на спинку сиденья. Глаза его напоминали сейчас два блестящих камушка.

— Поедем ко мне, — сказал Деннис.

Том медленно покачал головой и закрыл лицо руками.

— Не могли бы вы отвезти меня в другое место? Деннис удивленно поднял брови.

— В Уизел Холлоу.

Том внимательно посмотрел на Денниса, и у того возникло вдруг ощущение, что он разговаривает не с семнадцатилетним подростком, а с сильным взрослым человеком. Он повернул ключ и снова завел мотор.

— В какое-то определенное место в Уизел Холлоу? — спросил он.

— На Могром-стрит.

— Могром-стрит, — машинально повторил Деннис. — Что ж, это, пожалуй, не лишено смысла. В какое-то определенное место на Могром-стрит?

Том закрыл глаза, и Деннису показалось даже, что он задремал.

Культура и цивилизация коренного населения Милл Уолк практически исчезла к началу восемнадцатого века. Единственное, что от нее осталось, не считая самих туземцев с бессмысленными лицами и гнилыми зубами, — это две зиггураты на открытом поле, где устроили потом Парк Гете. На основании одной из пирамид было написано: «Могром», на другой — «Рамбишур». Хотя никто давно не помнил значения этих загадочных слов, местные жители относились к ним с огромным уважением. В одном конце Уизел Холлоу находилась Могром-стрит, пересекавшая Калле Рамбишур, в другом — кафе «Могром» и пицца «Рамбишур». «Скобяные товары Рамбишур» и «Кузница Могром» соседствовали с «Ломбардом Рамби-Мог». На Калле Рамбишур находилась школа для детей туземного происхождения под названием «Зиггурата», аптека «Зиг-Рам», книжный магазин Могром и магазин «М-Р — искусственные конечности».

Деннис молча проехал вверх по Калле Бурле, свернул на Маркет-стрит и снова проехал мимо «Остенд-маркет», затем миновал небольшой подъем, известный под названием Стрелка Форшеймера. Сбоку от дороги виднелись серые контуры консервной фабрики Редвингов и сахарного завода Тилманов. Уизел Холлоу лежал в низине, за высоким холмом. Том по-прежнему сидел с закрытыми глазами. Деннис направил машину к Могром-стрит.

— Ну что ж, — Том резко выпрямился, словно кто-то невидимый потянул за ниточку, привязанную к его голове. Он весь дрожал от нетерпения. Деннису показалось, что, если он не прибавит скорость, Том выпрыгнет из машины.

Могром-стрит начиналась у подножья холма, пересекала Калле Рамбишур и вела к самому центру Уизел Холлоу. Западный конец улицы терялся среди трущоб, состоявших из хижин, а то и навесов из старых одеял, натянутых на деревянные столбы. Изредка здесь попадались более добротные дома, сложенные из розового или белого камня, но гораздо больше было домиков, сложенных из прислоненных друг к другу фанерных листов. В двух кварталах от дороги посреди улицы лежала, тяжело дыша, большая черная собака. Козы и куры гуляли по пожухлой траве между покореженными машинами и разрушенными загонами для скота. Деннис тщетно пытался сосредоточиться на мелодии рок-н-ролла, звучащей из динамиков.

Том наклонился вперед и внимательно рассматривал номера домов.

— Поверните направо, — попросил он.

— Ты хоть понимаешь, что я понятия не имею, что происходит?

— Поезжайте помедленнее.

Деннис повиновался. Том внимательно изучал дона и хижины на ближайшей к нему стороне улицы. Одна из коз повернула голову в их сторону, а куры беспокойно забегали по траве. Машина доехала до перекрестка с написанным от руки указателем «Калле Фридрих Хасслгард». Рядом со знаком вдруг выросли словно из-под земли двое туземных ребятишек с грязными личиками — один был одет в коричневые шорты и держал в руках игрушечное ружье, другой — абсолютно голый. Они угрюмо и в то же время дерзко рассматривали машину Денниса.

— Следующий квартал, — сказал Том.

Деннис медленно повел машину мимо не сводящих с него глаз ребятишек. Собака равнодушно подняла голову. Деннис объехал пса, который, тяжело вздохнув, принял прежнюю позу.

— Стоп, — сказал Том. — Приехали.

Деннис остановил машину. Том наклонился в сторону, чтобы лучше разглядеть деревянный домик. От рифленой жестяной крыши исходил жар. Домик казался пустым.

Том открыл дверцу машины и пошел к дому. Деннис ожидал, что Том заглянет в окно, прежде чем войдет в дверь, но мальчик скрылся за углом дома. Сидя за рулем «корвета», Деннис чувствовал себя чересчур заметным. Ему было жарко. Ему показалось вдруг, что кто-то карабкается сзади на машину, но, высунув голову в окно, он увидел что это просто собака во сне скребет землю задними лапами. Деннис посмотрел на часы — с того момента, когда Том

исчез за углом дома, прошло четыре минуты. Он закрыл глаза и застонал. Но тут снова раздался шелест травы и, открыв глаза, Деннис увидел Тома Пасмора, идущего обратно к машине.

Том шел очень быстро, и на лице его ничего нельзя было прочесть. Он снова сложился пополам и упал на сиденье рядом с Деннисом, ни разу не взглянув на него.

— Заверните за угол, — сказал он.

Деннис включил зажигание, отпустил сцепление, и машина двинулась вперед.

Из домика напротив доносилась мелодия «Ла бамбы», и Деннис подумал вдруг, как здорово было бы сейчас растянуться на диване и сделать хороший глоток джина с тоником.

— Поезжайте вон туда, — командовал Том. — Помедленнее.

Деннис свернул на узенькую улочку.

— Стоп, — сказал Том. Они подъехали к полуразрушенной стене, и Том высунулся из машины, пристально вглядываясь в высокую желтую траву, растущую по другую сторону. — Дальше! — Машина снова двинулась вперед, и через несколько метров оказалась перед зелеными дверями конюшни, переоборудованной в гараж. Два затянутых паутиной пыльных окошка уныло глядели на узкую улицу.

— Здесь! — Том выскочил из машины. Приставив ладони к стеклу, он заглянул в одно из окон, потом в другое, потом снова в первое. Затем Том выпрямился и закрыл лицо руками.

— Теперь наконец все? — спросил Деннис.

Том вернулся в машину.

— Я везу тебя домой!

— Мистер Хэндли, вы должны повозить меня по кварталу. Мы должны прочесать все улицы в этой части Уизел Холлоу.

«Нет, я должен отвезти тебя домой!» — ясно звучало в мозгу Денниса, но вместо этого он произнес:

— Что ж, если хочешь... — и «корвет» двинулся дальше.

Они свернули еще на одну улочку, где рядом с хижинами стояли ржавеющие машины, а за высохшими желтыми газонами виднелось несколько домов побольше. Козы равнодушно щипали травку рядом с палатками из старых одеял. Том пробормотал что-то невнятное, напоминавшее кошачье мяуканье. В двадцати ярдах впереди, по другую сторону улицы стоял точно такой же черный «корвет», как у Денниса, почти незаметный под кучей мусора — консервные банки, пустые бутылки, гниющая луковая шелуха, кусочки облепленного мухами мяса. Из-под всего этого выглядывала отполированная до блеска машина.

— Высадите меня здесь, — Том открыл дверцу, прежде чем Деннис успел остановить машину.

Том подбежал к «корвету» и положил руки на капот.

На секунду — на одну секунду, показавшуюся ему бесконечно долгой, — Тома посетило чувство, напоминавшее дежа вю, скорее это было даже эхо настоящего чувства. Тому показалось, что он стал невидимым, несуществующим для мира реальных вещей и вступил в мир, где каждая деталь была преисполнена великого смысла — он словно проник под кожу этого мира. Это сладкое и одновременно тревожное чувство было хорошо знакомо Тому. Том медленно двинулся к окну рядом с местом водителя. Окно было сплошь в трещинах. Нагнувшись, он разглядел посредине аккуратное пулевое отверстие диаметром около дюйма. Место водителя было залепано кровью, тонкая кровавая пленка покрывала также соседнее сиденье.

Том обошел машину и, повозившись немного с багажником, наконец открыл его. Внутри тоже было море крови, но немного меньше, чем на сиденьях. И тут Том увидел тело, втиснутое в крошечное пространство багажника. Он подошел к двери со стороны пассажирского места, открыл ее и опустился на колени. Затем провел пальцами по гладкой черной коже сиденья. На землю посыпались коричневые хлопья засохшей крови. Он снова стал шарить по сиденью

и вскоре нашел у самой двери, под вспоротой обшивкой, кусочек ваты, пропитанной кровью. Том просунул палец под обшивку и нащупал внутри округлую металлическую поверхность.

Он с шумом выдохнул воздух и поднялся на ноги. Тело его было сейчас необычайно легким, словно он мог бы подниматься все выше и выше, навсегда покидая эту землю. Призрачное сияние окутало вдруг ржавые колеса, лежащие во дворе дома напротив, и старый зеленый «седан», стоявший чуть ниже по улице. Том поглядел на Денниса Хэндли, вытиравшего лоб белым носовым платком, и лицо его расплылось в улыбке. Он пошел к машине Денниса — собственные ноги казались Тому необычайно длинными. И тут внимание его привлекло движение там, где он вовсе не ожидал его увидеть, и Том резко повернул голову, чтобы взглянуть на «седан», припаркованный у противоположной стороны улицы. Из заднего окна машины на него глядело лицо Леймона фон Хайлица. Глаза их встретились, и оба тут же поняли друг друга без слов. Фон Хайлиц приложил к губам палец в перчатке.

* * * Деннис Хэндли отвез своего лучшего и самого загадочного ученика домой, время от времени неуверенно задавая ему вопросы и получая на них невнятные, односложные ответы. Том выглядел бледным и усталым, и у Денниса возникло странное чувство, словно он бережет себя для еще одной попытки. Когда он попытался представить себе, в чем могла бы состоять эта попытка, перед глазами возникла картина Тома Пасмора, сидящего перед старым «ундервудом» — таким же, как тот, на котором Деннис печатал отчеты в конце семестра — и печатающего одним пальцем посередине чистого листа — «Дело об окровавленном сиденье». Через десять минут «корвет» свернул с Ан Дай Блумен на Истерн Шор-роуд, и через несколько секунд Деннис уже сидел в машине один, наблюдая за высокой плечистой фигурой Тома, движущейся к дверям дома Пасморов.

Проехав полпути до дома, Деннис вдруг заметил, что превысил предел скорости миль на двадцать. Он чуть не сбил велосипедиста и только тогда понял вдруг, что им движет сейчас бессильный гнев.

Недели через две Деннис встретил на обеде у Тилманов изрядно подвыпившую Глорию Пасмор и заверил ее, что настроение Тома не вызывает серьезного беспокойства. Это просто очередная фаза переходного возраста. И он вовсе не пытается дорасследовать убийство сестры министра финансов, нет, Тома вообще не интересуют подобные вещи.

10

Том Пасмор действительно провел тот вечер за пишущей машинкой. Только это был не «ундервуд», а маленькая портативная «Оливетти», которую, вняв настоятельным просьбам Тома, родители подарили ему год назад. Но то, что печатал Том, было вовсе не началом любительского детективного романа. Это было письмо, адресованное капитану Фултону Бишопу, детективу, чье имя упоминалось в «Свидетеле». Он начал писать письмо еще до обеда, но весь вечер переписывал и переписывал его заново. Под письмом стояла подпись: «Друг».

Когда Том сложил письмо и положил его в конверт, было уже девять часов вечера. Пока он печатал, дважды звонил телефон, но Том не стал прерывать работу. Он слышал краем уха, как хлопнула входная дверь, потом отъехала машина — значит, дома остался только один из его родителей. Том подумал, что у него есть прекрасная возможность выскользнуть из дома, не отвечая ни на чьи вопросы. Но на всякий случай он все же засунул конверт с письмом между страницами «Женщины в озере» и, взяв книгу под мышку, вышел из комнаты.

С лестницы видно было, что в гостиной горит свет, а дверь комнаты, находившейся с другой стороны, плотно закрыта. Тому слышны были громкие голоса.

Он тихо двинулся вниз по лестнице, но, не успев спуститься, услышал, как дверь библиотеки с грохотом распахнулась и на пороге, в облаке сигаретного дыма, появился его отец.

— Ты думаешь, я глухой? — спросил он. — И не слышу, как ты крадешься по лестнице, словно монах в бордель?

— Я просто хотел выйти ненадолго.

— Что тебе понадобилось среди ночи на улице?

Сегодня Виктор Пасмор успел пересечь черту, за которой человек бывает уже не просто сильно пьян, а пьян еще сильнее. Это означало, что добродушное веселье уступило место угрюмой злобе.

— Я должен отнести эту книгу Саре Спенс, — он протянул книгу отцу, который посмотрел на обложку и снова перевел глаза на сына. — Она просила занести ее, как только я сделаю домашнее задание.

— Сара Спенс, — задумчиво повторил Виктор. — Вы были когда-то большими друзьями.

— Это было очень давно, папа.

— Ну что ж... иди, — Виктор оглянулся. В библиотеке работал телевизор, из динамиков которого доносились крики и пальба. — Надеюсь, ты сделал домашнее задание?

— Да.

Виктор подвигал челюстями, словно собираясь с мыслями, чтобы спросить что-то еще, и снова заглянул в библиотеку, напоминавшую пещеру, освещенную изнутри голубым светом.

— Зайди на секунду сюда, хорошо, — произнес он наконец. — Я не хотел ничего говорить тебе об этом, но...

Том последовал за отцом. Виктор подошел к столику, рядом с которым сидел, и взял с него недопитый стакан. На экране телевизора появилась улыбающаяся женщина, державшая в руках огромный флакон с жидкостью для мытья посуды. Виктор сделал несколько больших глотков из стакана, сел в кресло и стал внимательно вглядываться в телевизор.

— Несколько часов назад у меня был странный телефонный разговор. С Леймоном фон Хайлицом. Это говорит тебе о чем-то?

Том молчал.

— Я жду ответа.

— Я ничего не знаю об этом звонке.

— Как ты думаешь, чего хотел этот старый мошенник? С тех пор, как умерла мать Глории и мы переехали в этот дом, он не звонил сюда ни разу.

Том пожал плечами.

— Наверное, он хотел пригласить нас на обед.

— Насколько я знаю, Леймон фон Хайлиц никого и никогда не приглашает на обед. Он сидит весь день в своем огромном доме и меняет костюмы, прежде чем выйти в сад полоть одуванчики — я знаю, потому что сам видел это — и единственный раз он повел себя как человек, когда передал тебе в больницу книги, после того как ты попал в аварию. И то, на мой взгляд, эти книги принесли тебе больше вреда, чем пользы, — Виктор Пасмор снова поднес стакан к губам, глядя на сына поверх его кромки, словно бросая Тому вызов.

Мальчик молчал.

Виктор опустил стакан и облизал губы.

— Знаешь, как его называли раньше? Мистер Тень. Потому что он ведь не существует на самом деле. С ним что-то не так. Некоторых людей все время сопровождает дурной запах — ты знаешь, о чем я говорю. В один прекрасный день у тебя будет собственное дело, сынок. Я понимаю, для тебя это будет шоком, но придется самому зарабатывать себе на жизнь. И ты должен знать, что некоторых людей нужно стараться избегать. Леймон фон Хайлиц не работал ни одного дня в своей жизни.

— А зачем он звонил?

Виктор снова повернулся к телевизору.

— Он хотел пригласить на обед тебя. Я сказал старику, что ты сам примешь решение. Не хотелось сразу посылать его к черту. Пройдет недели две — и он забудет об этом.

— Я подумаю об этом, — сказал Том, направляясь к двери.

— Мне кажется, ты не расслышал то, что я сказал. — Я не хочу, чтобы ты имел что-то общее с этим мошенником. И твой дедушка скажет тебе то же самое.

— Думаю, мне пора идти, — сказал Том.

— Запомни, что я сказал.

На улице было темно и душно. Рядом с Томом вдруг возникла из темноты большая черная кошка Лангенхаймов по имени Коразон.

— Кори, Кори, Кори, — позвал ее Том и наклонился, чтобы погладить животное по мягкой шелковистой спинке. Том почесал ее за ухом, а Коразон подняла на него загадочные желтые глаза и пошла впереди по дорожке, гордо подняв свой пушистый хвост. Они дошли до тротуара, и кошка остановилась рядом с ним в круге яркого света. Том пошел в сторону Ан Бай Блумен, которая вела в сторону Седьмой улицы, на которой жили Спенсы. Они занимали испанскую виллу на тридцать комнат с внутренним двориком, фонтаном и часовней, которую давно превратили в небольшой кинозал. Коразон подняла голову, и в свете уличного фонаря прозрачные глаза ее показались Тому полными тайны. Она плавной походкой перешла через улицу и исчезла между домами Джейкобсов и Леймона фон Хайлица.

Том сглотнул слюну. Он посмотрел на письмо, торчащее из книги, которую он держал в руках, потом на зашторенные окна мистера фон Хайлица. Весь вечер перед ним маячил призрак бледного лица фон Хайлица, понимающе глядящего на него с заднего сиденья брошенного зеленого «седана».

Том шагнул по Ан Дай Блумен, через островки яркого света, напоминавшие по форме песочные часы, пока не оказался перед красным почтовым ящиком. Тогда он достал из книги длинный белый конверт.

Адрес, напечатанный на конверте: «Капитану Фултону Бишопу, центральное отделение полиции, отдел расследования убийств, Армори-плейс, Милл Уолк, район один», выглядел удивительно внушительным. Том просунул конверт в прорезь ящика, затем снова вынул уголок письма и, помедлив несколько секунд, решительно втолкнул его внутрь, коснувшись пальцами теплого металла. Только теперь он отпустил конверт и услышал, как он с шелестом опустился на груды писем, уже лежавших в почтовом ящике.

Тому стало вдруг не по себе. Он оглянулся и посмотрел на пересечение Ан Дай Блумен и Седьмой улицы, где стояла, почти невидимая среди ветвей растущей рядом огромной бугонвиллии, деревянная телефонная будка. Том медленно пошел вниз по улице.

Внутри будки стоял тяжелый терпкий аромат все той же бугонвиллии. Том помедлил несколько минут, проклиная себя за то, что у него никогда не хватит смелости свернуть на Седьмую улицу и позвонить в звонок дома Сары Спенс, затем снял трубку и набрал телефон справочной службы Милл Уолк. Оператор сообщил ему, что на имя Леймона фон Хайлица зарегистрировано четыре номера. Какой именно ему нужен — на Калле Ранелах, на Истерн Шор-роуд или...

— На Истерн Шор-роуд, — оборвал его Том. Он запомнил номер и быстро набрал его. В трубке дважды прогудело, а потом Тому ответил удивительно молодой голос.

— Возможно, я не туда попал, — сказал Том. — Мне хотелось бы поговорить с мистером Леймоном фон Хайлицом.

— Это ты, Том Пасмор? — спросил голос.

— Да, — сказал Том так тихо, что сам едва мог расслышать собственный голос.

— Похоже, твой отец не хочет, чтобы ты принял мое приглашение на обед. Ты звонишь из дома?

— Нет, с улицы, из автомата.

— Того, что за углом?

— Да, — прошептал Том.

— Тогда увидимся через несколько секунд, — в трубке раздались гудки.

Том повесил трубку автомата на рычаг, чувствуя, как растет его страх, и вместе с тем ощущая небывалый прилив жизненных сил.

Из закрытых бутонов бугонвиллии проникал наружу божественный запах, ящерицы и саламандры носились по траве в тени большого дома.

Том вернулся на Истерн Шор-роуд и свернул налево. Внизу за домами, ритмично разбивались о берег волны прибоя. Вслед за Томом на Истерн Шор-роуд свернул дребезжащий конный экипаж. Серая ливрея делала кучера, сидящего на козлах, почти невидимым, гнедые кони с холеными гривами и играющими под кожей мускулами, напоминали близнецов. Экипаж проехал мимо Тома Пасмора, как ни странно, почти бесшумно, словно сказочная карета из сновидения, но карета эта казалась такой реальной, словно это не она, а Том существует во сне. Экипаж свернул за угол и подъехал к апартаментам Редвингов.

За занавесками окон Леймона фон Хайлица мелькнул свет.

Поравнявшись с дверью, Том вдруг заколебался. Ему очень хотелось быстро перебежать через улицу и поскорее запереть за собой дверь собственной комнаты. На какую-то долю секунды он пожалел о том, что сделал сегодня, сидя в машине Денниса Хэндли. В этот момент он готов был сдаться и вернуться домой, предпочесть то, что он уже знает, страшной тайне того, что от него пока еще скрыто. В такие моменты многие люди поворачиваются спиной к тому, что не успели узнать: слишком велик оказывается их страх перед риском и опасностью. Они говорят тайне «нет». Том Пасмор тоже хотел сказать «нет», но вместо этого он поднял руку и постучал в дверь.

Конечно, делая это, он плохо отдавал себе отчет в том, что с ним происходит.

Дверь отворилась почти мгновенно, и на пороге возникла фигура Леймона фон Хайлица, словно ждавшего все это время, какое же решение примет Том.

— Хорошо, — сказал Леймон фон Хайлиц. Глаза их встретились, и только сейчас Том вдруг понял, что старик был почти одного с ним роста. — Очень хорошо. Добро пожаловать в мой дом, Том Пасмор.

Он отошел в сторону, и Том переступил порог.

На секунду Том застыл от изумления не в силах произнести ни слова. Он ожидал увидеть за дверью интерьер, привычный для богатых домов Истерн Шор-роуд. В просторной прихожей непременно должны были быть двери, ведущие в гостиную с диванами, столиками, креслами, возможно, роялем, за которой располагалась обычно еще одна гостиная, поменьше и обставленная не столь помпезно, для приема близких друзей. Еще одна дверь обычно вела в просторную столовую, украшенную семейными портретами (хотя люди, изображенные на этих портретах, как правило, не являлись предками хозяев дома). Сбоку должна быть небольшая дверца, ведущая в бильярдную, отделанную панелями из ореха или розового дерева. Еще одна дверь ведет в кухню. В доме допускалось также наличие библиотеки, небольшой художественной галереи и даже оранжереи. Непременным атрибутом являлась также огромная лестница, ведущая на второй этаж, к спальням и гардеробным, и еще одна, поменьше, в конце которой находились комнаты для слуг. Вся обстановка, персидские ковры, скульптуры и картины в массивных рамах, словно излучающие собственный свет, обилие драпировок, модные журналы — все это должно было создавать впечатление роскоши, на которую не поскупились потратить огромные деньги.

Дом Леймона фон Хайлица не имел ничего общего с остальными домами на Истерн Шор-роуд.

Сначала Тому показалось, что он попал на склад, приглядевшись, он понял, что перед ним некое странное сочетание мебельного магазина, кабинета и библиотеки. Прихожая отсутствовала, большую часть перегородок снесли, так что входная дверь открывалась в одну огромную комнату, в которой стояло великое множество ящичков для картотеки, несколько письменных столов, на некоторых из них валялись в беспорядке книги, на других же — ножницы,

клей и газетные вырезки. Диваны и кресла стояли почти в полном беспорядке по всей комнате и были по большей части завалены газетами. То здесь то там попадались старинные торшеры и низкие лампы, которые используют обычно в библиотеках. Одни из них горели ярко, как звезды, другие светились загадочным приглушенным светом. В дальнем конце этой удивительной комнаты, вплотную к стене, отделанной панелями из красного дерева, красовался большой обеденный стол в стиле «шератон», покрытый льняной скатертью. На столе рядом со стопкой книг стояла открытая бутылка красного бургундского. Приглядевшись, Том заметил рядом со столом стеллаж с книгами, и только тогда понял, что по крайней мере четверть комнаты заставлена книгами, которые находились в высоких деревянных стеллажах, поднимавшихся до потолка. Перед стеллажами стояли библиотечные стулья, кожаные диваны или журнальные столики с бронзовыми лампами под зелеными абажурами. Стены книг перемежались теми же деревянными панелями, что виднелись за обеденным столом. На этих узких промежутках стены висели картины. Том узнал в одной из них пейзаж Моне, а в другой — танцовщицу Дега. (Там висели также не узнанные Томом картины Боннара, Вюлларда, Поля Рэнсона, Мориса Дени и карандашный рисунок Джо Брейнарда с изображением цветов).

Куда бы ни падал его взгляд, везде Том видел что-нибудь новое. На одном из столов стоял огромный глобус на подставке, возле шкафчика с картотекой — велосипед какой-то сложной, не вполне понятной конструкции, между двух других шкафчиков качался гамак. На огромном столе в дальнем конце комнаты стояла самая впечатляющая стереосистема, которую Тому приходилось видеть. В каждом углу комнаты виднелись высокие стереоколонки.

Изумленный всем увиденным, Том повернулся к мистеру фон Хайлицу, который стоял, скрестив руки на груди, и дружелюбно улыбался, глядя на мальчика. На Леймоне фон Хайлице был голубой льняной костюм с двубортным жилетом, бледно-розовая рубашка, темно-синий шелковый галстук и бледно-голубые перчатки, застегивающиеся на запястьях. Его седые волосы, зачесанные назад, были по-прежнему густыми, но на лице появилась сеть морщинок, которых не было несколько лет назад, когда он приходил в больницу. Том подумал, что пожилой джентльмен выглядит безукоризненно и в то же время немного по-дурацки. Затем он подумал, что подобрал неверное слово — нет, Леймон фон Хайлиц вовсе не выглядел по-дурацки, весь его облик был полон скрытого достоинства. Он и не мог быть другим. Он всегда был именно таким. Он был...

Том открыл было рот, но тут же понял, что не знает, что сказать. Морщинки вокруг рта и вокруг глаз фон Хайлица стали глубже. Он улыбался.

— Кто вы? — наконец выдавил из себя Том.

Старик поднял подбородок с таким видом, словно ожидал от Тома большего.

— Я думал, что ты знаешь — после того, что видел сегодня утром, — сказал он. — Я — любитель преступлений.

Часть четвертая

Мистер Тень

11

— Конечно, это звучит немного абсурдно, — произнес Леймон фон Хайлиц несколько минут спустя. — Правильнее, пожалуй, будет назвать меня детективом-любителем, который увлекается расследованием убийств, но у меня есть кое-какие претензии к подобной формулировке. Я не могу назвать себя частным детективом, потому что давно уже не получаю деньги от клиентов. К тому же меня интересует только один вид преступлений. Глупо было бы отрицать, насколько силен этот интерес — мною владеет настоящая страсть, — но эта страсть — мое личное дело...

Том отхлебнул кока-колы, которую фон Хайлиц налил для него в бокал из такого тонкого хрусталя, что он казался почти невесомым.

Мистер фон Хайлиц сидел, слегка наклонившись вперед, на стуле возле обеденного стола. Спина его была абсолютно прямой, а в руке, затянутой в перчатку, старик вертел такой же бокал, как у Тома.

— Ты в чем-то похож на меня, — произнес он странным, дрожащим голосом. Том подумал, что у сидящего напротив человека очень добрые глаза. — Ты помнишь нашу встречу, когда ты был еще ребенком? Я не имею в виду те времена, когда гонял тебя и других мальчишек со своей лужайки, хотя по этому поводу хочу сказать тебе, что я просто не мог позволить...

— Чтобы мы заглядывали в ваши окна?

— Именно так.

— Потому что, придя домой, мы стали бы говорить о том, что увидели? А вы считали...

Фон Хайлиц ждал, пока Том закончит фразу. Но Том явно не мог найти нужные слова, и старик сделал это за него:

— Что моя репутация в этом районе и так оставляет желать лучшего?

— Что-то в этом роде, — пробормотал Том.

Мистер фон Хайлиц снова улыбнулся.

— Тебе никогда не казалось, что люди часто принимают воображение за ум. А воображение неизменно приводит... — Он вдруг запнулся и поднял бокал. — Что ж, теперь ты, по крайней мере, знаешь, почему я стал известен в округе как человек злой и брюзгливый. Но мне интересно, помнишь ли ты нашу самую первую встречу, когда я обратил внимание именно на тебя. Это было в важный для тебя день.

Том кивнул.

— Вы пришли ко мне в больницу и принесли книги, — он улыбнулся. — Про Шерлока Холмса. И «Убийства на улице Морг».

— Мы виделись и раньше, но сейчас это неважно, — прежде чем Том успел его о чем-то спросить, фон Хайлиц заговорил снова. — И, конечно, мы виделись сегодня днем. Ты ведь знаешь, кто убил мисс Хасслгард?

— Ее брат.

Мистер фон Хайлиц кивнул.

— И, конечно же, она сидела на пассажирском сиденье «корвета», когда он это сделал.

— И положил ее тело в багажник, потому что ему надо было доехать до Уизел Холлоу, — подхватил Том, — а Марита была такой крупной, что кто-нибудь мог бы увидеть труп в окно машины. Хасслгард родился в Уизел Холлоу, не так ли?

— И как ты все это вычислил?

— Мне помог «Свидетель», — ответил Том. — Я давно уже обо всем догадывался, но сегодня утром вспомнил: в одной из статей говорилось, что Хасслгард ходил в...

— Школу Зиггурата. Очень хорошо.

— А кто та женщина, которая спрятала деньги по его просьбе?

— Это была его тетушка.

— Я думаю, Хасслгард украл — растратил, как вы это называете, — эти деньги. Или получил их в качестве взятки...

— ...и Марита узнала об этом...

— Она наверняка видела, как он брал деньги, и поэтому считала, что тоже имеет на них право.

— ...и потребовала половину или какой-то процент, а брат предложил ей сесть в машину...

— Или она сама уселась на сиденье и потребовала, чтобы он отвез ее туда, где прячет деньги.

— А Хасслгард нагнулся к окошку со стороны водителя и выстрелил Марите в голову. Потом закрыл окно и прострелил его, чтобы все решили, что Марита была за рулем. А тело

положил в багажник и поехал в Уизел Холлоу. Там он бросил машину и вернулся домой. А неделю спустя пожилая женщина была убита из-за этих денег.

— И деньги конфисковало правительство Милл Уолк, так что теперь они снова попадут к Фридриху Хасслгарду, министру финансов.

— А чего вы ждали там сегодня днем? — спросил Том.

— Смотрел, кто придет к брошенному «корвету». Фридрих Хасслгард обязательно должен был появиться там, чтобы выковырять из дверцы первую пулю.

— И что бы вы сделали, если бы он пришел?

— Просто наблюдал бы за ним.

— И пошли бы после этого в полицию?

— Нет.

— И даже не написали бы туда обо всем, что видели? Фон Хайлиц склонил голову на бок и посмотрел на Тома так, что мальчик сразу почувствовал себя неуютно. Взгляд старика словно проникал в самую глубину его мозга, читая все его тайны и секреты.

— Ты написал Фултону Бишопу, не так ли? Том удивился, заметив, что старик смотрит на него с нескрываемым раздражением.

— А что? Что я сделал не так?

— Что твой отец сказал тебе обо мне? — вдруг резко спросил фон Хайлиц. — Когда сообщил, что я звонил? Ведь он наверняка не посоветовал тебе со мной общаться?

— Да... действительно не посоветовал. Сказал, что лучше вас избегать!. Сказал, что вы приносите неудачу, и еще — что раньше вас называли «Мистер Тень».

— Это из-за моего имени.

Том судорожно пытавшийся сообразить, что вдруг вызвало неудовольствие пожилого джентльмена, не понял последней фразы.

— Ты слышал о Леймоне Крэнстоне? — спросил фон Хайлиц. Том удивленно поднял брови.

— О, Боже, — вздохнул старик. — Давным-давно, почти в доисторические времена, Леймон Крэнстон был героем радиосериала под названием «Мистер Тень». Но твой отец имел в виду совсем не это, когда не советовал тебе со мной общаться. — Старик пригубил вина и снова с недовольным видом посмотрел на Тома. — Когда мне было двенадцать лет, моих родителей убили. Жестоко убили. Вернувшись из школы домой, я обнаружил их трупы. Отец лежал в своей комнате. В него выстрелили несколько раз, и там было просто море крови. Мать настигли в кухне возле задней двери. Она, очевидно пыталась убежать. Я подумал, что мать, возможно, еще жива, и перевернул ее тело. Руки мои тут же оказались в крови. Ей выстрелили в грудь и в живот. Пока я не перевернул ее тело и не увидел, что с ней сделали, я не замечал огромной лужи крови на полу.

— Убийц нашли?

— Я нашел их спустя много лет. А тогда этот дом закрыли, а я отправился жить к дяде и тете, пока полиция расследовала убийство родителей. Ты вряд ли знаешь, что мой отец был министром внутренних дел в правительстве Дэвида Редвинга сразу после того, как Милл Уолк получил независимость. Он был очень важной персоной. Не такой важной, как сам Дэвид Редвинг, но тоже очень важной. Поэтому следователи старались вовсю. Но расследование быстро зашло в тупик. Словно желая загладить неспособность найти и покарать его убийц, отца наградили посмертно Медалью доблести Милл Уолк. Она лежит у меня где-то здесь, в ящике одного из письменных столов — могу как-нибудь показать тебе. — Теперь фон Хайлиц смотрел не на Тома, а словно куда-то внутрь себя.

— Я ждал почти десять лет, — наконец произнес он. — Я унаследовал этот дом и все, что в нем было. Закончив Гарвард, я приехал сюда жить. У меня было достаточно денег, чтобы не беспокоиться о них до конца жизни. И я никак не мог решить, чем же заняться дальше. Я

мог бы открыть свое дело. Если бы я был другим человеком, я бы попробовал себя на ниве политики. В конце концов мой отец ведь был местным святым, мучеником от политики. Но у меня была другая цель, и я посвятил себя ей целиком и полностью. Я быстро обнаружил, что полиции мало что удалось выяснить по поводу убийства родителей. Тогда я решил воспользоваться единственным, чтобы было мне доступно, — газетами. Я достал полную подшивку «Свидетеля». Я досконально изучил все, что произошло в то время, — передачу собственности, сделки, связанные с землей, сообщения о прибытии теплоходов, репортажи из залов суда, некрологи. У меня было столько материала, что пришлось переделать интерьер дома, чтобы было где все это хранить. Я искал в газетах схему, которую не мог найти никто, кроме меня. И спустя три года я начал находить то, что искал. Это была самая утомительная и самая безнадежная работа из всех, что мне приходилось делать. Но она принесла мне настоящее удовлетворение. Я чувствовал, что не просто расследую убийство родителей, а спасаю собственную жизнь. Наконец внимание мое сосредоточилось на одном человеке. Это был бывший сотрудник секретной полиции, который ушел на покой, когда это ведомство было распущено. У него были дома на острове и в Чарльстоне, поэтому он часто уезжал с Милл Уолк. Человек, убивший моих родителей, выглядел вполне обыкновенно. Вполне сошел бы за дельца, заработавшего на спекуляциях собственностью столько денег, что мог позволить себе посвятить остаток жизни игре в гольф. Сначала я думал, что должен убить его, но быстро понял, что убийца из меня не получится. Я вернулся на Милл Уолк и поделился результатами своего расследования с министром национальной безопасности Гонзало Редвингом, который был когда-то другом моего отца. Неделью спустя убийца вернулся на остров, чтобы принять участие в заседании благотворительного комитета, и был арестован прямо в порту. Его судили, приговорили к смерти и вскоре повесили. — Мистер фон Хайлиц повернулся к Тому, но тот не мог разглядеть выражения его лица. — Наверное, это должно было стать для меня моментом триумфа. Я понял наконец, кто я есть. Понял, чему должен посвятить жизнь. Я был детективом-любителем — любителем преступлений. Но вскоре мой триумф обернулся моим позором. За те месяцы, что прошли между арестом и казнью, убийца, казалось, ни на секунду не раскрыл рта. Он умудрился обвинить отца в его же собственном убийстве.

— Как это? — удивленно спросил Том.

— Конечно же, он не утверждал, что отец хотел, чтобы его убили. Этот человек рассказывал, что мой отец был связан с преступной организацией, действовавшей на острове в период борьбы за независимость. Он был активным участником всех их махинаций. Они наживались на перераспределении налогов и доходов от торговли сахаром, на строительстве дорог и вывозе мусора, на водном транспорте, банках и крупных проектах, которые осуществлялись в то время. И во всех этих чудовищных злоупотреблениях участвовал мой отец. Если верить убийце, он попытался надуть членов организации, хотел уменьшить их долю в доходах, и они наняли этого человека, чтобы он убил отца. Все должно было выглядеть как попытка ограбления.

— Но кто именно его нанял?

— Он так никогда и не узнал этого. Они публиковали свои инструкции в отделе частных объявлений «Свидетеля», а деньги переводили на счет в швейцарском банке. В общем, убийца обвинял во всех смертных грехах высшие чины правительства Милл Уолк, и чем больше он говорил, тем большую ярость это вызывало — он явно пытался обвинить весь белый свет, чтобы хоть немного уменьшить собственную вину. О секретной полиции, в которой он служил, давно ходили самые нелестные отзывы, поэтому ее и распустили вскоре после предоставления независимости. После того, как опубликовали все признания убийцы, против него ополчились все — даже те, кто считал, что во всех его историях есть доля правды. Исповедь этого человека обернулась против него. Мне тоже досталось, как человеку, действия которого повлекли за собой его арест.

— Тогда почему?

— Почему я веду на склоне лет такой странный образ жизни? Почему недоволен тем, что ты написал письмо капитану Бишопу?

— Да, — кивнул Том.

— Прежде всего я хочу знать, подписал ли ты свое письмо? Том покачал головой.

— Так это была анонимка? Умный мальчик! Только не удивляйся, если полиция не примет никаких шагов. Ты знаешь то, что знаешь, и этого достаточно.

— Но ведь, получив письмо, полиция наверняка захочет повнимательнее осмотреть брошенную машину. А когда они найдут вторую пулю, то сразу поймут, что Хасслгард сказал им неправду.

— Капитан Бишоп и так знает, что он сказал неправду.

— Не может быть!

— Вскоре после казни убийцы моего отца я обнаружил, что, кроме одной небольшой детали, все, что говорил этот человек, было правдой. Убийство моего отца заказал кто-то из высших чинов правительства Милл Уолк. Коррупция стала фактом жизни нашего острова.

— Да, но это было много лет назад, — сказал Том.

— Около пятидесяти лет назад. С тех пор на Милл Уолк изменилось многое, очень многое. Но Редвинги по-прежнему имеют огромное влияние.

— Но они больше не члены правительства, — возразил Том. — Они занимаются бизнесом или просто ведут светскую жизнь. Некоторые из них способны только гонять на автомобилях и устраивать вечеринки, а другие настолько респектабельны, что вся их жизнь состоит из походов в церковь и сбора денег на благотворительность.

— Таковы наши лидеры, — сказал старик, загадочно улыбаясь. — Посмотрим, что будет дальше.

* * * Несколько минут спустя Леймон фон Хайлиц встал из-за стола и подошел к одному из ящичков с картотекой. Том услышал, как он выдвигает металлический ящичек.

— Ты был когда-нибудь на озере Игл-лейк? — крикнул мистер фон Хайлиц. Из-за стопки газет, лежавшей на шкафчике, мальчику видна была только макушка пожилого джентльмена.

— Нет, — крикнул Том в ответ на его вопрос.

— Возможно, тебя заинтересует вот это, — старик появился из-за шкафчика, держа под мышкой книгу в кожаном переплете. — У меня есть охотничий домик на Игл-лейк. Конечно же, он принадлежал еще моим родителям. Мы проводили лето «на севере», как говорят на Милл Уолк. Так было в детстве. Вернувшись из Гарварда, я тоже бывал там, — он положил книгу на стол рядом с Томом и встал, склонившись, у него за плечом. Фон Хайлиц положил указательный палец на кожаную обложку, и, подняв глаза, Том увидел, что старик улыбается. — То, как ты говоришь, как ты чувствуешь, насколько я понимаю твои чувства, ведь ты не описал и половины того, что происходит у тебя в голове, — все это напомнило мне об этом деле. Это был третий или четвертый раз, когда я использовал свой метод, чтобы установить личность убийцы, и, наверное, первый раз, когда сделал свои наблюдения достоянием общественности.

— А сколько всего дел вы расследовали? — неожиданно заинтересовался Том.

Фон Хайлиц положил руку ему на плечо.

— Я давно потерял и счет. Думаю, более двухсот.

— Двухсот! И сколько же из них вы раскрыли? Старик не стал прямо отвечать на этот вопрос.

— Когда-то я провел очень интересный год в Новом Орлеане, расследуя серию отравлений среди преуспевающих бизнесменов. В результате меня тоже отравили, но я принял меры предосторожности и успел принять необходимую дозу противоядия, — фон Хайлиц чуть было не рассмеялся, взглянув на выражение лица Тома. — Правда, противоядие, к сожалению, не спасло меня от недельного пребывания в больнице.

— Вы пострадали всего один раз? — спросил Том.

— Однажды в меня стреляли — попали в плечо. Четыре раза приходилось стрелять мне. В штате Мэн здоровенный громила сломал мне руку, когда я фотографировал «мерседес-бенц», спрятанный в сарае за его домом. Еще двое мужчин бросались на меня с ножами — один в нескольких кварталах от того места, где мы виделись с тобой сегодня днем, другой в отеле под названием «Коссад Киз» в Бейкерсфилде, штат Калифорния. Однажды меня здорово избил человек, прыгнувший мне на спину в одной из узеньких улочек близ Армори-плейс, рядом с отделением полиции. А в городе Форт Уорт, Техас, один сенатор, убивший около дюжины проституток, чуть не угробил меня, ударив по затылку молотком. Он проломил мне череп, но я успел выписаться из больницы и прийти посмотреть на его казнь.

Фон Хайлиц потрепал Тома по плечу.

— Иногда бывает грустно обо всем этом вспоминать.

— А вы убивали кого-нибудь.

— Я убил одного-единственного человека — того, который сломал мне руку. Это было в сорок первом году. В конце любого расследования меня обычно одолевает депрессия, но в тот раз было хуже всего. Я вернулся на Милл Уолк с загипсованной рукой и месяца два отказывался отвечать на телефонные звонки и выходить из дому. Я почти ничего не ел. Это было что-то вроде нервного срыва. В конце концов я сам отправился в психиатрическую клинику и провел там еще два месяца. «Почему вы всегда носите перчатки? — спросил меня доктор. — Неужели этот мир кажется вам настолько грязным?» Я, помню сказал ему: «Я и сам такой же грязный, как этот мир. Может, это я не хочу загрязнять его своими прикосновениями». Однажды я поймал в зеркале свой взгляд и был поражен тем, что увидел, — передо мной было лицо взрослого человека, которым я успел стать незаметно для самого себя. Скоро депрессия потихоньку отпустила меня, и я вернулся сюда. А потом постепенно стал отказываться от дел, которые требовали выезда на континент. Через какое-то время скандал, связанный с убийцей моего отца, забылся, и я стал жить спокойно. Старик снял руку с плеча Тома и потянул к себе спинку его стула, чтобы заглянуть мальчику в лицо. — Несколько лет назад я увидел тебя в весьма неожиданном месте. И сразу понял, что когда-нибудь мы встретимся и между нами состоится такой вот разговор.

Фон Хайлиц быстро обошел вокруг стола и сел на свое место.

— Я хотел показать тебе первые страницы этой книги, а вместо этого заболтался над самым твоим ухом, — сказал он. — Посмотри же, что там внутри, пока ты не заснул совсем.

Но Тому меньше всего хотелось сейчас спать. Он молча смотрел на сидящего напротив Леймона фон Хайлица, рука которого, затянутая в перчатку, медленно открывала кожаный переплет. Старик выглядел осунувшимся, черты его лица казались при мягком свете ламп как никогда благородными, седые волосы отливали серебром. Том вдруг осознал наконец в полной мере, что перед ним — вовсе не тень, а реальная личность. В нескольких ярдах от него сидел немного высокомерный, слегка поблекший и ставший ниже ростом в результате прожитых лет, великий детектив, человек, фигура которого стоит за тысячами романов, кинофильмов и театральных пьес. Он не выращивает орхидеи, не впрыскивает себе семипроцентный раствор кокаина, не произносит фразы типа: «Властители Афин!». Это просто старик, который редко выходит из дома. И всю жизнь Тома он жил в доме напротив.

Книга, лежавшая на столе, представляла собой более элегантную версию его альбома с газетными вырезками. Том прочел на странице слева огромный заголовок: «Исчезла из дома». Ниже следовал подзаголовок, набранный шрифтом поменьше: «Джанин Тилман, постоянно проживающую на Милл Уолк, последний раз видели в пятницу». Ниже следовала фотография эффектной блондинки в меховой шубе, выходящей из экипажа, запряженного четверкой лошадей. Волосы ее были зачесаны назад, а шею украшало бриллиантовое ожерелье. Женщина казалась богатой и холеной, она явно позировала для фотографии — широкая улыбка выгля-

дела неестественно. Том сразу понял, что Джанин Тилман сняли в момент прибытия на благотворительный бал. Она напоминала его мать на старых снимках, сделанных в те времена, когда та была еще Глорией Апшоу, активным членом молодежной организации Милл Уолк. Том посмотрел на дату — семнадцатое июня двадцать пятого года.

— В тот год я приехал на Игл-лейк шестнадцатого июня, — сказал Леймон фон Хайлиц. — Джанин Тилман была первой женой отца нашего соседа, Артура Тилмана. Она исчезла в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое. Артур обнаружил отсутствие жены, когда заглянул утром в ее спальню. Он послал людей по соседям, чтобы выяснить, не заезжала ли Джанин вечером к кому-нибудь из них, и узнал, что никого не видел ее с обеда у Лангенхаймов, который они давали за день до этого. Артур прождал жену весь день шестнадцатого июня, а потом сел на лошадь и поскакал в полицию ближайшего городка. Обрати внимание. Поначалу газетные статьи ничем не отличаются от обычной шумихи вокруг богатой женщины. Про эту молодую пару давно ходили слухи, что они спят в разных спальнях. — Фон Хайлиц ткнул пальцем в следующую страницу. — Вот это напечатали в тот день, когда я приехал. Артур Тилман сидел у меня на крыльце, а рядом лежал его любимый сеттер. Он знал, что я должен приехать, и сказал слугам, что сам выйдет прогуляться с собакой. Артур был человеком грубым и невоспитанным. Я еще не успел вылезти из экипажа, а он уже объявил мне, что я просто обязан помочь ему найти жену. — Заголовок следующей статьи гласил: «Происшествие выглядит все более таинственным». — Сказал, что прежде чем вернуться на Милл Уолк, я должен заехать в их дом в Майами, и вообще мне не следовало никому сообщать о своем приезде. Он считает полицейских Игл-лейк не компетентными, но не хочет, чтобы все знали о том, что он меня нанял. «Вы ведь мистер Тень, — Артур старался изо всех сил говорить потише — обычно он почти кричал на собеседника. — Вот я и хочу, чтобы вы, черт побери, вели себя как настоящая тень. Быстро найдите ее и сообщите об этом мне. Я хочу, чтобы вся эта шумиха поскорее затихла». Он заплатит столько, сколько потребуется. Затем Артур удивил меня — ему вдруг пришло в голову извиниться за то, что он лишает меня отпуска. Я сказал, что мне не нужны его деньги и я никуда не уеду с Игл-лейк, но готов посмотреть, чем могу быть полезен на месте. Артура не очень обрадовал такой ответ, но он не стал особо возражать. Мне сразу показалось, что он почти уверен: Джанин находится где-то рядом. В любом случае он успел уже пожалеть, что поднял панику, обратившись в полицию. Из-за всех этих продажных писак он не может высунуть носа из своего охотничьего домика — не стоило даже мечтать о том, чтобы появиться в клубе, а он уже устал оттого, что может говорить теперь только с собственными слугами и местным констеблем.

Том поглядел на фотографию Артура Тилмана, стоящего рядом с собственным домом, роскошным строением с двухъярусной лестницей. Это был дородный мужчина агрессивного вида в твидовом пиджаке и высоких сапогах, заляпанных грязью. В его суровом одутловатом лице едва-едва угадывались черты сына, который был теперь соседом Пасморов.

— Два дня спустя Кэтлин Даффилд, девушка из Атланты, которую готовили в жены Джонатану, кузену Ральфа Редвинга, ловила рыбу в северной, болотистой части Игл-лейк и зацепилась за что-то крючком. Джонатан хотел обрезать леску и перебраться в более интересное место — никто никогда не рыбачил в северной части озера. Но тамошний пейзаж казался Кейт более живописным. В общем, девушка продолжала тянуть, и в конце концов Джонатану пришлось спрыгнуть в воду, чтобы доказать своей невесте, что она пытается выловить всего-навсего затонувшую рыбацью лодку. Он проследил за леской под водой и обнаружил, что конец ее теряется среди водорослей. Рядом Джонатан обнаружил тук из ткани, напоминающей старую занавеску. Он нырнул, чтобы рассмотреть его повнимательнее и, немного развернув ткань, обнаружил в ней тело Джанин Тилман.

Фон Хайлиц перевернул страницу, и Тому бросились в глаза следующие два заголовка: «Тело Джанин Тилман найдено в озере. Местный житель арестован по обвинению в убийстве».

На фотографии были изображены трое полицейских в высоких сапогах и широких кожаных ремнях, стоящие на пирсе на фоне задней части охотничьего домика Тилманов. На втором снимке — что-то бесформенное, прикрытое белой простыней, а на третьем — человек с совиными глазами шел по освещенному вспышками коридору в сопровождении полицейских.

«Так вот как выглядит Игл-лейк», — подумал Том. Он вдруг представил себе, как Сара Спенс плывет по гладкой поверхности воды с распущенными волосами и блестящими глазами. Потом он вдруг понял, что уже видел все это раньше, тогда, давно, еще до аварии — даже контуры букв, которыми был набран заголовок, казались ему знакомыми.

— Человек, которого арестовали, Майнор Трухарт, был наполовину индейцем и работал проводником. Он прикармливал рыбу и разыскивал места, где водились крупные окуни, для некоторых жителей охотничьих домиков, в том числе для Тилманов. Трухарт жил в хижине с женой и детьми. Обычно он бывал трезвым только до полудня, а затем, выпив, становился или очень забавным или совершенно несносным, но его все равно нанимали каждое лето — это стало как бы традицией. Он немного повздорил с Джанин Тилман за день до ее исчезновения — от Трухарта пахло виски, и миссис Тилман прогнала его, но он стал доказывать, что его состояние не отразится на работе, и тогда Джанин вышла из себя. Дело происходило на пирсе Тилманов, и все соседи слышали, как она орала на проводника. Наконец он сдался и побрел прочь. Трухарт утверждал, что не помнит, что делал остаток дня. Он проснулся в пять часов утра где-то в лесу, страдая от чудовищного запоя. Полицейские обыскали его хижину и нашли под кроватью длинноствольный «кольт», который послали на экспертизу.

— Это был револьвер Трухарта? — спросил Том.

— Трухарт сказал, что у него есть оружие, но этот револьвер ему не принадлежит. Однако, он узнал его — некоторое время назад Трухарт продал этот револьвер судье Бейкеру, пожилому вдовцу, который каждое лето приезжал на Игл-лейк на две недели. Он увлекался стрельбой по мишеням. Жена Трухарта сказала, что через их дом прошло много оружия. Ее муж перепродавал пистолеты, и даже искал редкие экземпляры по просьбе коллекционеров. Но она не смогла опознать найденный револьвер. Том задумался, потом спросил:

— А она не смогла вспомнить имена клиентов, которым Трухарт поставлял оружие?

Леймон фон Хайлиц наклонился в кресле и одобрительно улыбнулся.

— Боюсь, этот человек был не из тех мужей, которые все рассказывают своим женам. Но я, конечно же, задумался над тем, что могло случиться с револьвером судьи Бейкера, особенно после того, как узнал, что судья отрицает факт покупки оружия. Если бы доказали, что он незаконно приобрел револьвер, Бейкер лишился бы своего места. Я много думал о том, могли ли местный проводник, разозлившись на поведение жены одного из клиентов, застрелить ее и сбросить труп в озеро.

— И что вы сделали дальше?

— Я поговорил с судьей Бейкером и его камердинером, Уэнделлом Хазеком, пареньком с западной части Милл Уолк. Поговорил с людьми в клубе. Потом пошел в редакцию «Игл-ривер газетт» и просмотрел подшивки за последние несколько месяцев. Я также имел беседу с местным шерифом, который знал мое имя из газет. И еще раз побеседовал с Артуром Тилманом.

— Тилман и был убийцей, — задумчиво произнес Том. — Он украл у судьи револьвер, застрелил жену, сбросил ее труп в озеро в том месте, где почти никто не бывал, а потом прокрался в хижину проводника и спрятал орудие убийства под кровать. Наверное, он содрал с окна одну из занавесок и завернул в нее труп.

— Представь теперь, в какой ситуации я оказался, — продолжал старик, не обращая внимания на слова Тома. — Прошел год с момента казни убийцы моих родителей. За несколько месяцев до этого я раскрыл, практически не прилагая усилий, одно небольшое дело — просто подметил любопытную деталь, связанную с обувью, которую носил один из участников событий в день убийства. Это добавило мне славы, но в то же время заставило почувствовать себя

унылым и опустошенным. Я приехал на Игл-лейк, чтобы забыть обо всем остальном мире и попытаться решить для себя, чему я хотел бы посвятить остаток жизни. И тут я встречаю на пороге собственного дома довольно неприятного джентльмена с огромным псом, и он бросает мне в лицо информацию о новом убийстве и хочет купить мое время и внимание, то есть, фактически купить меня. «Вы мистер Тень, не так ли?» Мне сразу же захотелось на самом деле стать тенью, чтобы прокрасться мимо Тилмана и закрыть дверь перед его босом. Я так устал, что пообещал ему заняться этим делом, просто чтобы он скорее оставил меня в покое. Я был почти уверен, что жена сбежала от него. Выспавшись как следует, я решил не иметь ничего общего ни с кем из Тилманов. Просто не обращать внимания на эту историю.

— А потом было найдено тело, — вставил Том.

— И арестовали проводника. Артур Тилман тут же объявил, что не нуждается больше в моих услугах и не хочет, чтобы я продолжал расспрашивать соседей. Он особенно расстроился, когда узнал, что я разговаривал с Уэнделлом Хазеком, камердинером судьи Бейкера.

— Я же сказал, — радостно воскликнул Том. — Тилман хотел от вас избавиться. Он боялся того, что вы можете обнаружить.

— В общем, да. Помнишь, я сказал, что Тилман считал, что его жена находится где-нибудь поблизости?

— Конечно. Тилман знал, что она лежит на дне озера, завернутая в старую занавеску.

Фон Хайлиц улыбнулся и закашлялся.

— Возможно, — сказал он, отдышавшись. — По крайней мере это очень умное предположение.

Тому было очень приятно, что его похвалили.

— Вспомни о том, что Тилман считал меня частным детективом, но, в общем, человеком своего круга. Он не хотел признаваться постороннему человеку, что жена, возможно, сбежала от него. А когда ее труп обнаружили в озере, он перестал волноваться по поводу огласки, и теперь мне не от чего было его спасать. И он, конечно же, не хотел, чтобы мое расследование привело к еще более скандальным слухам и сплетням.

— При чем здесь слухи и сплетни? — удивился Том. — Ведь это он убил ее.

— Я уже просил тебя подумать, в какой ситуации я оказался, а теперь хочу, чтобы ты представил себе мое душевное состояние. Как только было найдено тело, все вокруг начало казаться мне совсем другим. Можно сказать, что я стал более восприимчивым, более заинтересованным, или что Игл-лейк стало более интересным. Но дело не только в этом. Озеро стало казаться мне более красивым.

— А как вам удалось заставить его сознаться? — Тому не терпелось услышать конец истории.

— Слушай меня. Разгадка — вовсе не главное в моем рассказе. Я описываю изменения, которые произошли в глубине моей души. Когда я прогуливался возле своего охотничьего домика и смотрел на озеро и другие дома, разбросанные по его берегам, на пирсы, на поленницы, сложенные во дворе поместья Редвингов, на высокие норвежские сосны и кряжистые огромные дубы, все это казалось каким-то... словно бы заряженным неведомой силой. Каждая частичка окружающей природы разговаривала со мной. Каждый листик, каждая сосновая иголка, каждая тропинка в лесу, птичий крик — все было живым, трепещущим, полным значения. Природа обещала мне что-то, звала к гармонии. Я знал больше, чем знал. За всем, что я видел, существовал другой, скрытый смысл.

— Да, — сказал Том, с удивлением глядя на свои руки, покрывшиеся вдруг гусиной кожей.

— Да, — повторил за ним мистер фон Хайлиц. — С тобой это тоже бывало. Я не знаю, как это назвать — обретением способности видеть по-другому? Зовом свыше?

Том неожиданно понял, почему Леймон фон Хайлиц всю жизнь носил перчатки, и чуть было не сказал об этом вслух.

Старик увидел, что Том смотрит на его руки, и сложил их перед собой на столе.

— Я прискакал на лошади к дому судьи Бейкера и увидел во дворе Уэнделла Хазека, который возился со стареньким «купе» судьи. Хазеку было тогда не больше восемнадцати лет, и он виновато посмотрел на меня, как только я спрыгнул с лошади. Парень не хотел терять работу и очень боялся, что я вытяну из него лишнюю информацию.

— И что же вы сделали? — Том не мог больше заставить себя посмотреть на руки фон Хайлица — он видел на них кровь его родителей, в которой испачкался много лет назад маленький мальчик, ставший теперь стариком с эксцентричными манерами.

— Я сказал Хазеку, что уже знаю о том, что Трухарт продал его боссу длинноствольный револьвер, а потом судья дал его зачем-то Артуру Тилману. Мне просто надо было узнать, по какой причине он это сделал. Я обещал ему — хотя и не вполне искренне, — что никогда не предаю огласке информацию о незаконной покупке оружия судьей Бейкером. «Никто не узнает, что судья замешан в этом деле?» — спросил Хазек. «Никто», — сказал я. «Судья хотел избавиться от этого „кольта“. Его мушка была сбита, и пуля уходила влево. Бейкер просто выходил из себя, когда думал о том, что какой-то полукровка получил хорошие деньги за плохую пушку. Поэтому он продал револьвер мистеру Тилману, который стрелял так плохо, что не заметил дефекта».

— Вот здорово! — воскликнул Том. — Так вы поймали его! — Он рассмеялся. — Артур Тилман стрелял так плохо, что ему пришлось подкрасться к жене сзади и держать револьвер на расстоянии двух дюймов от ее затылка, чтобы не сомневаться, что пуля попадет в цель.

Старик улыбнулся.

— Артур Тилман не убивал свою жену, но настоящий убийца был бы вполне доволен, если бы я подумал именно так. Убийца знал, что у Артура существует прекрасный повод для убийства жены. Джанин не просто была неверна мужу, ее любовник считал, что она готова бросить Артура и жить с ним. И сам Артур думал, что она оставила его — убежала с другим мужчиной.

Второй раз за вечер Том был удивлен настолько, что почти лишился дара речи.

— Это и были те неприятности, которых боялся Тилман? — произнес он наконец.

Фон Хайлиц кивнул.

— Все, что мне оставалось сделать, — это узнать, кто из мужчин, отдыхавших в то время на Игл-лейк, отлучался из дому в тот день, когда исчезла Джанин. Я отправился в хижину Трухарта, чтобы узнать, не отменял ли кто-нибудь назначенной на тот день прогулки. Если бы это не сработало, пришлось бы опросить еще нескольких проводников. Но этого не потребовалось. Жена Майнора убиралась в охотничьих домиках почти всех клиентов своего мужа. Шестнадцатого июня она должна была работать в двух домах. Миссис Трухарт подошла к первому домику в восемь утра, но хозяин не открыл ей дверь. Женщина подумала, что он отсыпается после бурной ночи, и прошла через лес ко второму дому, где должна была убираться. В два она закончила работу и вернулась к первому домику. И снова никто не отозвался на ее стук и не вышел на ее крики. Тогда она решила, что хозяин уехал в город или по делам, не потрудившись предупредить ее об этом. Она нацарапала в записке, что придет на следующий день, и спокойно пошла домой. Когда миссис Трухарт пришла туда семнадцатого утром, хозяин открыл ей дверь и извинился. Вчера ему пришлось неожиданно уехать в Харли, городок в двадцати милях к югу. Он встал пораньше, чтобы успеть на поезд в шесть тридцать, и вернулся только вечером. Он заплатил женщине двойную плату за уборку и попросил никому не рассказывать о его неожиданном отъезде — он ездил договориться по делу о продаже недвижимости, которое предпочел бы сохранить пока в тайне.

— Но если этот человек собирался сбежать с Джанин Тилман, а вместо этого убил ее, то почему он сам уехал в тот день?

— Он никуда не уезжал. Хотя Артур Тилман решил, что это именно так. Миссис Трухарт, убираясь, нашла в мусорном ведре две пустые бутылки из-под виски, третья, отпитая наполовину, стояла на кухонном столе, во всех пепельницах было полно окурков. Этот человек заперся в собственном доме и напился до состояния полной невменяемости. К тому же он велел миссис Трухарт держаться подальше от комнаты для гостей, и она подумала, что там наверняка имеются следы пребывания женщины, и хозяин не хочет, чтобы она их видела. Он был сентиментальным человеком. Застрелив любовницу в затылок после того, как она отказалась с ним убежать, он оплакивал ее весь следующий день. Сентиментальность довольно часто становится маской для жестокости.

— Но кто это был? Как его имя?

— Антон Гетц.

Том был немного разочарован.

— Я никогда не слышал этого имени, — сказал он.

— Я знаю. Он был очень интересным человеком — немец, приехавший на Милл Уолк лет за пятнадцать до описанных событий и сумел нажить состояние. Он купил отель «Сент Алвин», потом вложил деньги в земли на западе Милл Уолк. Никогда не был женат. Безукоризненные манеры. Интересные истории из собственной жизни — большинство из них, на мой взгляд, были выдуманы. Гетц построил на углу Седьмой улицы огромный дом в испанском стиле — там живут сейчас Спенсы. Этот дом с его помпезной роскошью лучше всего отражал характер Гетца, — старик заглянул Тому в лицо и добавил: — Возможно, тебе все это кажется красивым. Это действительно красиво в своем роде. К тому же теперь мы привыкли к этому дому.

— У вас были какие-нибудь улики против Гетца?

— Да, конечно. Рано или поздно его бы все равно поймали, потому что весной, вскоре после того, как завязался их роман с Джанин Тилман, Гетц решил обновить интерьер охотничьего домика. Старые шторы были сложены в одном из строений во дворе дома. Пока Джанин не отказалась убежать с ним, Гетц мечтал о том, что она разведется и выйдет за него замуж, а затем они вместе вернутся на Милл Уолк. Джанин поддерживала его фантазии, но никогда не принимала их всерьез.

— Но откуда вы узнали, что у них был роман? Только потому что уборщица на застала Гетца дома наутро после исчезновения Джанин?

— Не только. Прошлым лето я зашел однажды вечером в клуб и на лестнице, ведущей в бар, чуть не столкнулся с Джанин. Она ничего не сказала, просто проскользнула мимо меня со смущенной улыбкой. Зайдя в бар, я увидел Гетца, сидящего за столиком перед двумя бокалами вина и полной пепельницей окурков. Он сказал, что случайно встретил в баре Джанин Тилман, и тогда я принял его историю за чистую монету. Но в то лето я ни разу не видел, чтобы эти двое разговаривали друг с другом, встречаясь на людях. Они вообще старались не сталкиваться. Я не придавал бы этому значения, если бы не тот вечер в баре, когда они явно провели несколько часов в обществе друг друга. Поэтому мне пришло в голову, что эти двое лезут из кожи вон, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Фон Хайлиц встал и начал ходить взад-вперед вдоль стола.

— На следующий день после того, как я разговаривал с миссис Трухарт, была намечена вечеринка в «Игл-лейк клуб». Конечно, ее отменили, но многие все равно собрались в клубе, чтобы обсудить последние события и выпить по бокалу вина. Скорее от нечего делать, чем по какой-либо другой причине. Я пришел в клуб часов в шесть. Мною все еще владело чувство, которое я только что попытался тебе описать — все кругом было полно таинственного, необъяснимого смысла. Но когда я поднялся наверх и увидел на террасе Антона Гетца, чувство это тут же сменила глубокая грусть. Несколько дней Гетц заказывал пищу в домик, избегая

появляться на людях. Сейчас он сидел за столиком с Максвеллом Редвингом, сыном Дэвида, и одним из его кузенов. Максвелл был в то время патриархом клана Редвингов — это ему мы обязаны уходом их многочисленного семейства с политической арены. Он чем-то напоминал твоего дедушку. Честно говоря, я не был уверен, к кому относится моя грусть — к Гетцу, который лихорадочно старался выглядеть как ни в чем не бывало, или к самому себе — ведь история подходила к концу. Я подошел к стойке, заказал выпивку и смотрел на Гетца до тех пор, пока он не поднял голову и не встретился со мной взглядом. Я кивнул, и Гетц тут же отвел глаза. Я продолжал смотреть на него, и мне казалось, что я вижу перед собой всю его жизнь. Все чувства, владевшие мною в последние дни, замкнулись на этом несчастном человеке, который пытался поддержать беседу с Максвеллом Редвингом. Гетц снова поднял глаза, увидел меня и сделал большой глоток из бокала.

Наконец он извинился, встал из-за столика, подошел ко мне и встал рядом. Его буквально трясло от страха и волнения. Гетц ждал, что я ему скажу. Когда он вынул из пачки сигарету, я поднес ему зажигалку. Затянувшись, Гетц отступил на шаг назад и спросил:

— За кем вы охотитесь?

— За вами, — ответил я. — У вас в любом случае нет шансов: рано или поздно кто-нибудь задумается о происхождении занавески, в которую завернули труп. Они быстро выяснят, что вас не было в то утро среди пассажиров поезда на Харли. И наверняка найдется кто-нибудь, кто видел вас с Джанин. Потом обыщут вашу лодку и найдут там ворсинки от занавески или пятна крови, или несколько волосков Джанин. Кровь бросилась Гетцу в лицо. Он оглянулся и посмотрел на веранду, на болтающих друг с другом Редвингов. Потом резко выпрямился и спросил, что я намерен делать дальше. Я сказал, что собираюсь отвезти его в город и сделать так, чтобы Майнора Трухарта выпустили из тюрьмы. «Вы действительно тот самый мистер Тень?» — спросил он, а затем прошептал, повернувшись спиной к веранде и нагнувшись к самому моему уху: «Дайте мне всего одну ночь. Я обещаю, что не стану пытаться убежать. Просто хочу провести последнюю ночь на Игл-лейк». Ты ведь помнишь, он был очень сентиментален. И я решил подарить ему эти несколько часов, оставшихся до заката.

— Но почему? Почему вы это сделали?

— Возможно, это звучит странно, но я хотел дать ему время подумать о некоторых вещах, пока он был еще свободным человеком. О том, что сделал Гетц, знали только он и я, и это все меняло для нас обоих. До заката оставалось не больше двух часов, я собирался следить за домом Гетца на случай, если он все-таки решит убежать. Итак, я согласился. Покинув клуб, я быстро пришел к себе домой, спустился к пирсу, отвязал лодку и поплыл на другую сторону озера. Я решил, что мой небольшой подвесной мотор позволит мне добраться до места до возвращения Гетца. Но когда я был на середине озера, кто-то выстрелил в меня.

Том открыл рот от удивления. Он представил себе, как сидит в лодке посреди озера, а Антон Гетц стреляет в него.

— Пуля упала в воду примерно в футах от лодки. Проклиная себя за то, что позволил Гетцу разгуливать на свободе, я лег на дно лодки. Одежда моя тут же стала мокрой. Через несколько секунд раздался еще один выстрел. На этот раз пуля пробила борт лодки и пролетела в дюйме от моих волос. Я свернулся калачиком на дне лодки, не решаясь даже поднять голову. Лодка двигалась по кругу. Наконец я решился сесть и быстро направил лодку к причалу Гетца, стараясь оставаться в лежащем положении. Я заглушил мотор и выскочил из лодки, которая была уже примерно на четверть полна воды. Как только я вылез, она тут же начала тонуть. Я побежал к дому, чувствуя себя полным идиотом — Гетц не только чуть не убил меня, он наверняка успел убежать. Мне придется признаться в своей ошибке и убедить полицию начать его поиски. Но пока я доберусь до телефона, Гетц будет уже примерно в двадцати милях от дома.

Но Гетц никуда не убегал. Дверь его дома была открыта. Я вбежал внутрь и тут же упал на пол, ожидая нового выстрела. Тут я услышал, как что-то капает на деревянный пол. Подняв глаза, я увидел Гетца. Он висел на тонкой леске, привязанной к деревянной балке потолка, которая почти отрезала ему голову.

— Но ведь он мог убить вас! — воскликнул Том.

— Самое смешное, что ему не пришлось даже красть «кольт» у Артура Тилмана. Оружие лежало на столике в саду недалеко от пирса Тилманов в ту ночь, когда Гетц узнал, что Джанин не хочет убегать с ним. Когда она сказала, что не собирается уходить от мужа, он взял револьвер со столика и выстрелил ей в затылок. На следующий день Гетцу пришлось в голову, что можно свалить вину на Майнора Трухарта, и после того, как миссис Трухарт ушла от порога его дома к другим клиентам, он, смертельно пьяный, пробрался в хижину проводника и бросил револьвер под кровать. Артур Тилман относился небрежно ко всему — начиная с оружия и кончая собственной женой.

— Но кто же тогда стрелял в вас? Ведь это мог быть только Гетц.

Мистер фон Хайлиц улыбнулся, затем сложил руки на затылке и зевнул.

— Примерно в сорока ярдах от жилища Тилманов находился домик твоего дедушки, и примерно на том же расстоянии в другую сторону — граница владений Редвингов. Прошел всего год с тех пор, как я помог арестовать убийцу своих родителей и он дал показания о коррупции на Милл Уолк. Конечно, это мог быть и Гетц. Он мог выстрелить в меня, бросить ружье в воду, а затем повеситься. Но Гетц был очень хорошим стрелком — он убил Джанин из неисправного оружия с расстояния тридцати футов.

Фон Хайлиц перевернул страницу альбома с вырезками.

«Загадка обернулась трагедией» — гласил заголовок следующей статьи в «Игл-лейк газетт». Две небольшие статьи по колонке каждая были озаглавлены: «проводник Трухарт вернулся к рыдающей жене и детям» и «Мистер Тень снова наносит удар». В середине страницы красовалась фотография удивительно красивого мужчины с ясными глазами и маленькими темными усиками. Под фотографией было напечатано: «Убийца Антон Гетц признается во всем частному сыщику за несколько минут до ужасного самоубийства». Рядом была другая фотография, поменьше, с которой смотрел на читателей стройный молодой человек в пиджаке со складками и клетчатой рубашке с расстегнутым воротом. Судя по выражению его лица, он явно предпочел бы, чтобы фотограф направил свой аппарат на другой объект. «Двадцатипятилетний детектив-любитель Леймон фон Хайлиц, известный также как „мистер Тень“, не стремится к популярности». Том смотрел на фотографию молодого человека, которым был когда-то его сосед, и ему снова казалось, что он уже видел все эти снимки и читал эти слова. Загадка. Обернулась. Трагедией. Слова эти были как-то связаны с образом его вечно несчастной матери.

Молодой Леймон фон Хайлиц носил короткую стрижку, хотя и не такую короткую, как было модно в школе Брукс-Лоувуд в конце пятидесятых, и у него были такие же высокие скулы и породистое лицо с ястребиным носом, как у сидящего напротив Тома старика. Лицо мужчины на фотографии казалось напряженным, он был словно живой сейсмограф — человек, чья повышенная чувствительность делала обычную повседневную жизнь почти невыносимой.

Том посмотрел на лицо пожилого джентльмена, дружелюбно глядящего на него поверх альбома, и вдруг почувствовал, что получил сегодня ключ к разгадке собственной жизни — увидел какой-то тайный знак, хотя и не успел понять его значения.

— Если хочешь, я разрешу тебе забрать это с собой, — сказал фон Хайлиц. — Мы провели вместе уже довольно много времени, и ты любезно выслушал поток моих воспоминаний о событиях далекого прошлого. В следующий раз говорить будешь ты.

Он захлопнул старый альбом и обеими руками протянул его Тому.

Они прошли через комнату к выходу. Тому очень хотелось задать фон Хайлицу еще один вопрос.

Старик отпер дверь, и Том с удивлением увидел снаружи знаковые дома Истерн Шор-роуд. История Джанин Тилман и Антона Гетца так захватила его, что он почти ожидал увидеть за дверью норвежские сосны и высокие дубы, воды озера и тропинки между домами с балконами и верандами.

— Знаете что, — Том вдруг понял, что констатирует факт, а вовсе не задает вопрос. — Сомневаюсь, что сериал «Мистер Тень» появился в двадцать пятом году. Готов поспорить, что эту программу называли в вашу честь.

Леймон фон Хайлиц, улыбнувшись, закрыл дверь. Том поглядел на часы. Было уже почти одиннадцать. Он медленно пересек темную улицу и пошел в сторону дома.

12

Не понимая, что с этого дня начался новый период его жизни, Том Пасмор пролежал до часу ночи, листая альбом, переплетенный в толстую кожу. На каждой странице было по нескольку вырезок из самых разных газет, издававшихся в Новом Орлеане, Калифорнии, Чикаго, Сиэтле. Это были статьи об убийствах выдающихся деятелей, дешевых проституток, игроков, бездомных бродяг. Среди статей попадались время от времени телеграммы, адресованные Леймону фон Хайлицу, Истерн Шор-роуд, Милл Уолк.

«Хочу воспользоваться вашими услугами в деле чрезвычайной деликатности и огромной важности».

«Моего мужа подозревают несправедливо. Умоляю вас о помощи. Вы — наша последняя надежда».

«Если вы действительно так хороши, как о вас говорят, приезжайте немедленно».

Том рассматривал фотографии своего соседа в газетах из Луизианы, Техаса и Мэна — на этих последних рука фон Хайлица была в гипсе, а изможденное лицо выглядело белым, как мел. Снимок совершенно не гармонировал с полным триумфа заголовком: «Знаменитый сыщик разоблачает и убивает Убийцу из красного сарая!»

В каждой статье был описан триумф фон Хайлица — «Мистер Тень преуспевает там, где бессильна полиция», «Фон Хайлиц открывает старую тайну и находит убийцу», «Город дает банкет в честь победы мистера Тени». На этой фотографии молодой Леймон фон Хайлиц, как всегда безукоризненно одетый и немного высокомерный, глядел прямо перед собой с загадочной улыбкой, стоя у стола с запеченными свиными тушами и искрящимся в бокалах шампанским, вокруг которого собралось около ста человек. Мистер Тень старался избегать фотографов, но это не всегда ему удавалось. На всех фотографиях он выглядел так, словно в него целится целый взвод солдат. Фон Хайлиц арестовал или помог поймать Придорожного душителя, Сумасшедшего с Дип-ривер, Розу Шарона, Ужас с шоссе номер восемь. Отравитель Гудзонской равнины оказался молодым фармацевтом поэтичного вида, который испытывал сложные чувства в отношении шести молодых девушек, каждой из которых предлагал выйти за него замуж. Веселая вдова, похоронившая четверых здоровых мужей в результате несчастных случаев, была полной некрасивой женщиной лет шестидесяти, в которой не было ничего примечательного, кроме разве что цвета глаз — один был карий, другой голубой. Гинеколог с Парк-авеню по имени Латер Нелсон, оказался убийцей, писавшим в «Нью-Йорк Таймс» письма за подписью «Внук Джека-потрошителя». Монстром с автостоянки из Кливленда, штат Огайо, оказался Горацио М. Фетерстоун, управляющий региональным отделением фирмы, выпускающей поздравительные открытки, и отец девяти дочерей. И во всех случаях Леймон фон Хайлиц — «известный детектив-любитель, постоянно проживающий на острове Милл Уолк» «оказал местной полиции неоценимую помощь» или «помог собрать доказательства» или «с помощью безукоризненных логических построений вывел теорию, позволившую докопаться до истинного смысла цепи ужасных преступлений». — Другими словами, взял на себя работу полиции.

Том листал страницу за страницей, читая о разных делах фон Хайлица. Мистер Тень работал почти непрерывно в конце двадцатых и в тридцатые годы. В некоторых статьях о нем

говорилось как о «прототипе самого знаменитого детектива из радиопостановки — мистера Тень».

Фон Хайлиц проводил свои исследования в гостиничных номерах, библиотеках и агентствах печати. Последняя фотография детектива, встречающаяся в альбоме, была помещена под статьей из «Сент-Луис пост диспэтч», озаглавленной так: «Известный сыщик работает в библиотеках, а не на улицах». С фотографии смотрел человек с седеющими волосами, сидящий за столом, заваленном стопками газет, книгами и коробками с бумагой. Если не считать перчаток на руках, элегантного костюма и высокомерного выражения лица, он напоминал утомленного работой школьного учителя.

Мистер Тень спешно покинул Сент-Луис, после того как раскрыл убийство пивовара и его жены, отказавшись давать интервью. («После триумфа дедуктивного метода эксцентричный сыщик исчезает из города»). Дальше шло несколько вырезок, в которых почти не упоминалось имя фон Хайлица.

В Боулдере, штат Колорадо, он раскрыл убийство известного писателя. Убийцей оказался литературный агент, взбешенный тем, что один из его самых выгодных клиентов решил впредь пользоваться услугами нью-йоркской фирмы. Полиция Боулдера сделала заявление, в котором благодарила за помощь «готового к сотрудничеству детектива-любителя». Не стоило особого труда догадаться, кто был этот сыщик-любитель, так же как и «анонимный помощник», помогавший полиции после того, как знаменитый киноактер был найден застреленным в спальне собственного дома в Лос-Анджелесе, а так же и «некое частное лицо», появившееся в Албани, штат Джорджия, и давшее несколько советов следователям по делу об убийстве целой семьи в городском парке.

В сорок пятом году «опытный детектив-любитель, предпочитающий сохранить свое имя в тайне», дал полиции Коксвилля сведения, необходимые для ареста почетного стипендиата местного университета по обвинению в убийстве троих однокурсников.

После сорок пятого года все вырезки носили один и тот же характер. Фон Хайлиц отказывался от приглашений к сотрудничеству как частных лиц, так и полиции. Вместо этого он отыскивал в газетах дела, которые его интересовали, и расследовал их на расстоянии. На телеграммах и письмах с мольбами о помощи — «Дорогой мистер фон Хайлиц, у меня есть основания полагать, что я тоже немного детектив, поскольку мне удалось обнаружить ваше убежище на острове...» — стояли пометки «ответа не будет». Если же у фон Хайлица вызывало интерес то или иное дело, как это было в случаях с Ужасом долины Фокс-ривер, Зверем с Ловерз-лейн и Татуированным убийцей, он писал письмо с просьбой выслать подшивку местных газет, а закончив расследование, писал письмо в полицию. «Некто за пределами штата живет нашими проблемами, — писал Остин Бир, шеф полиции из Гранд фокс, штат Небраска, после ареста пожилой женщины, убившей двух детей, ходивших в детский сад напротив ее дома. — Однажды мы получили письмо, в котором излагался новый взгляд на хорошо известные факты. Автор письма знал о нас все — он поднял дела многолетней давности об операциях с недвижимостью и выяснил, что миссис Рупперт имела претензии к семьям убитых детишек. Письмо направило следствие по новому пути. Должен сказать, что помощь незнакомого друга заставила меня поверить в существование добрых самаритян». Остин Бир упоминал также, что письмо было подписано инициалами Л.Ф.Х., которые никому ни о чем не говорили. Прошло двадцать лет с момента, когда деятельность фон Хайлица достигла пика-славы, и для миллионов американцев имя легендарного «мистера Тени» было Леймон Крэнстон, а не Леймон фон Хайлиц.

Перевернув несколько страниц, Том заметил, что статьи о раскрытых делах исчезли вовсе. Это немного смутило Тома. Альбом, который он листал, в общем, описывал путь мистера Тени от известности и славы к полной анонимности. Но на последних страницах не было даже намека на какие-либо дела. Вырезки на этих страницах были посвящены Милл

Уолк, и источником их была в основном газета «Свидетель», но ни в одном из них не описывали никаких явных преступлений. Сначала Тому казалось, что вырезки подобраны безо всякой системы или, может быть, в поисках какой-то тайной связи, такой же призрачной, как его нынешнее существование.

Даже хронология была нарушена — некоторые из статей на последних страницах снова вернули Тома в двадцатые годы. Там были вырезки, рассказывающие об окончании строительства больницы Шейди-Маунт, «медицинского учреждения, способного соперничать с любой клиникой мира», как гордо именовал ее Максвелл Редвинг, первый председатель больничного совета. На фотографии наиболее уважаемые граждане Милл Уолк были засняты перед дверью больницы. Среди членов первого совета попечителей Том узнал два знакомых лица — доктор Бонавентуре Милтон во фраке, полосатом саржевом жилете и черном галстуке чем-то напоминал премьер-министра, Том отметил про себя, что двойной подбородок начал появляться у него еще в те годы. Между полным, низеньким Максвеллом Редвингом и безмерно довольным собой доктором Милтоном гордо возвышалась фигура дедушки Тома.

При виде его Том испытал смешанное чувство уважения и страха, почти ужаса, которое всегда вызывал у него Гленденнинг Апшоу. Лицо Глена, смотревшее на него с фотографии, было полно решимости расправиться с каждым, кто посмеет усомниться, что больница Шейди-Маунт — самое совершенное медицинское учреждение на свете. На фотографии дедушке было лет тридцать — значит, он только основал компанию «Милл Уолк констракшн» — и его огромное тело выглядело еще более сильны, чем на старых фотографиях в коридорах школы Брукс-Лоувуд, где Глен Апшоу был заснят в бытность первым учеником школы и капитаном футбольной команды. «Здесь есть все, чтобы удовлетворить потребность жителей острова в медицине», — хвастливо заявляла статья, хотя на самом деле новая больница была построена в основном для жителей восточной части острова. Врачи Шейди-Маунт оставляли менее значительных больных на попечение менее совершенного лечебного учреждения, Сент-Мэри Нивз, находящегося в западной части острова. Гленденнинг Апшоу стоял в ряду других попечителей в черном костюме — он начал одеваться во все черное задолго до рождения Тома, после смерти своей жены. Огромная ладонь его левой руки покоилась на львиной голове, украшавшей ручку его зонта. В правой руке мистер Апшоу держал черную широкополую шляпу.

Любой другой человек, неизменно одевавшийся во все черное, повязывавший черный галстук и опирающийся на черный зонтик, наверняка был бы похож на священника, и незнакомые люди на улице называли бы его «святой отец». Но Гленденнинг Апшоу никогда и никому не напоминал священника. Вид его наводил скорее на мысль о банковском хранилище или уродливом общественном здании. Вокруг него всегда была аура светскости, больших денег, шикарных номеров в первоклассных отелях, кают первого класса на океанских лайнерах, зверского аппетита, который он удовлетворял за закрытыми дверями. Рядом с ним другие мужчины, изображенные на фотографии, казались какими-то маленькими.

Том перевернул страницу.

Дальше в альбоме царил полный хаос. Объявления о прибытии теплоходов, светские приемы, некрологи — в одном из них сообщалось о смерти судьи Бейкера. Том удивленно смотрел на это имя, пока не вспомнил, что так звали человека, продавшего Артуру Тилману длинноствольный «кольт», из которого застрелили Джанин Тилман. Заседания правительства, выборы, продвижения по службе, объявления о помолвках и бракосочетаниях. Компания «Милл Уолк констракшн» построила на Майами больницу на пятьсот койко-мест. Там были фотографии родителей Тома — Виктора Пасмора и Глории Росс Апшоу, а также десятков других обитателей восточных районов острова их возраста и положения. Приемы в саду, приемы на лужайках, рождественские приемы, новогодние вечеринки, балы в кантри-клубе.

Том обнаружил еще одну фотографию, которую ему уже доводилось видеть раньше. Его мать, которой едва исполнилось к тому моменту двадцать лет, в красивом платье, вылезала из

экипажа который привез ее в клуб основателей на благотворительный бал. Фотография Джанин Тилман напомнила ему именно этот снимок. И на той, и на другой красивая белокурая женщина выходила из экипажа. Улыбка Глории Пасмор была такой же неестественной, как и у Джанин Тилман, но она была на пятнадцать лет моложе, не так увешана драгоценностями и вид у нее был не такой холеный. Тому вдруг пришло в голову, что даже тогда, в молодости, еще будучи здоровой, мать его все равно была уязвимой и беззащитной. Том разглядел на фотографии Гленденнинга Апшоу, который склонился, подавая дочери руку. В черном фраке он сливался с фоном и был почти незаметен.

Леймон фон Хайлиц собирал вырезки о самых тривиальных событиях в жизни Милл Уолк в надежде, что рано или поздно это поможет ему найти отгадку. День за днем он плел свои сети и ждал, притаившись, словно паук. Последние десять страниц большого альбома были просто коллекцией разрозненных фактов.

Том перебирал вырезки, отыскивая знакомые имена. Семья Максвелла Редвинга поехала в Африку на сафари. Все вернулись целыми и невредимыми. Сын Максвелла, Ральф, объявил, что, так же как и его отец, лишен политических амбиций и собирается употребить свою энергию «в сфере частного бизнеса, где столь многое требует его внимания». При этом он утверждал, что деятельность его всегда будет направлена «на улучшение качества жизни нашего благословенного острова».

Компания «Редвинг холдинг» купила поместье судьи Бейкера под названием «Пальмы», находящееся в районе Милл Ки, которое было теперь слишком близко к разрастающимся кварталам бедноты, чтобы считаться фешенебельным. Здание переоборудовали изнутри и снаружи, а затем продали семейству Форшеймеров, которые использовали его под шикарный отель.

Максвелл Редвинг ушел с поста президента «Редвинг холдинг» и назначил своим преемником сына Ральфа. Человек по имени Уэнделл Хазек, служивший ночным охранником в «Милл Уолк констракшн» был ранен при попытке ограбления и удалился на покой с сохранением жалования на всю оставшуюся жизнь. Том долго пытался вспомнить, где уже слышал имя этого человека, и наконец вспомнил, что Уэнделл Хазек был шофером и дворецким судьи Бейкера, который рассказал фон Хайлицу о продаже револьвера.

Два дня спустя грабители были застрелены полицейскими, но похищенные деньги — а их было около трехсот тысяч долларов — так и не нашли.

В следующей статье говорилось о том, что фирма «Милл Уолк констракшн» объявила о застройке районов к западу от Бухты Вязов.

Продав свою компанию «Милл Уолк констракшн», Артур Тилман умер через два дня во сне, в окружении родных и близких, а также в присутствии доктора Бонавентуре Милтона.

Судья Бейкер, Уэнделл Хазек, Максвелл Редвинг и Артур Тилман — Том понял наконец, в чем дело. Фон Хайлиц отслеживал дальнейшую жизнь тех, кто был как-то связан с убийством Джанин Тилман. Это дело было важно для фон Хайлица не меньше, чем разгадка смерти родителей. Том вспомнил то, что случилось двадцать лет назад, и ему вдруг показалось, что это он прохаживается в окрестностях Игл-лейк в поисках улики. Неудивительно, что фон Хайлицу так хотелось доследовать это дело.

Том разделся, погасил свет и лег, решив про себя, что обязательно расспросит дедушку о Леймоне фон Хайлице и вообще о прежних днях Милл Уолк. Каким бы странным это ни казалось, но мистер Тень и его дедушка росли когда-то вместе.

Часть пятая

Клуб основателей

13

Внутренняя корреспонденция Милл Уолк обычно прибывала к адресату в тот же день, если письмо опустили утром, и на следующий день, если вечером. Том сказал себе, что в тот день, когда капитан Бишоп получит письмо, полиция уже не успеет ничего предпринять, и,

возможно, пройдет около недели, прежде чем они сделают что-нибудь или опубликуют информацию об истинной картине убийства Мариты Хасслгард. К тому же была суббота, а значит, письмо попадет на стол капитана Бишоп не раньше понедельника. Ведь в выходные они наверняка не разбирают почту. И даже в понедельник его послание, возможно, пролежит полдня у секретаря, пока его отнесут в кабинет следователя. А может быть и так, что Бишоп вообще не работает по субботам или проглядывает почту, поступившую на его имя, только по вечерам.

— Знаешь, что я думаю, — сказал Виктор Пасмор. — Да проснись же, я с тобой разговариваю!

Том вздрогнул от неожиданности. Отец, сидевший напротив за обеденным столом, внимательно смотрел на него. Том даже не слышал, как он вошел в кухню. Теперь он пристально следил за сыном, рассеянно ковырявшим вилкой яичницу, которую он сам себе поджарил. Как у многих сильно пьющих людей, у Виктора почти не бывало запоев, вот и сейчас взгляд его казался вполне осмысленным, и Том прочел в глазах отца заботу и внимание, которые тот не слишком часто демонстрировал.

— Хорошо провел время вчера вечером? С дочкой Спенсов? — поинтересовался отец.

— Очень хорошо, — быстро ответил Том.

Виктор подвинул себе стул и сел.

— Спенсы — хорошие люди. Очень хорошие.

Том попытался вспомнить, видел ли он в альбоме фон Хайлица вырезки, касавшиеся родителей Сары. Пожалуй, нет. Тут он вспомнил еще одну вещь и, не успев подумать, стоит ли это делать, спросил:

— Ты знаешь что-нибудь о человеке, который построил их дом? Виктора, казалось, немного смутил вопрос сына.

— О человеке, который построил дом Спенсов? — переспросил он. — По-моему, не стоит тратить время на рассказы о всякой ерунде.

— Но ты ведь помнишь его?

— Боже мой, ты что, решил стать археологом? — Виктор сумел справиться с волнением и продолжал более спокойным голосом: — Кажется, это был какой-то немец. Это было еще до того, как я здесь появился. Он хотел обставить тут всех и каждого, и ему это удалось. Этот парень был проходимцем высшего класса. Он попал в беду, отдыхая на севере, и больше его никто никогда не видел.

— А почему ты сказал, что не стоит тратить времени на рассказы о нем?

Виктор наклонился вперед. Раздражение боролось в нем с соблазном порассуждать на умные темы.

— Ну хорошо, — сказал он. — Если Ты хочешь знать, я расскажу тебе. Что ты видишь, когда смотришь на дом, который он построил? Ты видишь доллары и центы. Горы долларов и центов. Билл Спенс начинал бухгалтером в фирме твоего дедушки, потом он удачно вложил свои сбережения и в результате достиг того положения, которое занимает сейчас. Так что сегодня уже не имеет значения, кто именно построил его дом.

— Так ты ничего не знаешь об этом человеке?

— Да ты не слушаешь меня! — завопил Виктор. — Все это тесно связано с тем, что я хочу сказать. Ты уже думал о том, чем собираешься заниматься после Тулейна?

— Пока что нет, — ответил Том. Он не любил разговаривать на эту тему. Давно было решено, что, закончив школу, он поступит в колледж, в котором учился его дед. Но о том, что будет дальше, он пока старался не задумываться.

— Так вот, послушай, что я тебе скажу, — продолжал Виктор. — Мой тебе совет — подумай о том, чтобы открыть собственное дело. Начни с нуля, сам по себе, и ты станешь когда-нибудь хозяином собственной жизни. Не застревай на острове, как это сделал я. — Виктор

сделал паузу и посмотрел на свои руки, лежащие на столе. Голос его звучал теперь гораздо мягче, чем в начале разговора. — Твой дед изъявил желание помочь тебе основать дело.

— На континенте, — сказал Том.

Заглядывая в будущее, он всякий раз чувствовал внутри устрашающую пустоту. Отец его, казалось, давал советы совсем другому человеку, способному понять, какие возможности сулит открытие собственного дела.

— Твое будущее не здесь, — продолжал Виктор. — Ты можешь начать новую жизнь.

Он смотрел на сына так, словно сказал далеко не все, что мог.

— А как начинал ты? — спросил его Том.

— Мне помог Глен, — Виктор произнес эту фразу неприязненным тоном, означавшим, что разговор закончен, и, повернувшись, посмотрел в окно. Снаружи, посреди залитого солнечным светом двора, качались пурпурные цветы бугонвиллии, слишком тяжелые для своих стебельков. — Точно так же, как он платил за медицинское обслуживание, когда ты был болен — после аварии. Еще он оплачивал преподавателей, ходивших к тебе на дом, и все такое прочее. Ты должен быть благодарен старику.

Том не мог бы сказать, к кому обращена последняя фраза Виктора Пасмора — к сыну или к нему самому. Благодарность казалась ему делом тяжелым и неприятным, вроде долгового обязательства, по которому никогда не сможешь расплатиться. Виктор отвернулся от окна, и Том заметил, что щеки его покрывала щетина — в выходные отец обычно не брился.

— Я пытаюсь поговорить с тобой серьезно, — сказал Виктор. — Уберечь от ошибок. Как ты думаешь, для выпивки еще слишком рано?

Отец Тома поднял густые брови и скорчил гримасу, опустив вниз уголки рта. При мысли о выпивке у него явно поднялось настроение.

— Подумай о том, что я сказал, сынок. Не надо... — Виктор встал и решительной походкой направился к бару. — Что-нибудь помягче, я думаю, можно, — бормотал он, обращаясь уже не к Тому.

* * * Том провел весь следующий день бродя по дому. Он не мог усидеть на месте больше получаса. Он прочел несколько страниц какого-то романа, но буквы расплывались у него перед глазами, и в мозгу все время всплывала одна и та же картина: полицейский в форме кладет его письмо перед Фултоном Бишопом, тот смотрит на него и медленно берет в руки... или не замечает, не обращает внимания.

Том вместе с книгой переместился в гостиную. С другой стороны лестницы, из комнаты отца, как всегда упавшего в кресло перед телевизором, слышались крики болельщиков — сегодня играли «Янки». Том посмотрел на окна дома фон Хайлица. Интересно, его отец когда-нибудь советовал ему задуматься об открытии собственного дела? Том вскочил на ноги, дважды обошел гостиную. Скорее бы кончился бейсбол — тогда он сможет наконец переключить телевизор на местный канал и послушать выпуск новостей. Конечно, там ничего не скажут — как всегда, будут говорить о продаже церковных просвирок, счете местных спортивных состязаний, о строительстве новой автостоянки, оборудованной по последнему слову техники. Том поднялся в свою комнату, опустился на колени и заглянул под кровать. Оплетенный кожей альбом был там, где он его оставил. Он услышал, как хлопнула дверь спальни родителей, и быстро выпрямился, чувствуя себя немного виноватым. Глория стала спускаться по лестнице. Том пошел за ней.

Он нашел мать в кухне. Глория смотрела с несчастным видом на кучу тарелок в раковине и пустые банки из-под пива, оставленные Виктором на столе. Глория успела уложить волосы, на ней была ночная рубашка и пеньюар того же персикового цвета — компромисс между одеждой и нижним бельем.

— Я помою, мам, — сказал Том, вдруг подумав, что, несмотря на все сложности и загадки их жизни, родители иногда кажутся ему маленькими детьми, о которых он должен позаботиться.

Глория смотрела прямо перед собой, словно не зная, что ей делать дальше. Она неуверенно подошла к столу.

— С тобой все в порядке? — спросил Том.

— Да, — голос Глории был таким же невыразительным, как ее лицо.

Том подошел к раковине и включил горячую воду. Глория подошла за его спиной к плите и поставила чайник. Том слышал, как она гремит чашками, открывает коробку с чаем. Ему казалось, что Глория двигается очень медленно, наблюдая одновременно за тем, как Том возится с грязными тарелками. Он слышал, как мать налила в чашку кипятка и со вздохом опустила на стул. Не в силах больше выносить напряженную тишину, он сказал:

— Вчера мистер Хэндли пригласил меня после школы к себе домой, чтобы показать мне редкие книги. Но я думаю, на самом деле он хотел поговорить со мной.

Глория издала какой-то невнятный звук.

— Я подумал, что это ты попросила его. Из-за моего альбома. — Он отвернулся от раковины. Глория сидела над дымящейся чашкой, опустив голову, волосы закрывали ее лицо подобно ширме. — Тебе не о чем беспокоиться, мам.

— И где он живет? — вопрос явно казался Глории скучным, и она задала его, только чтобы заполнить паузу в разговоре.

— Около Парка Гете, но мы не доехали до его дома.

Глория подняла с глаз волосы и вопросительно посмотрела на сына.

— Мне стало нехорошо — затошнило, — объяснил Том. — Не мог ехать дальше. И мистер Хэндли отвез меня домой.

— Так ты был на Калле Бурле.

Том кивнул.

— Ведь это там ты попал в аварию. Наверное, ты понимаешь... неприятные воспоминания.

Том вздрогнул и чуть не выронил тарелку. Мать смотрела на него с выражением хмурого удовлетворения на лице.

— Не думай, что такие вещи проходят бесследно. Не проходят — уж я-то знаю.

Глория снова вздохнула, и Тому показалось, что она немного дрожит. Она схватилась за чашку обеими руками и опустила голову, так что волосы снова упали ей на лицо. Том по-прежнему не мог перевести дыхание. Он был потрясен словами матери. Перед глазами вдруг всплыл образ старухи, орущей ему: «Уличный мальчишка!» Том знал, что действительно видел эту женщину в день аварии. Тогда мир открылся перед ним и позволил заглянуть в свои сокровенные глубины, но лишь затем, чтобы снова закрыться. Он видел тогда далеко внизу эту самую старуху, гневно размахивающую кулаками.

Прежде чем Том понял, что Глория плачет, он успел вновь ощутить острый и волнующий отдаленный аромат того дня. И тут он заметил, что плечи матери вздрагивают.

Том подошел к ней, на ходу вытирая пальцы о брюки. Глория плакала почти бесшумно, и, когда Том подошел к ней, она поднесла к глазам платок и приказала себе успокоиться.

Том колебался: ему очень хотелось обнять мать, но он не был уверен, что Глория позволит прикоснуться к себе. Наконец он нежно опустил руку ей на шею.

— Я так страдала, когда это случилось, — всхлипывала Глория. — Ты обвинял в этом меня?

— Тебя? — Том подвинул стул и уселся рядом с матерью. По телу его прошла дрожь, когда он подумал, что мать впервые в жизни разговаривает с ним, как с равным.

— Я всегда была не очень хорошей матерью. — Глория вытерла глаза и посмотрела на Тома — взгляд ее был полон такого смысла и такого отчаяния, что мальчику на секунду показалось, будто он видит перед собой другую женщину, ту, которую видел очень редко: когда его мать действительно присутствовала в своей телесной оболочке, которая видела его, потому что способна была видеть то, что происходит вокруг.

— Я никогда не хотела, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — сказала Глория. — Но не смогла защитить тебя, и тебя чуть не убили. — Она сжала платок в кулаке.

— В этом вовсе не было твоей вины, — заверил ее Том. — И вообще, это ведь было очень давно.

— Думаешь, это меняет дело? — Теперь Глория говорила немного раздраженно. Том почувствовал, что взгляд ее больше не фокусируется на нем — та, другая женщина, медленно угасала уступая место обычной Глории. Она попыталась сконцентрировать внимание. — Я помню, когда ты был маленьким, — Глория улыбнулась Тому самой настоящей улыбкой. Руки ее больше не дрожали. — Ты был такой хорошенький, что я могла растрогаться до слез, глядя на твое личико. Я все время смотрела на тебя, никак не могла оторваться, иногда мне казалось, что я прямо таю, глядя на тебя. Ты был само совершенство — ведь ты был моим ребенком. — Глория, словно стесняясь, коснулась руки Тома, но тут же быстро отдернула пальцы. — Быть твоей матерью казалось таким счастьем! У Тома было такое выражение лица, что Глории пришлось отвернуться и сделать глоток чая, чтобы снова овладеть собой.

— О, мама, — хрипло произнес он.

— Не забывай того, что я сказала, — попросила Глория. — Потому что это — правда. Мне очень не нравится быть такой, какая я есть.

Том наклонился к матери — сейчас ему было просто необходимо, чтобы она обняла его или хотя бы коснулась. Но тело ее казалось жестким и негибким, почти что злым, хотя Том знал, что сейчас она вовсе не злится.

— Мама?

Глория повернулась к сыну, и Том увидел ее напряженное лицо. К губам ее прилипла прядка волос. Она немного напоминала оракула, и Том замер, понимая, что сейчас мать скажет что-то очень важное.

Глория часто заморгала.

Хочешь знать кое-что еще? — спросила она.

Том молча смотрел на мать.

— Я очень рада, что ты не девочка, — сказала Глория. — Если бы у меня была дочь, я бы наверняка вырастила из нее маленькую сучку.

Том так резко вскочил на ноги, что чуть не опрокинул стул. Через несколько секунд его уже не было в комнате.

* * * День близился к концу. Глория Пасмор провела большую часть времени в своей спальне, слушая любимые пластинки — Бенни Гудмана, Каунта Бейзи, Дюка Элингтона, Гленроя Брейкстоуна, «Таргетс». Она лежала на кровати с закрытыми глазами и курила одну сигарету за другой. Виктор Пасмор отошел от телевизора только один раз — чтобы сходить в ванную. Выйдя оттуда в четыре тридцать, он снова уселся в свое любимое кресло с откидывающейся спинкой и задремал, похрапывая, под аккомпанемент очередного бейсбольного матча. Том уселся на соседнее кресло и в течение получаса наблюдал, как люди, которых он совсем не знал, с зверским выражением лица пытаются изменить счет в пользу своей команды. Интересно, что делает сейчас Сара Спенс? И чем занят фон Хайлиц за зашторенными окнами своего странного дома?

В пять часов Том встал с кресла, чтобы переключить телевизор на программу местных новостей. Виктор рассеянно заморгал, поднес к губам стакан с желтоватой жидкостью, стоящий рядом с креслом, и спросил:

— А как же бейсбол?

— Давай посмотрим новости.

Виктор сделал глоток теплого виски с содовой, поморщился и снова закрыл глаза.

Заиграла громкая музыка, потом передали рекламу фирмы «Дипдейл истейтс», призывающую покупать коттеджи на озере Дипдейл, которое было «тем же Игл-лейк, только гораздо ближе и доступнее по цене».

Отец Тома снова тихо захрапел.

Мужчина с коротко стриженными белокурыми волосами и в очках с толстой оправой улыбнулся в объектив камеры и произнес:

— Приоткрыта завеса тайны над самым зверским убийством, которое помнят жители Милл Уолк, — смертью Мариты Хасслгард, единственной сестры министра финансов Фридриха Хасслгарда, имя которого также фигурирует в сегодняшних новостях.

— Хей! — Том выпрямился и буквально впился глазами в телевизор.

— Капитан полиции Фултон Бишоп сообщил сегодня, что анонимный источник снабдил полицию ценной информацией, ведущей к разгадке личности убийцы Мариты Хасслгард. Капитан Бишоп сообщил нашему корреспонденту, что предполагаемым убийцей является некий Фоксвелл Эдвардс, рецидивист, освобожденный из Лонг-Бей за день до убийства. — На экране появилась фотографии угрюмого широколицего человека с темными выющимися волосами.

— Хей! — снова произнес Том, но на сей раз уже совершенно другим тоном.

— Что там такое? — пробормотал Виктор Пасмор.

— ...неоднократно судился за кражи со взломом, хулиганство и мелкие кражи. Последний раз Эдвардс был осужден за вооруженное ограбление. Предполагается, что он прячется в районе Уизел Холлоу. Полиция начала поиски. Водителям автомобилей и владельцам экипажей рекомендуется пользоваться для объезда Бигхэм-роуд, вплоть до поступления новых сведений. Все мы надеемся, что преступник будет пойман в ближайшее время, — диктор опустил глаза, перевернул страницу лежащего перед ним текста и снова посмотрел в камеру. — По сведениям информированных источников, убитый горем министр финансов Фридрих Хасслгард находится сейчас в штормовом море у западной оконечности острова. Около трех часов, узнав о том, что полиции удалось установить личность убийцы его сестры, министр сел на собственное судно под названием «Судьба Могром», чтобы обогнуть остров. Предполагают, что его настиг ураган, разбушевавшийся над районом Девилз-Пул. Радиосвязь с судном была нарушена вскоре после начала урагана, — диктор снова опустил глаза. — Через несколько секунд — обзор ситуации на дорогах, прогноз погоды Теда Везерхеда и новости спорта с Джо Раддлером.

— Вот и хорошо, — сказал Виктор. — Они добрались до него.

— Кто до кого добрался? — не понял Том.

Виктор начал поднимать спинку кресла.

— Ну того подонка, который пристрелил Мариту Хасслгард. А ты думал кого? Пора мне подумать об обеде — твоя мама не очень хорошо себя чувствует сегодня.

— А что ты думаешь о Хасслгарде?

— А чего о нем думать? Выскочки-туземцы вроде этого типа могут плавать где угодно, в любой шторм. Я помню, когда Хасслгард был зеленым юнцом, он мог проскочить на своей лодке в игольное ушко.

— Так ты знал его?

Если можно так выразиться. Он был одной из находок твоего дедушки. Глен вытащил его из Уизел Холлоу и помог начать карьеру. Давно, когда фирма застраивала западную часть острова, Глен помог таким образом нескольким туземным парнишкам, которые показались ему умными и способными, — они получили образование и нашли приличную работу.

Том проводил взглядом отца, направляющегося в кухню, затем повернулся к телевизору. Экран заполнила краснолицая физиономия Джо Раддлера.

— Здорово, болельщики! — агрессивность была визитной карточкой Джо. — Вот и весь спорт! — пророкотал он после пятиминутного сообщения. — Больше у меня ничего нет! И не просите напрасно! Раддлер прощается с вами до десяти часов! Продолжайте играть в свои игры!

Том переключил на другую программу.

— Продолжайте играть в свои игры! — повторил из кухни Виктор Пасмор. Он очень любил Джо Раддлера. Джо Раддлер был настоящим мужчиной. — У нас тут есть антрекоты, которые надо скушать, пока они не испортились. Ты хочешь антрекот?

Том был не голоден, но тем не менее сказал:

— Конечно.

Виктор вышел из кухни, вытирая руки о штаны.

— Слушай, а ты не приготовишь их? Просто положи в духовку. Там есть салат и еще всякая всячина — порежь все это. А я пойду проведаю твою маму. Может, ей надо приготовить коктейль или еще что-нибудь.

Спустя полчаса, когда Том накрывал на стол, Виктор спустился по лестнице, ведя под руку Глорию. В шелковом пеньюаре, с Распущенными волосами, она напоминала призрака с красными глазами. Она села перед тарелкой с антрекотом, отрезала от него кусочек не толще игровой карты и стала ковырять его вилкой.

Том спросил ее, все ли с ней в порядке.

— Завтра вечером мы идем в гости, так что увидишь — с ней все будет в порядке. Правда, Глор?

— Оставьте меня в покое, — произнесла мать. — Вы прекратите когда-нибудь приставать ко мне? — Она снова отрезала тоненький кусочек мяса и понесла вилку ко рту, но тут же снова уронила на тарелку.

— Может, вызвать доктора Милтона? — предложил Виктор. — Пусть даст тебе что-нибудь.

— Мне ничего не надо, — едва сдерживаясь, ответила Глория, — Кроме того... чтобы... меня... оставили... в покое. Почему бы тебе не позвать моего отца. Ведь он всегда решает все твои проблемы.

Они молча доели мясо. Глория с упреком посмотрела на сына. Глаза ее казались опухшими.

— Дедушка поможет и тебе. Ты можешь обосноваться, где захочешь.

— А почему никто не хочет, чтобы я остался на Милл Уолк? — Том вдруг понял, что его родители уже решили про себя принять предложение Гленденнинга Апшоу.

— А разве ты не хочешь уехать с Милл Уолк? — сердито спросила Глория. — Вот твой отец до сих пор мечтает оказаться подальше отсюда. Спроси его!

— Кажется, ты не голодна сегодня, — сказал Виктор. — Позволь мне проводить тебя наверх. Тебе надо отдохнуть перед завтрашним обедом у Лангенхаймов.

— Какая дрянь! Опять сальные шутки и липкие взгляды!

— Я позвоню доктору Милтону, — решительно произнес Виктор.

Глория качнулась на стуле, голова ее упала на грудь. Виктор быстро встал, подошел к стулу и, продев руки под мышки Глории, попытался поднять ее. Та сопротивлялась несколько секунд, а потом оттолкнула его руки и встала сама.

Виктор взял ее за руку и вывел из столовой. Как только за ними закрылась дверь спальни, Глория начала кричать. Том прошелся взад-вперед по столовой, отнес тарелки в кухню, сложил в целлофановые мешочки и положил в холодильник недоеденные антрекоты. Вымыл тарелки. Том вышел в прихожую и несколько секунд прислушивался к крикам матери, которые вдруг

показались ему заученными, вовсе не связанными с настоящим гневом или болью. Он подошел к входной двери и, опустив голову, прислонился к ней лбом.

Примерно через полчаса перед домом остановился экипаж. Зазвенел звонок, и Том вышел из гостиной, чтобы открыть дверь доктору Милтону.

Виктор стоял на нижней ступеньке лестницы. На груди его красовалось пятно от красного вина, напоминавшее очертаниями штат Флорида. Доктор Милтон, по-прежнему носивший пиджак и полосатые штаны, точно такие, в каких был изображен на фотографии в альбоме Леймона фон Хайлица, улыбнулся Тому и стал подниматься по лестнице.

— Сейчас ей лучше? — спросил он.

— Кажется, да, — ответил Виктор.

Круглая физиономия доктора повернулась в сторону Тома.

— Твоя мама немного перевозбудилась, — сказал он. — Но волноваться не о чем. — Он посмотрел на Тома с таким видом, словно хотел потрепать его по волосам. — Завтра она будет совсем другой.

Том пробормотал в ответ что-то невразумительное, и доктор, крепко сжимая в руках черный чемоданчик, стал подниматься вслед за Виктором Пасмором вверх по лестнице.

К десяти часам Том почувствовал себя так, словно находится в доме один. Доктор уехал несколько часов назад. Том включил телевизор, чтобы послушать вечерние новости, и присел на ручку кресла.

— Драматическая развязка погони за убийцей Мариты Хасслгард, — провещал на весь Милл Уолк благонадежного вида диктор в тяжелых очках. — Исчезновение министра финансов вызывает тревогу. Слушайте подробности через несколько минут.

Том опустил на сиденье и поднял спинку кресла. Он героически переждал несколько рекламных объявлений.

Потом стали показывать цветные съемки охоты за Фоксвеллом Эдвардсом. Вся полиция Милл Уолк, вооруженная автоматическими винтовками и одетая в пуленепробиваемые жилеты, стреляла из машин и полицейских фургонов по знакомому деревянному домику в Уизел Холлоу.

— Захват Фоксвелла Эдвардса, предполагаемого убийцы Мариты Хасслгард, закончился сегодня вечером после того, как пришлось обстрелять один из домов на Могром-стрит. Были ранены двое полицейских — Майкл Менденхолл и Роман Клинк. Было вызвано подкрепление, и капитан Фултон Бишоп общался с преступником с помощью мегафона. Эдвардс решил оказать сопротивление и был убит в перестрелке. Раненые полицейские находятся в критическом состоянии.

Окна маленького домика разбились под выстрелами полиции, от деревянных стен летели во все стороны щепки. Дыры в стенах напоминали открытые раны. От разбитой двери поднимался дымок. Постепенно пламя охватило крышу, затем обрушилась одна сторона домика.

На экране снова появился диктор.

— Министр финансов Фридрих Хасслгард, об исчезновении которого мы уже сообщали в дневном выпуске, час назад был официально объявлен в розыск. Его судно было доставлено в гавань сотрудниками морской патрульной службы, обнаружившими его в открытом море. Предполагают, что министра смыло за борт. Поиски продолжаются, но у патрульных почти нет надежды, что министру удалось выжить, — диктор опустил глаза, изображая скорбь, затем поднял их и продолжал уже совсем другим тоном. — После перерыва — прогноз погоды и последние новости спорта с Джо Раддлером. Оставайтесь с нами.

Том выключил телевизор, взял телефонную трубку и набрал номер дома напротив. Он подождал несколько минут, но никто так и не взял трубку на другом конце провода.

* * * На следующий день Глория Пасмор спустилась вниз около полудня. Волосы ее были тщательно уложены, а лицо аккуратно подкрашено. Легкой, почти девичьей походкой Глория

зашла в телевизионную. Это было похоже на чудо. Глория надела даже жемчуг и туфли на высоких каблуках, словно собиралась выйти из дома.

— О, Боже, — сказала она. — Я не привыкла спать так долго, но вчера мне требовалось отдохнуть. — Она улыбнулась Тому и Виктору, затем пересекла комнату и уселась на подлокотник кресла, в котором сидел ее муж. — Наверное, я слишком много вчера на себя взвалила.

— Наверное, — согласился Виктор, поглаживая ее по спине.

«Слишком много на себя взвалила?» Том был очень удивлен. Вчера мать дважды спустилась вниз, а все остальное время слушала пластинки и курила — она выкурила почти три пачки сигарет.

Глория положила ногу на ногу.

— А что это вы с таким увлечением смотрите? — поинтересовалась она.

— А. Там передавали очень интересный бейсбольный матч, но Томми настоял, чтобы я переключил на новости.

Том зашипел на родителей, чтобы они не разговаривали так громко.

На экране сестра Фоксвелла Эдвардса, полная темнокожая женщина без двух передних зубов, жаловалась на жестокость полиции во время ареста ее брата.

— Они не должны были его убить. Он очень испугаться. Фокси поговорить бы с полицией, но они не хотеть, захотеть его убить. Фокси делать плохо, но не быть плохой сам. Он очень любить он папа, а когда папа умер, Фокси ограбить магазин. Плохо себя чувствовать, понимаете? Вышел из тюрьмы три дня назад, а вчера увидеть полицию с автоматами и решить, что они пришли забрать его обратно. Фокси никогда никого не убивать. Но полиция держала его на крючке. Он был удобный. Я буду протестовать против это все.

— Я спустилась специально, чтобы приготовить ленч, — Глория коснулась рукой нитки жемчуга на шее.

Виктор быстро встал.

— Позволь предложить тебе руку, — он обнял жену за талию и повел к двери.

— Вы обратили внимание, как она коверкает слова? — сказала Глория. — «Он любить он папа». А если бы это была женщина, сказали бы «она и она папа». — Глория захихикала, и Том расслышал в смехе матери хорошо знакомые истеричные нотки.

Теперь на экране появился капитан Фултон Бишоп. Он давал пресс-конференция в украшенном флагами конференц-зале Центрального отделения полиции на Армори-плейс. Его гладкое загорелое лицо, лишенное всякого выражения, шевеля губами, произносило в микрофон:

— Конечно, его сестра очень расстроена, но было бы неразумно принимать всерьез ее обвинения. Она во власти своих эмоций. Мы предоставили мистеру Эдвардсу возможность сдаться добровольно. Как вы знаете, подозреваемый предпочел ответить нам стрельбой и серьезно ранил двух отважных полицейских, которые первыми встали на его пути.

— Они были ранены внутри дома? — спросил репортер.

— Да, это так. Преступник впустил их в дом, чтобы застрелить за закрытыми дверями. Он не знал, что район уже оцеплен.

— Так значит, подкрепление было вызвано еще до того, как прозвучали первые выстрелы?

— Это ведь был опасный преступник. Я хотел обеспечить своим сотрудникам подобающую защиту. Пресс-конференция закончена.

Капитан Бишоп встал и повернулся спиной к присутствующим, но они продолжали выкрикивать вопросы.

— Что вы можете сказать по поводу исчезновения министра Хасслгарда?

Бишоп снова повернулся к репортерам и склонился над микрофоном. Резкий белый свет падал ему на лысину. Выдержав паузу, он произнес:

— На расследование этого дела брошены все силы. Через несколько дней вы получите полную информацию о ходе нашей работы, — Бишоп прочистил горло. — А сейчас позвольте сообщить вам следующее. В последние несколько дней в делах министерства финансов обнаружены серьезные злоупотребления. Полиция склоняется к версии, что Фридрих Хасслгард не был смыт волной — он вам прыгнул в воду. — Капитан выпрямился и поправил галстук. — Какой-то добропорядочный гражданин написал мне письмо, давшее ключ к разгадке убийства Мариты Хасслгард. Кто бы вы ни были, если вы видите меня сейчас, примите мою искреннюю благодарность. Мне хотелось бы, чтобы вы сообщили свое имя мне или любому другому сотруднику с Армори-плейс. Тогда мы смогли бы по-настоящему продемонстрировать нашу благодарность.

Бишоп отошел от стола, на этот раз не обращая никакого внимания на крики репортеров.

Том пошел в кухню. Глория ставила на небольшой кухонный столик, за которым они обычно завтракали, блюдо с сэндвичами и мисочки с супом. Сейчас она напоминала образцовую мать семейства из телевизионной рекламы. Глория улыбнулась сыну. Глаза ее сверкали, она изо всех сил старалась показать им, что сегодня чувствует себя хорошо.

— Я оставлю тебе на вечер что-нибудь поесть, Том, — сказала она. — Мы ведь идем в гости.

Только теперь он наконец понял — мать с самого утра оделась на выход, потому что они с отцом идут сегодня на обед к Лангенхаймам.

Он сел за стол и начал есть. Во время ленча Виктор несколько раз повторил, что суп очень вкусный, а сэндвичи просто чудо. Грандиозный ленч! А Том разве так не считает?

— Теперь они утверждают, что Хасслгард утопился, — сказал Том. — И собираются объявить, что он растрачивал средства казначейства. Если бы кто-то не написал письмо в полицию, ничего из того, что случилось, не случилось бы. Если бы полиция не получала этого письма...

— Они бы все равно поймали его, — вмешался Виктор Пас-мор. — Хасслгард поднялся слишком высоко и слишком быстро. А теперь давай сменим тему.

Он говорил с Томом, но смотрел при этом на Глорию, которая как раз поднесла к губам сэндвич, но вдруг, вздрогнув, снова положила его на тарелку. Она смотрела прямо перед собой, но не видела ничего вокруг.

— "Она и она папа", — так всегда говорили слуги. Потому что в доме нас было только двое.

— Позволь мне проводить тебя наверх, — Виктор бросил на сына мрачный взгляд и подал жене руку.

Когда Виктор снова спустился вниз, Том сидел перед телевизором, доедая сэндвич, и смотрел, как один из репортеров телеканала Милл Уолк, стоя рядом с качающейся на волнах «Судьбой Могрома», рассказывает о том, как морской патруль нашел судно.

— Кое-кто высказывает сомнения в том, что Хасслгарда смыло волной. Среди слухов...

— Неужели тебе еще не надоело все это? — Виктор бесцеремонно подошел к телевизору и переключал каналы до тех пор, пока на экране не появился бейсбольный матч. — Где мой сэндвич?

— На столе.

Виктор вышел и почти тут же вернулся с огромным сэндвичем в руках.

— Твоей матери лучше, несмотря на все твои проделки, — сказал он, опускаясь в кресло.

Том встал и отправился к себе в комнату.

* * * В семь часов родители вместе спустились вниз, и Том успел выключить телевизор за секунду до того, как они показались на пороге комнаты. Мать выглядела так же, как днем — на ней было вечернее платье, нитка жемчуга и туфли на высоких каблуках. Том пожелал Виктору и Глории приятно повеселиться и, как только за ними закрылась дверь, набрал номер Леймона фон Хайлица.

Они сидели по разные стороны журнального столика с обитой кожей крышкой. Леймон фон Хайлиц откинулся на спинку кожаного дивана и смотрел на Тома сквозь клубы сигаретного дыма.

— Мне немного беспокойно, — сказал он. — Поэтому я и курю. Раньше я не курил, когда работал. Я занимался этим только в перерывах между делами, ожидая, пока на пороге появится новый клиент. Наверное, сейчас моя сила воли стала слабее, чем была тогда. К тому же не очень приятно принимать в своем доме полицейских.

— Бишоп пришел повидаться с вами? — спросил Том. Сегодня фон Хайлиц казался ему совсем другим, не таким, как в прошлый раз.

— Он послал двух детективов — Хоулмана и Натчеза — проводить меня домой. Эти же двое вчера вечером пригласили меня на Армори-плейс обсудить смерть министра финансов Хасслгарда.

— Они консультировались с вами?

Фон Хайлиц затянулся, затем с шумом выпустил дым.

— Не совсем. Капитан Бишоп предположил, что это я написал им какое-то письмо.

— О, нет, — Том вспомнил, как вчера, после выпуска вечерних новостей, пытался позвонить фон Хайлицу.

— Наш разговор все время прерывался новостями о событиях в Уизел Холлоу. Я смог вернуться домой только в полдень, а детективы Хоулман и Натчез сидели у меня часов до трех.

— Они допрашивали вас еще три часа?

Старик покачал головой.

— Они искали пишущую машинку, на которой было напечатано письмо. Им пришлось изрядно потрудиться. Я и сам не помню точно, сколько машинок собрал в своем доме за долгие годы. Хоулману и Натчезу показалось особо подозрительным, что одна машинка была спрятана в шкафчике для картотеки.

— А почему вы ее спрятали?

— Это-то и хотел выяснить детектив Натчез. Я понял, что один из полицейских, раненых в Уизел Холлоу — Менденхолл? — был его близким другом. А вообще-то, эта пишущая машинка — своего рода сувенир, оставшийся мне от дела о «Внуке Джека-потрошителя» — тебе уже попадалась в моем альбоме эта статья? Именно на этой машинке доктор Нелсон печатал письма нью-йоркской полиции.

Фон Хайлиц улыбнулся и, вытянувшись на диване, положил ноги на журнальный столик. Он провел ночь в полицейском управлении и полдня любовался, как двое детективов роются в его вещах. С тех пор он успел принять душ, побриться, слегка вздремнуть, но все равно выглядел немного усталым.

— Все получилось совсем не так, как я думал, — сказал Том. — Вас продержали всю ночь в полиции... — старик пожал плечами. — ...этого человека — Эдвардса — застрелили, двое полицейских ранены, Хасслгард утопился...

— Хасслгард не топился, — сказал фон Хайлиц, глядя на Тома сквозь облако дыма. — Его казнили.

— Но какое отношение имел ко всему этому Фоксвелл Эдвардс.

— Он просто оказался — как это сказала его сестра? — удобным для полиции. Они решили все свалить на него.

— Значит, я был одним из тех, кто убил его. Хасслгард и Эдвардс были бы живы, если бы я не написал это письмо.

— Ты никого не убивал. Их убила система, чтобы защитить себя, — фон Хайлиц опустил ноги и потянулся к пепельнице, чтобы потушить сигарету. — Помнишь, я говорил тебе, что человек, убивший моих родителей, солгал в своей исповеди лишь однажды? Мой отец,

конечно же, не был причастен к коррупции, охватившей остров. Он ненавидел то, что сделали эти жулики из Милл Уолк. И я думаю, он пошел к своему другу Дэвиду Редвингу и рассказал ему, что обнаружил и что собирается предпринять по этому поводу. Предположим, Дэвид Редвинг был так же ошарашен, как и мой отец. И он вполне мог поделиться полученной информацией с человеком, который не заслуживал его доверия. Когда вскоре после этого убили моего отца и мать, у Давида непременно должны были появиться определенные подозрения. Если только кто-нибудь, кому он доверял целиком и полностью, не постарался убедить президента, что обвинения отца были ложными, а их с матерью убил самый обычный грабитель.

— И кто же, по-вашему, это был?

— Его собственный сын. Максвелл Редвинг. До ухода в отставку он был правой рукой отца.

Том представил Максвелла Редвинга, развлекающего на террас-клуба в Игл-лейк своих племянников и племянниц, которые стали теперь бабушками и дедушками, потом вспомнил некролог в «Свидетеле».

— Как ты думаешь, над чем я работаю в последнее время?

— Не знаю, — сказал Том. — Вы работали над делом Хасслгарда, но теперь оно закончено.

— Наш покойный министр финансов — только крошечная часть большого сложного дела. Это мое последнее дело, точнее, дело всей моей жизни. Все вновь и вновь возвращается к убийству Джанин Тилман.

Том вдруг понял, что старик подозревает Редвингов в причастности практически ко всем преступлениям, совершенным на Милл Уолк.

— Послушайте, — начал он. — Я не хочу, чтобы вы думали...

Фон Хайлиц остановил его, подняв ладонь в темно-синей перчатке.

— Я хочу, чтобы ты кое о чем задумался, прежде чем продолжишь свою мысль. Как ты думаешь, посторонний человек догадается, глядя на тебя, о том, что случилось семь лет назад?

Тому потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что, так же как недавно его мать, фон Хайлиц намекает на аварию. Ему давно казалось, что это не имеет к нему никакого отношения — похоронено вместе с его прошлой жизнью, так же как глиняные трубочки и пустые бутылочки, которые находят время от времени на заднем дворе.

— Ведь это — важная часть того, кем ты стал. Того, кем ты являешься.

Тому вдруг захотелось встать и уйти из этого дома. У него было сейчас такое ощущение, словно он запутался в паутине.

— Ты чуть не умер. С тобой случилось такое, что происходит лишь раз в жизни. И очень немногие помнят и говорят об этом. Ты — словно человек, который видел темную сторону Луны. Такая привилегия даруется немногим.

— Привилегия? — переспросил Том, гадая про себя, какое отношение имеет ко всему этому убийство Джанин Тилман.

— Знаешь, что рассказывают люди о подобного рода переживаниях?

— Я не хочу этого знать, — ответил Том.

— Они вспоминают, что двигались вниз, в темноту, по длинному тоннелю. А в конце тоннеля мерцал свет. И их охватывало при этом чувство умиротворенности, счастья, даже радости...

Том чувствовал, что сердце его вот-вот разорвется. На несколько секунд он даже потерял зрение. Он попытался встать, но тело не слушалось его. Том не мог даже дышать. Как только он понял, что не видит ничего вокруг, зрение тут же вернулось, но паника, охватившая его, только усилилась. Он словно рассыпался на атомы, которые тут же снова соединились.

— Ты — дитя ночи, Том, — сказал фон Хайлиц.

Слова его затронули в душе Тома какие-то новые струны. Том вдруг увидел над собой ночное небо, словно с дома сняли крышу. В бесконечной тьме мерцали лишь несколько тусклых звездочек. Тому вспомнились слова Хэтти Баскомб о том, что мир наполовину состоит из ночи. Один слой ночи за другим — слои тьмы и мерцающих звезд.

— Я не могу, я не могу больше все это выносить, — Том поглядел на свое тело, неподвижно лежавшее в кресле. Это было тело незнакомца. Ноги его казались невыносимо длинными.

— Я просто хотел, чтобы ты знал, что носишь все это внутри себя, — сказал старик. — Что бы это ни было — боль, страх или любопытство.

Том почувствовал вдруг запах пороха и понял, что запах исходит от него. Еще он понял, что если расплатится сейчас, то ни за что не сможет остановиться.

Старик улыбнулся ему.

— Как ты думаешь, что ты делал в тот день? Почему оказался в западной части острова.

— Мой друг жил в Бухте Вязов. Думаю, я шел к нему, — Том и сам понимал, насколько фальшиво звучат его слова. Несколько секунд оба молчали.

— Я помню это чувство — мне надо было попасть куда-то, — произнес наконец Том.

— Попасть именно туда, — уточнил фон Хайлиц.

— Да. Именно туда.

— Ты бывал когда-нибудь после в районе Парка Гете.

— Только один раз. Меня чуть не стошнило. Я не мог там оставаться. Это было в тот день, когда я видел вас в Узел Холлоу.

Тома поразило выражение глаз старика — словно он смотрел на него и одновременно вычислял в уме тысячу разных вещей.

Том старался изо всех сил взять себя в руки.

— Можно спросить у вас кое-что о Джанин Тилман? — произнес он.

— Да, конечно.

— Это звучит немного глупо — но, возможно, я забыл кое-что.

— Так спроси меня.

— Вы сказали, что Артур Тилман оставил револьвер на столике недалеко от пирса, а Антон Гетц взял его и выстрелил в Джанин с расстояния тридцати футов. Но откуда Гетц знал, что револьвер косит влево. Ведь это нельзя сказать, просто взглянув на оружие?

фон Хайлиц опустил ноги, склонился над столом, взял Тома за руку и пожал ее.

— Значит, я ничего не упустил?

Старик по-прежнему держал его руку.

— Абсолютно ничего. Наоборот, ты заметил, чего не хватало в моем рассказе. — Фон Хайлиц снова откинулся на спинку дивана, уронив руки себе на колени. — Гетц знал, что револьвер косит влево, потому что сделал два выстрела. Первая пуля попала в стену охотничьего домика. Гетц тут же прицелился снова и второй выстрел убил Джанин. А первую пулю я сам выковырял из стены дома.

— Значит, вы знали, на каком месте стоял Гетц. Найдя пулю, вы вычислили, с какого места стреляли. Как с машиной Хасслгарда. Старик улыбнулся и покачал головой.

— Значит, под столом валялись две стреляные гильзы?

— Не было никаких стреляных гильз.

— Вы видели, как это случилось, — продолжал гадать Том. — Нет. Вы видели револьвер на столике. Нет. Не могу угадать.

— Ты был близок к истине. Только револьвер на столике видел в тот вечер не я, а другой обитатель Игл-лейк. Ему было лет двадцать пять, так же как мне. Он был вдовцом с маленькой дочерью и жил в своем домике достаточно уединенно. Он уехал с Игл-лейк на следующий день после убийства Джанин.

Том вздрогнул.

— Как его звали?

— Он был, наверное, единственным человеком, который слышал в ту ночь выстрелы, потому что находился в соседнем домике. В тот Редвинги устраивали в клубе вечеринку — справляли помолвку Джонатана с Кейт Даффилд. Они пригласили из Чикаго оркестр под управлением Бена Поллака. Было очень шумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.